

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОЧИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

МУАРРИХ

(маҷаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 2 (38) 2024

Маҷаллаи илмӣ-назариявӣ «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти рақами 331/МҶ-97 22-юми феврالی соли 2024 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз санаи 21 феврالی соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

САРМУҲАРИР: *Насрулло УБАЙДУЛЛО, доктори илмҳои таърих, профессор*

МУҲАРИРИ МАСЪУЛ: *Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор*

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

Юсуфшо ЁҚУБШО - академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон;

Ҳайдаршо ПИРУМШО - узви вобастаи Академияи миллии илмҳои

Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдулло ҒАҒУРОВ - номзоди илмҳои таърих, дотсент;

Лариса ДОДХУДОЕВА - доктори илмҳои таърих, профессор;

Аскаралӣ РАҶАБОВ - доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдувалӣ ШАРИФЗОДА - номзоди илмҳои таърих;

Нуриддин САЙҒУЛЛОЕВ - номзоди илмҳои таърих;

Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктори илмҳои таърих;

Қосимшо ИСКАНДАРОВ - доктори илмҳои таърих;

Виктор ДУБОВИТСКИЙ - доктори илмҳои таърих (Русия);

Александр ЧУБАРЯН - академики Академияи илмҳои Русия,

доктори илмҳои таърих, профессор (Русия);

Франсис РИШАР - узви хориҷии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон,

доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса);

Апри-Пол ФРАНКФОР – узви хориҷии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон,

доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса).

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 2 (38) 2024

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 331/МҚ-97 от 22 февраля 2024 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Насрулло УБАЙДУЛЛО, доктор исторических наук, профессор*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: *Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Юсуфшо ЁКУБШО - академик Национальной академии наук Таджикистана;

Хайдаршо ПИРУМШО - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор;

Абдулло ГАФУРОВ - кандидат исторических наук, доцент;

Лариса ДОДХУДОЕВА - доктор исторических наук, профессор;

Аскарали РАДЖАБОВ - доктор исторических наук, профессор;

Абдували ШАРИФЗОДА - кандидат исторических наук;

Нуриддин САЙФУЛЛАЕВ - кандидат исторических наук;

Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктор исторических наук;

Косимшо ИСКАНДАРОВ - доктор исторических наук;

Виктор ДУБОВИЦКИЙ - доктор исторических наук (Россия);

Александр ЧУБАРЬЯН - академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Россия);

Франсис РИШАР - иностранный член Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор (Франция);

Анри-Поль ФРАНКФОР - иностранный член Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор (Франция).

ISSN: 2709-7382

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 2 (38) 2024

The scientific and theoretical journal «Historian» was founded in 2015 and is published four times a year in Tajik, Russian and English. The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under number 331/MJ-97 dated February 22, 2024.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR: **Nasrullo UBAYDULLO** *Dr. of History, Professor*

EXECUTIVE EDITOR: **Hamza KAMOL** *Dr. of History, Professor*

EDITORIAL BOARD:

Yusufsho YOKUBSHO - Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan;

Haydarsho PIRUMSHO - corresponding member of the National

Academy of Sciences of Tajikistan the AS Republic of Tajikistan, Dr. of History, Professor;

Abdullo GAFUROV - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

Larisa DODKHUOEVA - Dr. of History, Professor;

Askarali RAJABOV - Dr. of History, Professor;

Abduvali SHARIFZODA - candidate of historical sciences;

Nuriddin SAYFULLOEVI - Candidate of History;

Saidmurod BOBOMULLOEV - Dr. of History;

Kosimsho ISKANDAROV - Dr. of History;

Victor DUBOVITSKIY - Dr. of History, (Russia);

Alexander CHUBARYAN - academician of the RAS,

Dr. of History, Professor (Russia);

Francis RISHAR - foreign corresponding member of the National

Academy of Sciences of Tajikistan, Dr. of History, Professor (France);

Henri-Paul FRANKFOR - Foreign member of the National Academy of Sciences

Tajikistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (France).

МУНДАРИЧА - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНИЙ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ - NATIONAL HISTORY

САИДОВ А. Таъсиси давлати Музаффарийён ва ҳукумати Муборизиддин	5
АМИРШОЕВ С.Н. Вклад семьи Сеида Аджаля Бухари в развитие Китайской государственности в XIII-XIV веках	14
МУҲИДИНОВ С.Ҳ. Баъзе масъалаҳои зироаткорӣ ва шуғли хунармандии тоҷикон дар Сибир (асрҳои XVII – XVIII)	24
СОХИБНАЗАРЗОДА М.Д. Художественная обработка металла в Мавераннахре X - XIII веков	33
САДИКОВА С.А. Эволюция вязального ремесла в Средневековой Средней Азии.....	41
ХАКИМОВА З.Г. Эволюция отдельных традиций в области косметики таджиков в конце XIX - первой половине XX в.	47
РАХИМЗОДА К.С. Истоки эпических традиций хамосасарои в искусстве Таджикского народа.....	53
АКРАМОВ М.И. Подготовка научных кадров в Таджикистане в послевоенный период (1946-1960).....	61
ҚОЗИЗОДА Ш. Тараққиёти саноати пахтаи ноҳияи Мастҷоҳ дар солҳои 50-60-уми асри XX.....	69

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ

- ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

УБАЙДУЛЛО Н.К. Вклад академика Б.А. Литвинского в становление и развитие Таджикской археологической науки	76
РАДЖАБОВ А. Ахмад Махдум Дониш – один из последних основателей классической школы каллиграфии Мавераннахра	82
САФАРЗОДА Н. Некоторые особенности «Аль-булдан»-а (книга стран) Якуби в описании географии Великого Хорасана	91
КАБИЛОВА Б.Т. Патриарх таджикского театроведения и театральной критики	100
ШАРИФЗОДА А.Қ. Таҳқиқи сикказанӣ ва муомилоти пулии Давлати Сомониён дар Иттиҳоди Шуравӣ	106
САИДЗОДА И. Историографический обзор исследований о жизнедеятельности А. Мухиддинова	119
ШАРИФЗОДА А., САИДЗОДА С. Таърихи тармим ва таҳкими мероси таърихию фарҳангии Тоҷикистон.....	124

ТАЪРИХИ ИЛМ ВА ТЕХНИКА – ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ
– HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

СУЛТОНЗОДА С.А. Муҳаммад Ғаззоли дар таҳқиқи Франтс Август Шмёлдерс	129
--	-----

БОСТОНШИНОСӢ - АРХЕОЛОГИЯ – ARCHEOLOGY

ЯКУБОВ Ю. Микробазы и алтари с античных памятников Дангаринского района.....	135
КАЛАНДАРОВА О.И. Самоцветы в ювелирных украшениях Бактрии – Тохаристана.....	146

ТАЪРИХИ РОБИТАҲОИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ВА СИЁСАТИ ХОРИҶӢ - ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ - HISTORY OF
INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

ИБРОГИМОВА Г.С. Таърихи барқарории равобити дипломатию сиёсии давлатҳои Осиёи Марказӣ бо Созмони ҳамкории иломӣ	159
--	-----

УДК 94 (575.3)

ТАЪСИСИ ДАВЛАТИ МУЗАФФАРИЁН ВА ҲУКУМАТИ МУБОРИЗИДДИН¹

САИДОВ А.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Яке аз хонадонҳои тоҷиктабор, ки пас аз нузули давлати Элхониҳо арзи ҳастӣ карда буд, ин хонадони Музаффарӣҳо мебошад, ки дар вилоятҳои Язд, Кирмон, Форс, Исфаҳон ва Ироқ ҳукмронӣ кардаанд. Бобокалонии ин хонадон Ғиёсуддин Ҳочии Хуросонӣ аз аҳли Сачованди Хавоф буд. Баъзеҳо мегӯянд, ки ӯ зодаи деҳи Наштақони [7, 94] Хавоф аст. Ӯ се писар дошт: Мансур, Муҳаммад [11, 273] ва Абубақр. Замони ҳучуми муғул Ғиёсуддин Ҳочии Хуросонӣ бо се писари худ ба вилояти Язди Хуросон рафт. Абубақр ва Муҳаммад мулозими атобаки Язд Алоуддавла гардиданд. Абубақр дар лашкаркашии Ҳулоку ба Бағдод иштирок намуда, пас аз тасхири Бағдод Абубақр бо лашкариёни Ҳулоку ба ҳудуди Миср рафт ва баъдан ҳангоми ба ҷониби Шом равон шудан, дар ҷанг бо аъроб ҳалок гардид. Муҳаммад дар хизмати атобаки Язд Алоуддавла қарор дошт. Мансур бошад, то вафоти падараш ӯро ҳамроҳӣ мекард [2, 187, 7, 94].

Абубақр ва Муҳаммад фарзанд надоштанд. Мансур бошад, се писар дошт: Муҳаммад, Алӣ ва Музаффар. Музаффар фарзанди хурдии Мансур ба шумор мерафт ва азбаски ӯ шахси паҳлавончусса буд, писари атобаки Язд Юсуфшоҳ ӯро ба хизмати худ даъват намуда, ҳокими Майбуд таъйин кард. Музаффар баъдтар ба урдуи Арғунхон шомил шуда, мартабаи ясовулиро соҳиб гашт.

Музаффар то аҳди Гайхоту (1291-1295) ва Ғозонхон (1295-1304) дар урдуи элхонӣ хизмат кард. Дар ин айём атобаки Луристон Афросиёб бар зидди Гайхоту исён бардошт ва Гайхоту барои паҳши он Музаффарро фиристод. Музаффар супориши Гайхотуро иҷро намуд. Музаффар соли 1295 пас аз вафоти Гайхоту ба хизмати Ғозонхон дохил шуда, соҳиби обрӯю эътибори баланд гашт. Замони ҳукумати Улҷойту (1304-1316) низ ӯ ба вазифаҳои баланд соҳиб гашт. Улҷойту ба ҷуз аз ҳокимии Майбуд ба уҳдаи Музаффар идораи вилоятҳои байни Кирмоншоҳу Луристон то Марву Ҳиротро низ воғуздор намуд. Музаффар соли 707 ҳ.қ./1307-1308 ба Язд баргашт [11, 274]. Соли 711 ҳ.қ./1311-1312 ба Музаффар маншур расид, ки ба роҳи Шероз ба урдуи Улҷойту ба Бағдод ояд. Дар ин сафар ӯ писараш Амир Муборизиддинро бо худ ҳамроҳ гирифт. Баъди иҷрои ин маъмурият боз ба Язд баргашт. Баъдтар Музаффар ба бемории шадиде мубғало гардида, 13 зулкаъдаи соли 713/1 марти соли 1314 оламро тарк намуд. Ҷасади ӯро ба Майбуд интиқол дода, дар яке аз мадрасаҳои, ки худӣ ӯ сохта буд, дафн намуданд [2, 188-189, 7, 97, 10, 890].

Пас аз вафоти амир Музаффар душманону муғризони хонадони ӯ хостанд, ки онҳоро аз ҳокимияти Майбуд барканор намояд. Писари амир Музаффар - Муборизиддин Муҳаммад аз ин амал огоҳ гардида, озими урдуи Улҷойту гашт. Улҷойту ӯро

¹Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асриҳои III - аввали асри XX) рақами қайди давлатӣ 0121ТГ 1211 навишта шудааст.

хуш пазируфта, амлоки падарашро бо иёлоти Майбуд ба ӯ вогузор намуд. Амир Муборизиддин муддати чор сол, то вафоти Улҷойту (1316), мулозими ӯ буд. Дар замони ҳукмронии Абусаъид (1316-1335) низ амир Муборизиддин дар ҳамон мақом боқӣ монд [4, 450-451, 11, 274].

Дар ин айём дар Язд байни ноиби амир Кайхусрав ва атобаки Язд Ҳочишоҳ низо сар зад, ки сабаби қатли ноиби Кайхусрав гардид. Амир Муборизиддин бо иҷозати султон Абусаъид атобаки Язд Ҳочишоҳро мағлуб намуд ва ӯ бо тобеони худ рӯ ба гурез овард [3, 7-8, 5, 56-57, 6, 424]. Дар натиҷаи ин ғалаба ҳукмронии дарозмуддати силсилаи атобакони Язд ба поён расид ва амир Муборизиддин ба урдуи султон Абусаъид рафт. Пас аз чанде идораи ҳукумати Язд ба уҳдаи ӯ вогузор гардид. Дар ин миён ӯ ду маротиба ҳучуми накудариёни Систонро ба Язд боздошт. Амир Муборизиддин се нафар фарзанд дошт: Шохмузаффар, Шохшучоъ ва Шохмахмуд.

Пас аз вафоти Абусаъид (1335) авзои кишвар рӯ ба нооромӣ ниҳод ва дар ҳар гӯшаву канори мамлакат ҳокимон худро мустақил эълон карданд. Идораи Форс дар дасти писари калонии Маҳмудшоҳи Инчу - Чалолуддин Масъудшоҳ қарор дошт. Писари хурдии Маҳмудшоҳи Инчу шайх Абуисҳоқи Инчу соли 737 х.к./1336-1337 бо мақсади ғасби Язд бар зидди амир Муборизиддин лашкар кашид. Бо талошу миёнравии шайхҳои маъруф оташи чанг хомӯш гардид ва шайх Абуисҳоқ Яздро тарк намуда, роҳи Шерозро пеш гирифт.

Баъди бозгашти Абуисҳоқ ба Шероз амир Пирхусайни Чӯпонӣ дар соли 740 х.к./1339-1340 ба назди амир Муборизиддин омада, мурочиат намуд, ки барои забти Шероз ба ӯ мадад намояд. Тибқи паймон онҳо дар Истахр бо ҳам пайвастанд. Ҳокими Шероз амир Масъудшоҳ аз иттифоқи ду амир ба ҳарос афтада, ба сӯи Гозирун шитофт ва амир Муборизиддин бо лашкари худ ӯро таъқиб намуд. Пас амир Масъудшоҳ роҳи Бағдодро пеш гирифта, ба амир Шайх Ҳасани бузург пайваст. Муборизиддин ба урдуи Пирхусайни Чӯпонӣ баргашт ва онҳо якҷоя ба муҳосираи Шероз шуруъ намуданд. Аз ҳар ду ҷониб мардуми зиёд кушта гардид ва чанд мавзеи девори шаҳр раҳна гардид. Оқибат Пирхусайни Чӯпонӣ Шерозро таҳти тасарруфи худ дароварда, Кирмонро, ки тобеи ӯ буд, ба ихтиёри амир Муборизиддин супорид [4, 455-458, 11, 277-278]. Ба амир Муборизиддин муяссар гардид, ки лашкари ҳокими Кирмон малик Қутбиддин Некрӯзро аз он ҷо берун кунад.

Баъд аз он амир Муборизиддин қалъаи Бамро, ки яке аз қалъаҳои мустаҳ-ками Кирмон буд, ба даст оварда, ҳокими он Аҳӣ Шучоуддини Хуросониро дастгир намуда, ба қатл расонд [2, 223-226, 7, 155-157].

Дар ин миён байни амир Муборизиддин ва амир Пирхусайни Чӯпонӣ муҳолифат сар зад ва амир Муборизиддин аз амри амир Пирхусайни Чӯпонӣ сарпечӣ намуд. Дар натиҷа амир Пирхусайни Чӯпонӣ саъй намуд, ки бар қасди Музаффарӣён хонадони Инчуру ба худ наздик намояд.

Ҳангоми ин воқеаҳо шайх Абуисҳоқ Шерозро зери итоати худ даровард. Дар он ҷо ба номи ӯ хутба хонда, сикка заданд. Ӯ соли 748 х.к./1347-1348 ба Кирмон лашкар кашид ва вақти ба он ҷо наздик шудан фаҳмид, ки лашкари амир Муборизиддин сершумор аст, талаби сулҳ намуд ва ба Шероз баргашт. Абуисҳоқ хангоми ба Шероз омадан Шамсуддини Соин ва Сайид Ғиёсуддин Алии Яздиро аз вазорати Шероз дур

карда, ин мансабро ба амир Захируддин Иброҳим супорид. Азбаски Захируддин Иброҳим роҳи мудохила ва даромади аъёни мамлакатро баст, аз дасти авбошон кушта шуд ва он ду вазири собик боз мансаби вазоратро соҳиб шуданд [4, 470-471].

Шамсуддини Соин бо амри шайх Абуисҳоқ ба Хурмуз фиристода шуд. Ӯ дар он вилоят зулми зиёд намуда, пас ба Кирмон лашкар кашид ва қабоиلى кӯчии муғулии «авғонӣ» ва «чурмой»-ро мутеи худ сохт. Дар охир аз ҷониби Муборизиддин шикаст хӯрд ва ба қатл расид [2, 234-235, 12, 316].

Амир Муборизиддин бар зидди қабоиلى кӯчии муғулии «авғонӣ» ва «чурмой» лашкар кашид. Амрони ин қабилаҳо дар қалъаи Сулаймон, ки бағоят мустаҳкам буд, пинҳон шуданд. Дар набарди шадид амир Муборизиддин мағлуб гардида, захмин шуд ва ба Кирмон баргашт. Дар ин набард зиёда аз ҳаштсад каси номдори ӯ ба ҳалокат расид [2, 245-248].

Амир Муборизиддин пас аз шикаст аз ҷониби қабоиلى «авғонӣ» ва «чурмой» аз Абуисҳоқ хост, ки ин тоифаро ба Шероз роҳ надиҳад ва барои ин яке аз амрони худ Ҳочӣ Дайламро назди Абуисҳоқ фиристод.

Ҳочӣ Дайлам ҳангоми ба Шероз омадан фаҳмид, ки Абуисҳоқ қаблан бо авғониён ва чурмоиён барои бар зидди амир Муборизиддин барҳестан аҳд бастааст ва аз ин амал амир Муборизиддинро огоҳ намуд. Чун Абуисҳоқ фаҳмид, ки амир Муборизиддин аз ҳилаи ӯ огоҳ гардидааст, амир Ҷалолуддин Султоншоҳи Ҷондорро бо ду ҳазор савора ба ёрии авғониён ва чурмоиён фиристода, худ ба Язд лашкар кашид.

Дар ин ҳангом писари амир Муборизиддин, Шохмузаффар, ки дар Кирмон буд, дарҳол ба Язд шитофт ва девори қалъаи Майбудро устувор намуд. Фатҳи қалъаи Майбуд ба Абуисҳоқ муяссар нагашт ва пешниҳоди сулҳ намуд. Пас ба созиш омадан ҳар як ба ҷойи худ баргаштанд. Сипохиёни амир Ҷалолуддин Султоншоҳи Ҷондор низ, ки ба кумаки қабоиلى кӯчии муғули омада буданд, ягон кореро анҷом дода натавонишанд ва пас аз созишномаи Абуисҳоқ бо Шохмузаффар ба Шероз баргаштанд [2, 251-257, 7, 201-207]. Дар натиҷа кашмакашиҳои зиёд амир Муборизиддин қабоиلى муғулии «авғонӣ» ва «чурмой»-ро мағлуб сохт ва амир Ҷалолуддин Султоншоҳи Ҷондор аз Абуисҳоқ рӯй гардонда, ба ҷониби амир Муборизиддин гузашт.

Дар аввали моҳи рамазони соли 751 ҳ.қ./ноябри соли 1350 шайх Абуисҳоқ ба Язд лашкар кашид. Шохмузаффар ҷонибдорони худро ҳамроҳи писараш Нусратуддин Яҳё аз қалъаи Майбуд ба Язд фиристод. Абуисҳоқ қалъаи Ядро ба муҳосира гирифт, вале онро фатҳ карда натавонист ва ба қафо баргашт. Дар натиҷаи баста шудани роҳҳо дар Язд қаҳтиву гуруснагӣ сар зад [2, 265-266, 7, 223-225].

Соли 753 ҳ.қ./1352-1353 шайх Абуисҳоқ амир Бекчикодро аз Шероз барои фатҳи Кирмон фиристод. Дар ин лашкаркашӣ бародарзодаи шайх Абуисҳоқ - Кайкубод писари Кайхусрав ва писари Маҳмудшоҳи Инчу низ шомил буданд. Амир Муборизиддин бо писараш Шохшучоъ барои дафъи душман ба сӯи Рафсанҷон, ки дар сари роҳи онҳо қарор дошт, равон гашт. Писари дигари ӯ Шохмузаффар низ аз Язд ба ӯ пайваст. Рӯзи 14 ҷумоди-л-аввали соли 753 ҳ.қ./28 июни соли 1352 дар саҳрои Панҷангушт байни ду лашкар набарди хунин сар зад, ки дар он амрони зиёде аз лашкари шерозиён ба асирӣ афтоданд. Ба Бекчикоҷ ва Кайкубод муяссар гашт, ки фирор намоянд. Дар ин набард лашкари амир Муборизиддин ғаноими зиёд ба даст

овард [2, 277-279, 7, 243-247]. Пас аз ин амир Муборизиддин барои ба шайх Абуисҳоқ зарбаи қатъӣ расондан ва забти Шероз ва Форс омодагӣ гирифт.

Дар ибтидои соли 754 ҳ.к./феврари соли 1353 амир Муборизиддин озими Шероз шуд. Шайх Абуисҳоқ аз лашкаркашии амир Муборизиддин огоҳ гардида, ба ҳарос афтод ва бо машварати наздикони худ қозии маъруфи замон Иззуддин Абдурраҳмони Ийҷиро барои гуфтушунид ба назди амир Муборизиддин фиристод. Амир Муборизиддин Қозӣ Иззуддинро бо эҳтироми зиёд пазираӣ намуда, 50 ҳазор динор ба ӯ ва 10 ҳазор динор ба мулозимонаш тухфа намуд. Пас Қозӣ Иззуддин ба самъи амир Муборизиддин арз намуд, ки шайх Абуисҳоқ хоҳони сулҳу дӯстӣ бо онҳост ва ҳамаи амрҳои онҳоро иҷро менамояд. Амир Муборизиддин миёнравии ӯро напазируфта гуфт, ки шайх Абуисҳоқ ҳашт маротиба аҳдшиканӣ намудааст ва ба қавли ӯ эътимод надорад. Қозӣ Иззуддин барои розӣ кардани амир Муборизиддин кӯшиши зиёд ба харҷ дод, вале натиҷа набахшид ва чорае чуз ба қафо баргаштан надошт.

Амир Муборизиддин роҳи Шерозро пеш гирифта, дар аввалҳои моҳи сафари соли 754 ҳ.к./марти соли 1353 бо лашкари анбӯх ба навоҳии Форс расида, дар мавзеи Хон Соин, ки панҷ фарсахи Шероз аст, қарор гирифт. Шайх Абуисҳоқ низ лашкари зиёде ҷамъ намуда, бо он ҷо омад. Байни ду лашкар набарди шадид сар зад ва шайх Абуисҳоқ ба ҷониби Шероз фирор намуда, дар дохили қалъа паноҳ гирифт. Рӯзи дигар лашкари амир Муборизиддин ба Шероз расид ва байни онҳо боз задухӯрди шадид барпо гардид.

Яке аз амирони шайх Абуисҳоқ, Мачдуддини Сарбандӣ ба ҷониби амир Муборизиддин гузашта, тобеияти худро ба ӯ изҳор намуд. Амир Муборизиддин ӯро хуш пазируфта, кутволи қалъаи Сарбанд таъйин намуд. Мачдуддин пас аз чанде барзидди амир Муборизиддин исён бардошт. Амир Муборизиддин аз Шероз ба сӯйи қалъаи Сарбанд рафта, онро муҳосира кард ва Мачдуддин бо писари калонии худ ба Шероз фирор намуд. Пас аз тасхири қалъа амир Муборизиддин боз ба Шероз баргашта, қалъаи онро ба муҳосира гирифт.

Дар ин айём писари амир Муборизиддин Шохмузаффар дар моҳи ҷумоди-лоҳари соли 754 ҳ.к./июли соли 1353 даргузашт ва худи амир Муборизиддин низ ба бемории саҳт гирифтोर шуд, вале бо вучуди ин ӯ аз муҳосираи қалъа даст накашид. Ҷасади Шохмузаффарро дар мадрасаи Майбуд ба хок супориданд.

Ҳангоми муҳосира воқеаҳои рӯй доданд, ки ба нафъи амир Муборизиддин буд. Яке он буд, ки шайх Абуисҳоқ ду тан аз бузургони Шерозро ба номи Сайидамир Ҳоҷӣ Зарроб ва Кулӯ Шамси Қосимро беасос бидушт ва ин нафрати шерозиёнро нисбати шайх Абуисҳоқ афзун намуд. Воқеаи дигар ин буд, ки мавлоно Иззуддини Ийҷӣ аз ӯ рӯй гардонда, ба урдуи амир Муборизиддин рафт. Илова бар он вазири ӯ Ҳоҷӣ Қивомуддини Ҳасан вафот кард ва Носириддини Умарро, ки марди шучоъ буд, аз худ ранҷонид. Пас Носириддини Умар дарвозаи Мавридистони Шерозро ба рӯи Шохшучоъ кушод. Сипоҳиёни амир Муборизиддин рӯзи сеюми моҳи шавволи соли 754 ҳ.к./1 ноябри соли 1353 ба воситаи он дарвоза вориди шаҳр шуданд. Дар муддати муҳосираи Шероз шайх Абуисҳоқ ба бодахӯриву айшу ишрат машғул шуда, аз вазъи мамлакат ғофил гашта буд.

Баъди ба шаҳр дохил гаштани амир Муборизиддин шайх Абуисҳоқ Шерозро тарк намуда, озими Шулистон шуд ва дар қалъаи «Сафед» паноҳ бурд. Ӯ барои ёрӣ ба ҳокими Бағдод Шайх Ҳасани Элқонӣ муроҷиат намуд. Шайх Ҳасан ба ёрии ӯ ду

ҳазор савораро бо сардории Окбуко фиристод. Шайх Абуисҳоқ ба дастгирии Бекчикоқ ва Кулӯ Фахриддин умед баста, бо ин сипоҳ ба сӯи Шероз ҳаракат намуд.

Амир Муборизиддин ба муқобили онҳо писараш Шоҳшучоъро фиристод. Шайх Абуисҳоқ дар ҳарос афтада, ба Исфаҳон фирор намуд ва сипоҳиёни бағдодӣ ба шаҳри худ баргаштанд. Амир Муборизиддин тамоми Форсро зери тасарруфи худ дароварда, амирони ҷонибдорони шайх Абуисҳоқро дастгир намуда ба қатл расонд [2, 283-292, 7, 254-266].

Соли 755 ҳ.к./1354 шайх Абуисҳоқ барои забти Шероз яке аз амирони худ Ойтемурро ҳамроҳи домодаш амир Гиёсуддини Мансур бо лашкари зиёд ба он ҷо фиристод. Лашкари Шоҳшучоъ ба ёрии шерозии омад. Дар ин набард лашкари шайх Абуисҳоқ мағлуб гардида, қасони зиёде, аз ҷумла Ойтемур кушта гардиданд [2, 294-297, 7, 267-272, 11, 289]. Пас аз ин ҷонибдорони шайх Абуисҳоқ бо сардори Хоҷа Имоуддини Кирмонӣ ва хоҳарзодаи Абуисҳоқ Сулғуршоҳ дар навоҳии Доробҷард ҷамъ гашта, бар зидди Шоҳшучоъ лашкар кашиданд, вале оқибат мағлуб гашта, фирор намуданд [2, 297-299, 4, 494].

Амир Муборизиддин соли 755 ҳ.к./1354 ҳангоми ба фатҳи Исфаҳон равон шудан, дар қарияи Морвонон бо вакили халифаи Аббосӣ ал-Муътазид биллоҳ, ки дар Миср иқомат дошта, худро ҷонишини хулафои Аббосӣ медонист, мулоқот кард ва ба воситаи ӯ ба халифаи мазкур дасти байъат дод ва дар хутбаҳо ва сиккаҳо номи ӯро зикр намуд [2, 299-300, 7, 274-277, 11, 289].

Соли 756 ҳ.к./1355 амир Муборизиддин писараш Қутбиддини Маҳмуро бар зидди малик Ардашер, ки аз охири бозмондагони мулуки Шабонқора буд, фиристод. Қутбиддини Маҳмуро қалъаи Шабонқораро ба муҳосира гирифта, малик Ардашерро аз мақарраш берун сохт ва Шабонқораро забт намуд [7, 278-279, 6, 425]. Пас аз фирори малик Ардашер аз Шабонқора ва тасхири пурраи он ҳукумати мулуки Шабонқора аз миён бардошта шуд.

Дар ин миён амирони авғонӣ ва ҷурмой бар зидди амир Муборизиддин исён бардоштанд, ки он паҳш карда шуд. Шайх Абуисҳоқ аз фурсати муносиб истифода бурда, тавонист, ки боз Исфаҳонро зери тобеияти худ дарорад.

Амир Муборизиддин пас аз дафъи фитнаи амирони авғонӣ ва ҷурмой соли 757 ҳ.к./1356 бар зидди шайх Абуисҳоқ ба Исфаҳон лашкар кашид. Шайх Абуисҳоқ бо яке аз шахсони бонуфузи Исфаҳон Ҷалолуддин Мири Мирон дар қалъаи Исфаҳон пинҳон шуданд. Амир Муборизиддин Шоҳсултонро ба муҳосираи Исфаҳон фиристода, худаш бо Шоҳшучоъ ва Шоҳмаҳмуро барои тасхири Луристон, ки ҳокими он атобак Нурулвард ва хеши ӯ Кайюмарс нисбати Музафариён адовати зиёд доштанд, фиристод. Аҳолии Луристон аз ҷабри зулми ин ҳокимон зиндагии душворро аз сар мегузаронданд ва ҳангоми ба шаҳр омадани лашкари Шоҳсултон онҳо ғавҷ-ғавҷ берун шуда, ба лашкари ӯ таслим мешуданд. Фармондеҳи қалъаи Табаррук, ки бо худуди Исфаҳон пайваст буд, ба Шоҳсултон пайғом дод, ки агар барои муҳофизоти қалъа инъоме диҳад, ӯ аз муҳосираи қалъа даст кашада, ба лашкари онҳо ҳамроҳ мегардад. Шоҳсултон аз ин хурсанд шуда, ба онҳо сад ҳазор динар фиристод ва амр намуд, ҳазони қалъа низ ба онҳо дода шавад.

Ҳамин тавр, аҳли қалъа берун омада, онро ба лашкари Шоҳсултон супориданд. Ҷалолуддин Мири Мирон ба Кошон фирор намуд. Шайх Абуисҳоқ дар хонаи шайхул-ислом Асилуддин, ки пешвои он диёр буд, пинҳон шуд. Шоҳсултон Исфаҳонро

ишғол намуда, шайх Абуисҳоқро дастгир кард ва ба Шероз фиристод. Амир Муборизиддин ӯро ба дасти ворисони Ҳоҷӣ Зарроб, ки аз чониби Абуисҳоқ ноҳақ кушта шуда буд, супорид. Яке аз писарони Ҳоҷӣ Зарроб бо зарби шамшер сари ӯро аз тан чудо кард [2, 305-308, 7, 286-288].

Бино ба хабари Ҳофизии Абрӯ қатли шайх Абуисҳоқ рӯзи чумъаи 22 чумодиу-лаввали соли 758 ҳ.қ. пас аз намоз/13 майи соли 1357 рух дод [5, 288], аммо тибқи тақвими ҳичрӣ он ба рӯзи шанбе мувофиқ меояд. Муаллифи «Матлаъу-с-саъдайн ва маҷмаъу-л-бахрайн» менависад, ки ҳодисаи куштори шайх Абуисҳоқ рӯзи чумъа баъд аз намоз бисту сеюми чумодиу-лаввали соли 758 ҳ.қ./14 майи соли 1357 рӯй дода буд [2, 308], вале ин рӯз тибқи тақвими солшумории ҳичрӣ ба рӯзи якшанбе рост меояд. Мирхонд менависад, ки ин воқеа рӯзи панҷшанбеи охири моҳи чумодиу-лаввали соли 758 ҳ.қ./панҷшанбеи 18 майи соли 1357 рӯй дода буд [4, 500].

Шамсуддин Ҳоҷа Ҳофизии Шерозӣ, ки яке аз ҳамасрони шайх Абуисҳоқ буд, дар бораи таърихи вафоти ӯ чунин гуфтааст:

Ба рӯзи кофу алиф аз чумодиу-л-увло,
 Ба соли золу дигарҳо ва нун ало-л-итлоқ.
 Худойғони салотини Машрику Мағриб,
 Хадиви кишвари авфу карам ба истиҳқоқ.
 Сипехри ҳилму ҳаё, офтоби чоҳу чалол,
 Чамоли диниву дин шоҳ шайх Абуисҳоқ.
 Миёни хиттаи майдони худ ба теғи адӯ
 Ниҳод бар дили аҳбоби хеш доғи фироқ [7, 290].

Тибқи ҳисоби «абҷад» ҳарфҳои $\text{ك}=20, \text{ل}=1, \text{ذ}=700, \text{ح}=8, \text{ن}=50$ ҳастанд. Аз ин бармеояд, ки Абуисҳоқ рӯзи чумъаи 21 моҳи чумодиу-лаввали соли 758 ҳ.қ./12 майи соли 1357 ба қатл расонда шудааст ва ин сана ба таърих ба тақвими ҳичрӣ низ мувофиқ меояд. Аз ин муқоисаҳо ба чунин хулоса омадан мумкин аст, ки таърихи нишондодаи Ҳофизии Шерозӣ нисбат ба таърихи нишондодаи муаллифони дигар нисбатан саҳеҳтар аст.

Ҳофизии Шерозӣ инчунин дар васфи Абуисҳоқ мадҳияву қасидаҳо навиштааст. Дар яке аз қасидаҳои Абуисҳоқро чунин ситоиш намуздааст:

Чамоли чеҳраи ислом шайх Абуисҳоқ,
 Ки мулк дар қадамаш зеби бустон гирад [8, 440].

Дар ин солҳо худудҳои зертобеи Музаффарӣҳо хеле васеъ гаштанд. Онҳо тамоми сарзаминҳои Кирмон, Форс ва баъзе минтақаҳои Ироқи Аҷам ва Луристонро ба худ тобеъ намуда буданд. Дар ин давра қисми зиёди ҳудуди Эрон зери тасарруфи хонадони тоҷикҳо - Куртҳо, Сарбадорон ва Музаффарӣҳо буд, аммо ҳокимону мансабдорони ин хонадонҳо манфиатҳои шахсии худро аз манфиатҳои давлатӣ боло медонистанд ва ин амали ноҷои онҳо имкон намедод, ки бо ҳам муттаҳид гашта, як сохтори идориву давлатии мутамаркази тоҷиконро таъсис диҳанд.

Амир Муборизиддин пас аз анҷоми кори шайх Абуисҳоқ ба Исфаҳон рафт. Ҳокими Исфаҳон Шоҳсултон хоҳарзодаи амир Муборизиддин дар тасхири Исфаҳон корнамоиҳои зиёд карда буд. Ҳангоми ба Исфаҳон омадани амир Муборизиддин вазир Ҳоҷа Бурҳониддин ба ӯ гуфт, ки Шоҳсултон маблағи 700 тумонро аз моли Ироқ

тасарруф кардааст. Аз ин хабар амир Муборизиддин хеле ба хашм омад ва муносибати онҳо сард гардид [4, 502].

Дар ин миён амир Ахиҷук Табрез ва Озарбойҷонро зери тасарруфи худ даровард. Амир Муборизиддин хабари аз ҷониби Ахиҷук забт гардидани Озарбойҷону Табрезро шунида, бо даҳ ҳазор савор аз лашкари Форсу Ироқ ва ду ҳазор аз Луристон сӯйи Табрез равон шуд [7, 304, 2, 320].

Тибқи ахбори Мирохонд шумораи лашкари аз Луристон ҳамроҳшуда даҳ ҳазор нафарро ташкил мекард [4, 504]. Дар роҳ аз ҳар шахру вилоят ба лашкари амир Муборизиддин ҳамроҳ мешуданд. Ахиҷук аз омадани лашкари амир Муборизиддин огоҳ гардида, бо сӣ ҳазор сипоҳӣ мутаваҷҷеҳи лашкари онҳо гардид. Ҳангоми аз Султония гузаштани лашкари амир Муборизиддин сипоҳиёни Ахиҷук аз Табрез берун омаданд. Байни ду лашкар ҷанги шадид сар зад, ки дар натиҷа лашкари Ахиҷук мағлуб шуда, нафарони зиёде кушта гардида, қисми дигар асир афтоданд, боқимонда фирор намуданд.

Амир Муборизиддин пас аз фирори лашкари Ахиҷук Шоҳшучоъ ва Шоҳмаҳмудро аз дунболи онҳо фиристод, ки лашкари фирориёнро то наздикии Нахҷувон таъқиб намуданд, вале ба касе нарасиданд. Дар он мавзъе чанд рӯз ба айшу ишрат машғул шуда, пас ба қароргоҳҳои падар баргаштанд.

Амир Муборизиддин онҳоро бо суҳанҳои номуносиб ранҷонида, дашномҳои зишт дод ва айшу ишрате, ки карда буданд, маломат кард. Пас аз он дар фатҳноманомаҳое, ки ба атроф мефиристонд, номи он ду писарро нанавишта, номи наберааш Шоҳяхёро, ки писари Шоҳмузаффар буд, зикр кард. Баъд амир Муборизиддин вориди Табрез гардида, дар намози ҷумъа худаш имоматӣ намуд ва хутба хонда, дар он номи халифаи Аббосиро зикр кард [7, 304].

Дар ин айём хабар расид, ки султон Увайси Ҷалоир аз Бағдод сӯйи Табрез раҳсипор шудааст. Амир Муборизиддин аз ин хабар ба ваҳм афтода, роҳи Исфаҳонро пеш гирифт. Дар роҳ то ба Исфаҳон расидан бо писаронаш муносибати сардона намуда, ба онҳо суҳанҳои дурушту носазо мегуфт. Писарон аз суҳанҳои падар саҳт ранҷиданд. Ҳангоми ба Исфаҳон расидан Шоҳшучоъ ва Шоҳмаҳмуд бо Шоҳсултон, ки ӯ низ нисбат ба амир Муборизиддин дар дил кина дошт, забон як карда, қарор доданд, ки падарро дастгир намоянд. Тибқи нақша субҳ ҳангоми ба мулозимати падар рафтани Шоҳмаҳмуд бо навқарони худ дар берун қарор мегирад ва Шоҳшучоъ ба дарун рафта, падарро дастгир менамояд. Ҳамин тарик, Шоҳшучоъ падарро дар болохонааш дастгир намуда, маҳбус сохт. Бегоҳ ӯро ба қалъаи Табаррук бурданд ва ҳамон соат Шоҳсултон чашмони ӯро мил кашид [2, 323-325, 9, 641].

Пас аз кӯр кардани падар, ӯро ба қалъаи «Сафед»-и Форс фиристонданд. Амир Муборизиддин пас аз ду моҳ дар он ҷо бо ҷамъе аз ҷонибдоронаш фармондеҳии қалъаро ба даст оварда, дар он ҷо паноҳгоҳ гирифт. Писаронаш пас аз мукотибот бо ҳам омада, сулҳ карданд ва ба ҷунин қарор омаданд, ки ӯ ба Шероз меравад ва сиккаву хутба ба номи ӯ карда мешавад. Инҷунин дар кори танзими мамлакат бо ӯ машварат менамоянд. Писараш Шоҳшучоъ ваъдаи худро дар назди падар иҷро намуд. Ин ба бадхоҳони Шоҳшучоъ маъқул нашуд ва онҳо ба қарор омаданд, ки ҳангоми ба назди падар рафтани ӯро дастгир карда, ба қатл мерасонанд ва султон Абу Язидро ҳоким таъйин менамоянд. Шоҳшучоъ аз ин дасисаи онҳо огоҳ шуда, он бадхоҳонро дастгир карда, ба қатл расонд.

Баъди ин воқеаҳо Шохшучоъ падарашро ба яке аз қалъаҳои Гармсери Форс фирстод, ки дар он ҷо ӯ аз уфунати ҳаво бемор шуд. Пас бо амри Шохшучоъ ӯро аз он ҷо ба қалъаи Бам бурданӣ шуданд ва ӯ дар охири моҳи рабеъу-л-аввали соли 765 ҳ.к./декабри соли 1363 дар роҳ вафот кард. Ҷасади амир Муборизиддинро ба Майбуд бурда, дар мадрасаи Музаффария дафн намуданд [1, 424, 4, 509-510].

Ҳамин тариқ, амир Муборизиддин дар таъсиси давлати Музаффариён нақши хеле назаррас бозида, ба ӯ муяссар гардидааст, ки дар муддати ҳукмронияш бар зидди душманони хонадони худ қаҳрамонона мубориза бурда, онҳоро мағлуб созад ва ҳудуди вилоёти ҷанубии Эронро зери тасарруфи худ дароварда, ба як марказ муттаҳид намояд.

АДАБИЁТ

1. Аббос Иқболи Оштиёнӣ. Таърихи мугул ва авонли айёми темурӣ. Ҷ. I-II. Чопи сейум. Техрон: Моҳиманзар, 1386 ҳ. – 652 с.
2. Абдурраззоки Самарқандӣ, Камолуддин Абдурраззоқ ибни Исҳоқ. Матлаъу-с-саъдайн ва мачмау-л-бахрайн. Ба кӯшиши дуктур Абдулҳусайни Навоӣ. Чопи дуввум. Техрон: Муассисаи муталеот ва таҳқиқоти фарҳангӣ, 1372 ҳ. -443 с.
3. Маҳмуд Катибӣ. Таърихи Оли Музаффар. Ба кӯшиши Абдулҳусайни Навоӣ. Техрон, 1325 ҳ.ш. -127 с.
4. Мирхонд. Таърихи Равзату-с-сафо. Ҷ. 4. Техрон, 1339 ҳ. -709 с.
5. Муайянуddин ибни Чалолуддин Муҳаммад Муаллими Яздӣ. Мавоҳибу-л-хай. Мусаҳҳаҳ. Саид Нафисӣ. Чопи аввал. Техрон, 1326. -300 с.
6. Н.Н. Неъматов, Нурмуҳаммади Амиршоҳӣ, Мирбобоев А. К., Пирумшоев Ҳайдаршо. Таърихи халқи тоҷик. Китоби дуввум. Мӯъҷизаи классикии тоҷикон. Хучанд: Ношир, 2008. -815 с.
7. Ҳофизӣ Абрӯ, Шихобиддин Абдуллоҳ ибни Лутфуллоҳ ибни Абдулрашид. Зубдату-т-таворих. Ҷ. I. Муқаддима, тасҳаҳ ва таълиқоти Сайид Ҷаводӣ. Техрон: Созмони чоп ва интишороти Вазорати фарҳанг ва иршоди исломӣ, 1380 ҳ. -638 с.
8. Ҳофизӣ Шерозӣ. Девон. Таҳияи матн аз Ш. Исрофилниё. Душанбе: Адиб, 2015. - 478 с.
9. Рене Груссе. Императории саҳронавардон. Тарҷумаи Абдулҳусайни Майкада. Чопи сеюм. Техрон, 1368. -1016 с.
10. Фасеҳи Хавафӣ. Мучмали Фасеҳӣ. Муқаддима, тасҳаҳ ва таҳқиқи Сайид Муҳсини Ночии Насрободӣ. Ҷилдҳои I-III. Техрон: Асотир, 1386 ҳ. -1472 с.
11. Хондамир, Ғиёсуддин Ҳимомуддин -ал -Ҳусайн. Таърихи ҳабибу-с-сияр. Ҷилди саввум. Зери назари доктор Муҳаммад Дабири Сиёқӣ. Техрон: Гулшан, 1353 ҳ. -759 с.
12. Шабонқорай, Муҳаммад ибни Алӣ ибни Муҳаммад. Мачмаъу-л-ансоб. Ба тасҳаҳи Мир Ҳошими Муҳаддис. Техрон: Амири кабир, 1363 ҳ. -376 с.

ТАЪСИСИ ДАВЛАТИ МУЗАФФАРИЁН ВА ҲУКУМАТИ МУБОРИЗИДДИН

Дар мақола таъсиси хонадони Музаффариҳо ва ҳукумати Муборизиддин мавриди баррасӣ қарор ёфтааст. Муборизиддин яке аз амирони маъруфи ин хонадон буда, барои таҳкими ин сулола ҷонбозиҳои зиёд намудааст. Бисёре аз душманони ин хонадон аз ҷониби Муборизиддин аз миён бардошта шуда, ҳудудҳои зертбеи Музаффариҳо хеле васеъ гаштанд. Вилоятҳои Кирмон, Форс ва баъзе минтақаҳои Ироқи аҷам ва Луристон тобеи онҳо гаштанд. Ба Муборизиддин муяссар гардид, ки Табрз ва Озарбойҷонро аз тасарруфи амир Аҳиҷуқ озод намуда, онҳоро тобеи худ гардонад.

Пас писарони Муборизиддин чашмони ӯро нобино намуданд ва ӯ дар охири соли 1363 аз олам гузашт. Муборизиддин дар таъсиси давлати Музаффариён нақши хеле назаррас бозидааст. Ба ӯ муяссар гардид, ки дар муддати ҳукмронияш бар зидди душманони хонадони худ қаҳрамонона мубориза бурда, онҳоро мағлуб созад. Ӯ ҳудуди вилоёти ҷанубии Эронро зери тасарруфи худ дароварда, ба як марказ муттаҳид намуд.

Калидвожаҳо: *Музаффарӣён, Муборизиддин, Шоҳшучоъ, мубориза, амир, Майбуд, Абу-саъид, Шероз, қалъа, лашкар.*

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА МУЗАФФАРИДОВ И ПРАВИТЕЛЬСТВА МУБОРИЗИДДИНА

В статье рассматриваются история династии Музаффаридов и создание правительства Муборизиддина. Одним из знаменитых эмиров Музаффаридов являлся Муборизиддин, который приложил немало усилий для укрепления этой династии. Многие враги династии были устранены Муборизиддином, и подчиненные им территории значительно расширились. Их подданными стали все территории Кирмана, Персии и некоторые регионы Ирака и Луристана. Муборизиддину удалось освободить Тебрез и Азербайджан из-под контроля эмира Ахиджука и сделать их своими подчиненными.

В результате интриг своих сыновей он ослеп и умер в конце 1363 года. Муборизиддин сыграл важную роль в образовании государства Музаффаридов. Во время своего правления ему удалось активно бороться с врагами своей династии и нанести им поражение. Он подчинил под свой контроль обширные области южного Ирана и создал централизованное государство.

Ключевые слова: *Музаффариды, Муборизиддин, Шохиуджо, борьба, эмир, Майбуд, Абу-саид, Шираз, крепость войска.*

CREATION OF THE MUZAFFARIDI STATE AND GOVERNMENT OF MUBORIZIDDIN

The article discusses the history of the Muzaffarid dynasty and the creation of the government of Muboriziddin. One of the famous Muzaffarid emirs was Muboriziddin, who made a lot of efforts to strengthen this dynasty. Many of the dynasty's enemies were eliminated by Muboriziddin, and the territories under their control expanded significantly. All territories of Kirman, Persia and some regions of Iraq and Luristan became their subjects. Muboriziddin managed to free Tabrez and Azerbaijan from the control of Emir Ahijuk and make them his subordinates.

As a result of his sons' intrigues, he became blind and died at the end of 1363. Muboriziddin played an important role in the formation of the Muzaffarid state. During his reign, he managed to actively fight the enemies of his dynasty and defeat them. He brought vast areas under his control and created a centralized state.

Key words: *Muzaffarids, Muboriziddin, Shokhshujo, struggle, emir, Maybud, Abusaid, Shiraz, military fortress.*

Сведения об авторе: **Саидов Абдукаҳор** - доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. **Адрес:** 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. ак. Раджабовых, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

Information about the author: **Saidov Abdukakhor** - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. ac. Radjabovs, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

УДК 94(=511.12) (5-021)

ВКЛАД СЕМЬИ СЕИДА АДЖАЛ БУХАРИ В РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XIII-XIV ВЕКАХ¹**АМИРШОЕВ С. Н.,****Институт истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ**

Жизнь и деятельность Сеида Аджал Шамсуддина Умара, а также история его семьи представляют собой увлекательный объект исследования, открывающий перед нами уникальные аспекты политического, социального и культурного развития в древнем Китае. Исторические документы, анализируемые в данной статье, позволяют взглянуть на важность вклада таджиков, в частности Сеида Аджаллы, в развитие общественной структуры и культурного наследия Китая в период с XIII по XV века.

Сеид Аджал Бухари, представляя таджикскую общину, сыграл важную роль в развитии общественной деятельности и внес значительный вклад в социальное, экономическое и культурное развитие региона Юньнань. Его политическая деятельность и авторитет среди таджиков Китая отражаются в исторических хрониках и исследованиях, подчеркивая его важность для формирования общественных отношений в указанный период.

Кроме того, исследование рода Сеида Аджала Бухари раскрывает интересные аспекты его происхождения и связей с другими историческими личностями, такими как Мухаммад Хорезмшах. Анализ представленных данных позволяет более глубоко понять историческое наследие таджиков в Китае и их влияние на развитие культурного ландшафта страны.

Стоит отметить, что в своей книге «Джами-ут-таварих» знаменитый таджикский историк и политик Рашидаддин Фазлуллах описывает многих мусульман из Мавераннахра и Хорасана, которые имели значительный авторитет и влияние в Китае. Среди них были такие личности, как Мавляна Хамидуддин Самарканди, который был верховным судьей и учеником шейхульислама Сайфиддина Бохарзи; Кади Бахауддин Бахаи, занимавший пост министра; Бахауддин Кундузи, руководитель ученых Ханбалыка; Умар Киргизи; Шоди Жучонг, и богослов Бурханиддин Бухари, также ученик шейхульислама Сайфиддина Бохарзи, который проповедовал в соборной мечети Пекина. Рашидаддин упоминает многих других выдающихся личностей, называя их «таджикскими эмирами» или «знаменитыми таджиками», и отмечает, что каждый из них был правителем отдельной провинции в Китае [14, 921-923].

Американский педагог в области религии Кеннет Уильям Морган в своей книге «Ислам, прямой путь: Ислам в интерпретации мусульман», говорит, что: «Во время правления Хубилайхана, территория Юаня было разделена на 12 округов, в каждом из которых управляли губернаторы и вице-губернаторы. Из этих 12 губернаторов 8

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа» (III век – начало XX века) государственный регистрационный номер 0121ТJ1211.

- были мусульманами, в остальных округах, вице-губернаторы также были мусульманами» [5, Гл.9].

Подтверждение этому факту содержится в отрывке из работы таджикского историка Рашидаддина Фазлуллаха - «Джами-ут-таварих», в котором приведен детальный перечень китайских городов и провинций с указанием имен их правителей, большинство из которых были мусульманами-таджиками:

1.Первый: шинг (администрация) городов Ханбалык и Даду.

2.Второй: шинг провинций Джурджа и Сулонгка. Этот диван находится в Чуньчжу – крупнейшем городе провинции Сулонгка, там находятся (т.е. правят) Алааддин Финджан сын Хисамуддина Самджинга Алмалики и Хасан Жучинг.

3.Третий: В провинции Каули и Кукули, шинг образует отдельный мелик, который именуют Вонг¹. Хубилай хан выдал за него свою дочь, а его сын назван Мавонис Кааном.

4.Четвертый: шинг города Нанкин – это один из крупнейших городов в Китае, расположенный на берегу реки Карамурана. Этот город – одна из древнейших столиц в Китае.

5.Пятый: шинг [город Янгчжу] этот город расположен на границе Китая и Тукан сын [Хубилай Каан] находится там.

6.Шестой: шинг города Хингсай – столица провинции Манзи. Там также находились Алааддин Финджан, сын Сайфиддина Тагаджар Ноёна, вместе с китайским лакеем по имени Сучинг, Умар Финджан Манзитай, а также Бек Ходжа Туси Финджан, занимавший должность финджана.

7.Седьмой: шинг города Фу-Джу – один из городов Манзи. Прежде шинг находился там, потом перенесли в Зайтун, и в настоящее время остается на месте. Ранее пост городского правителя занимал Чжэн, брат Дошмана, а в настоящее время [там правит] его место занял брат Баян Финджана, эмир Умар. В этом же месте расположен порт Зайтун, который управляется Бахааудином Кундузи.

8.Восьмой: шинг города Лу-Кин Фу – город, который находится в провинции Манзи, одна сторона этой провинции [принадлежит] Тангуту, и брат Баян Финджана, Хасан Финджан, также брат Лачин Финджана, так же по имени Хасан являются там правителями.

8.Девятый: шинг Куньги, который таджики Китая называют «Чини Калон» («Большой Чин»). Это очень большой город у побережья моря, ниже Зайтуна. Правителями там являются нукай и Рукнуддин Тустари Финджан.

¹ В русском переводе «Джами-ут-таварих» - «Сборник летописей» (МЛ, 1952) данное предложение звучит так: «...его мелика называют 'онг-ван'». Однако, при переводе с персидского письма на кириллицу фраза звучит иначе: «Малики онро вонг гуйнд.», что означает «Его царя (мелика) называют вонг». Возможно, в первом варианте перевода была допущена ошибка, поскольку в персидской версии самим автором, Рашидадином, слова сопровождаются подстрочными и надстрочными знаками и огласовками, что исключает возможность их иного прочтения. Также было обнаружено несколько подобных различий в названиях правителей и других слов. Например, при описании второго шинга (в русской версии «шэн») имена указаны следующим образом: «Ала-ад-дин пин-джан, сын Алмалыкского цань-чжэна Хисамиддина» (русская версия, МЛ). В персидской версии же эта фраза выглядит так: «Алааддин Финджан, сын Хисамиддина Самджинга Алмалики» (персидская версия, Тегеран). Аналогично: «Хасан цзо-чэнь» (МЛ) - «Хасан Жучинг» (Тегеран).

10.Десятый: шинг Караджанг – это самостоятельная страна и там существует большой город под названием Ячи; и шинг существует там. Все жители там мусульмане. Правителями являются Яган Тегин и Якуббек, сын Алибека из рода Ялавача.

11.Одиннадцатый: шинг Кин Чжан-Фу, является один из городов провинции Тангут и Ананда, сын Мингкала находится в этой провинции. Правителями [Кайтмиш] являются – брат Дошмана и его финджан Умар Хитаи. Юрта Ананды находится в местности под названием Чаган Наур, где он построил дворец.

12.Двенадцатый: шинг [Камчу также является один из городов] провинции Тангут, которая является крупной территорией, подчиняющейся ему множеством провинций. Власть в нем осуществляет Аджики, а эмир Ходжа Номи, известный также как Шаханги, занимает должность хакима [14, 909-911].

Список правителей провинций и городов Китая, представленный Рашидаддином, служит дополнительным доказательством высокого положения таджиков во время правления монгольской династии Юань в Китае. Как видно из списка, многие из этих правителей были этническими таджиками из Хорасана и Мавераннахра. Этот документ, содержащийся в «Джами-ут-таварих», является ценным источником информации о роли и влиянии мусульман в Китае в XIII веке.

В списке Рашидаддина указаны имена людей, которые временно занимали эти должности. Далее он перечисляет представителей таджикских семей, таких как Сеид Аджалла Бухари, его сына Насируддина и внука Абу Бакра, которые в разные периоды времени руководили провинциями Караджан (Юньнань) и Зайтун (Цюаньчжоу). Таким образом, данная статья о Сеиде Аджалле Бухари и его семье представляет собой важный вклад в изучение истории межэтнических связей, политических процессов и культурного развития в древнем Китае, а также подчеркивает значимость и влияние таджиков на развитие общественной жизни в указанный исторический период.

Сеид Аджаль Шамсуддин Умар аль-Бухари (перс: *سید اجل شمسالدین عمر بخاری* кит: 賽典赤·瞻思丁, Sàidiānchì Shànsīd īng) родом из таджикских семей [3,252], родился в 1211 году в Бухаре во время правления Хорезмшаха. Отцом Сеида Аджала был Камалуддин, а его дедом был Шамсуддин Умар аль-Бухари [7,08], который командовал кавалерией Хорезмшаха, во время монгольского завоевания, что привело к сдаче семьи Чингисхану. Для безопасности своей семьи дед Сеид Аджала вручил им уникальные подарки, в том числе полосатых леопардов и белых соколов, и предложил им свои услуги, эти действия позволили Сеиду Аджалу пройти специальную подготовку и получить соответствующее образование, благодаря которым он смог претендовать на высшие посты в быстро расширяющейся империи [1, 19].

Сеид Аджаль Шамсиддин Умар (1211-1279) занимал различные высокие государственные должности в монгольской империи Юань в Китае. Он был кадия, правителем провинции Караджан и главным министром при Хубилае-хане, внес значительный вклад в развитие финансовой системы и государственной службы Китая [10, 271-272]. Его высокий статус и авторитет способствовали распространению ислама в центральных и южных областях Китая, а его политическая деятельность оказала влияние на общественное производство и социальное развитие в начале дина-

стии Юань. Рашидадин отмечал: «Имя Сеида Аджаля среди таджиков [Китая] пользовалось большим уважением, а монголы также... знали, что это имя было одним из самых почтенных у них» [14, 949].

Относительно происхождения Сеида Аджалла Бухари некоторые ученые и писатели считают, что он может быть потомком Мухаммада Хорезмшаха или происходить из рода карлугов. Эти предположения были высказаны на онлайн-конференции Шанхайской организации сотрудничества 29 сентября 2020 года и также упомянуты в нескольких научных журналах и статьях [15, 12].

Однако согласно преданию, Сеид Аджалль Бухари происходил от Али ибн Абу Талиба (двадцать седьмое поколение), что делает его Сеидом. Он также был потомком Су Фэй-эра¹ (Амир Сеида Бухари во времена правления империи Сун 960-1279) в пятом поколении. Фа-сян утверждает, что Су Фэй-эр является предком Сеида Аджалла, однако некоторые скептически относятся к этому утверждению, считая его возможной подделкой, созданной для скрытия факта прибытия Сеида Аджалла в Китай вместе с монголами [18, 847].

Достоверных доказательств о родстве между Сеидом Аджаллом Шамсуддином Умаром и Мухаммадом Хорезмшахом нет, особенно учитывая, что монгольские завоеватели не пощадили семью шаха, и все их члены были казнены. Хорезмшах был потомком среднеазиатских тюрков, в то время как семья Сеида Аджаля, по мнению американского историка Синти Стоукс Браун (1938-2017), скорее всего, имела бухарско-персидское происхождение. Также такому мнению придерживается профессор Чуан-Чао Ван из Университета Фудань (復旦大學, Fùdàn Dàxué – одно из самых престижных и старейших высших учебных заведений в Китае), изучил Y-хромосомы нынешних потомков Сеида Аджаллы и обнаружил, что все они имеют гаплогруппу L1a-M76, что доказывает южноперсидское происхождение.²

В книге «Юань Ши» (Yuan Shi – история династии Юаня, является одним из официальных китайских исторических работ) говорится много о биографии выдающихся мусульман в службу монголов. Некоторые из них занимали высокие должности. В главе «СХХV, (125) Юань Ши», мы находим биографию 赛典赤瞻思丁 Sai-dien-ch'i shan-sse-ding (Сайдиен-чи Шан-си-динг), также называемого 烏馬兒 Wu-ma-er, где говорится, что он был из потомков хуэй-хуэй (т.е. выходцев из Центральной Азии) и потомком 别菴伯爾 Би-ан-бо-р³. В его стране Сай-дянь-чи имеет то же значение, что и 貴族 (благородный род) на китайском языке.

¹ Су Фей-эр был Бухарским эмиром, который был приглашен в Китай императором династии Сун и получил титул принца от китайского императора. Он сыграл решающую роль в формировании мусульманского народа Хуэй в Китае и дал исламской религии ее нынешнее название на китайском языке. Су Фей-эр, его звали на китайском языке, So-fei-er. Было высказано предположение, что его имя на языке оригинала было Суфаир или Зубайр. По мнению М.Т. Хоутсма в «Первой исламской энциклопедии»... Фа-сян утверждает, что Сеид Аджал Шамсуддин Умар является предком Амира Сеида (Суфейра).

² Chuan-Chao Wang, Ling-Xiang Wang, Manfei Zhang, Dali Yao, Li Jin, Hui Li. «Present y chromosomes support the Persian ancestry of Sayyid Ajjal Shams al-Din Omar and Eminent Navigator Zheng He». Cornell University – 2013. [q-bio.PE]. (Перев: Чуан-Чао Ван, Лин-Сян Ван, Манфэй Чжан, Дали Яо, Ли Цзинь, Хуэй Ли «Настоящие Y-хромосомы подтверждают персидское происхождение Сеида Аджалла Шамсуддина Умара и выдающегося мореплавателя Чжэн Хэ - 2013»).

³ Переводится как Биан Баэр, Биан Баер - Пайханбар (персидский: پیغامبر или پیغمبر, пейгамбар, также известный как 辦嘉八儿, 别林巴尔, 别嘉布尔, Пайханбар, Пай Хамбар, Бимбар и т. д.). Персидского происхождения, что означает «посланик» или «святой потомок», в китайских исторических записях часто используется для обозначения пророка Мухаммеда (с.в.в.). Согласно «Истории династии Юань», Сай Дяньчи поддерживал Сайдинга как «потомка Биан Баера».

Сеид Аджалъ Бухари внес значительный вклад в процветание Китая, оставив свой неизгладимый след в его истории. В 1229 году он был назначен представителем хана в провинциях Фэнь, Цинь и Юннэй при хане Угэдэе. В дальнейшем он занимал должность даругачи (ответственный за налоги) в провинциях Тай-Юань и Пинь-янь. После этого он стал яргучи (судьей) в регионе Чжунду, столице северных земель, принадлежавших Китаю, где его обязанности включали регистрацию населения, исчисление и распределение налогов, а также правосудие [20, 147].

Благодаря своему умению заслуживать доверие хана Хубилая, основателя монгольского государства Юань, Сеиду Аджалю удалось сделать впечатляющую карьеру. В 1273 году он был назначен губернатором провинции Юньнань (Караджан). На новом посту он провел перепись населения, реорганизовал администрацию, внедрил почтовую систему (ям), развивал системы ирригации и каналов, которые существуют по сей день, а также внедрял новые агрокультуры и методы ведения сельского хозяйства. Это привело к экономическому подъему провинции, которая до этого считалась отсталой и варварской [21, Т.8].

Сеид Аджалъ основал город в китайском стиле на месте современного Куньмина, который назвал Чжунцзин Чэн. Он приказал построить в городе буддийский храм, конфуцианский храм и две мечети. Построенный им в 1274 году конфуцианский храм, который также служил школой, стал первым конфуцианским храмом в Юньнани. Сеид Аджалъ продвигал как конфуцианство, так и ислам в своей «цивилизаторской миссии» в Юньнани [16, 92].

Целью его политики по продвижению конфуцианства и образования в Юньнани было «цивилизовать» местных «варваров». Он обучал местных жителей конфуцианским церемониям, таким как свадьбы, сватовство, похороны, поклонение предкам и низкий поклон, и подарил местным вождям одежду вместо их «варварской» одежды [19, 47].

И Марко Поло, и Рашидаддин записали, что Юньнань был густонаселен мусульманами во времена династии Юань, а Рашидаддин назвал город со всеми мусульманскими жителями «великим городом Ячи» [9, 174]. Было высказано предположение, что Ячи был городом Дали (Тали). У Дали было много людей хуэй (выходцев из Центральной Азии). Также в записях французского историка Жан-Поль Ру говорится, что в Юньнани (еще некитаезированном), жили бухарцы, прибывшие вместе с Сеидом Аджалой ставшие предками китайских мусульман (дунган), хотя они могут быть и потомками ста тысяч ремесленников, переселенных из Гурганджа [4, 273].

Сеида Аджаля считают первым, кто привнес ислам в Юньнань и способствовал его укреплению в регионе. Он поддерживал местную мусульманскую общину и строил мечети, хотя некоторые историки полагают, что его роль в распространении ислама преувеличена. Сеид Аджалъ создал систему сюэтянь, напомиравшую исламские благотворительные фонды (вакфы), направляя доходы от земель на содержание школ. Он также содержал 55 школ на свои средства, надеясь своим примером вдохновить других.

Несмотря на свою приверженность исламу, Сеид Аджалъ осознавал свою роль как ставленника хана, поэтому проявлял уважение к конфуцианству и китайской культуре, развивая конфуцианское образование и строя конфуцианские храмы.

Сеид Аджаль Шамсуддин Умар ушел из жизни в 1279 году, но его наследие продолжало жить. Хубилай-хан и последующие правители провозгласили его методы управления, административные и экономические политики примером для подражания. Его влияние распространилось на многих мусульман Китая, особенно в Юньнани, где его потомки до сих пор сохраняют значительное влияние. Важные фигуры, такие как мусульманский адмирал Чжэн Хэ и ученый Юсуф Ма Чжу, связывают свое происхождение с Сеидом Аджалем. Сегодняшняя мусульманская община Юньнани бережно хранит память о нем за его вклад в мирное сосуществование и распространение ислама в этом регионе [17, 248].

В книге «История династии Юань» (Юань-ши), в главе СХХV описывающей биографию Сеида Аджалья Бухари, также упоминаются его сыновья, которые занимали руководящие должности в провинциях Юньнана. В тексте говорится: «У Сайдиан-чжи Шансидинга было пятеро сыновей. Старший сын, Насируддин (納速刺丁 На-су-ла-дин) - служил губернатором в провинции Юньнана; второй сын, Хасан (哈散 Хасан) - служил маршалом посланника Сюаньвэй провинции Гуандун; третий сын, Хусейн (忽辛 Ху-син) - служил чиновником в Ючэн, провинция Юньнань; четвертый сын, Шансуддин Умар (刺丁兀默里 Шан-су-дин Ву-мо-ли) и последний Масзуд (馬速忽 Ма-су-ху или Масуни)», все они занимали высокие посты [1, 16. 13, 284].

Насируддин (перс: نصرالدين; кит. 納速刺丁, Nàsùládīng), после смерти отца стал губернатором Юньнани [14, 914-915], служил в своей должности с 1279 по 1284 год. Он был наместником в Юньнани и отличился в войне с южными племенами 交趾 Киао-чи (Кохинхина) и 緬 Миен (Бирма). Он умер в 1292 году, отец двенадцати сыновей, имена, пяти из которых приведены в биографии, а именно. 伯顏察兒 Бо-йен чар, имевший высокий пост, 烏馬兒 Ву-ма-р, 答法兒 Дже-фа-р (Джафар), 忽先 Ху-сиен (Хусейн) и 沙的 Ша-ди (Саади) [6, 122]. Рашидаддин в своей книге пишет о восьми сыновьях Насируддина внуках Сеида Аджалья, которые, как их предки, получив ярлыки из рук Хана, служили на высоких государственных должностях в Китае [14, 929].

Насируддин был назначен губернатором в Караджане и сохранял свое положение в Юньнани до своей смерти, которая, по словам Рашидаддина, писавшего около 1300 г. н.э., произошла за пять или шесть лет до этого. Насируддин упоминается М. Поло, который именуется его Нескрадином [2, 48]. Из числа сыновей Насируддина наиболее высокое положение Баян Финджана (губернатора) занимал Абу Бакр, который перед смертью отца был назначен правителем провинции Зайтун. В дальнейшем в память о его великом деде, хан стал его называть Сеид Аджаллом и пожаловал ему должность главного министра. «Он стал самым могущественным и влиятельным министром [в империи]» [14, 939-950].

Внук Сеида Аджалья Бухари, сын Насираддина – Абу Бакр стал сахиб диваном (главным министром) империи. Во времена Хубилая-хана он два года был министром, и его деятельность настолько понравилась Хубилайхану, что он возложил на Абу Бакра выполнение всех важных государственных дел. Как пишет Рашидаддин, он в первые дни назначения на эту должность встречает жену Чинкима – сына Хубилая, которая сообщает ему о болезни своего сына Темура. Абу Бакр по просьбе

матери навещает больного и с тех пор между Темурханом и Абу Бакром сложились дружеские отношения. Хубилай называл Абу Бакра «сартаулом», то есть таджиком [14, 907-928]. Дружеские отношения между ними продолжались и после объявления Темура-ханом, т.е. императором. Вместе с тем, как пишет Рашидаддин, в свое время Абу Бакр оказал важную услугу Темуру по просьбе его матери Кунаржин хатун. Она просит Абу Бакра «передать Хубилай-хану, что уже девять лет опечатано кресло Чим Кима. Что он думает по этому поводу?». Абу Бакр передает эти слова хану. Хубилай-хан, несмотря на то, что был болен, встает, приказывает собрать вельмож и говорит: «Вы всегда злословили об этом сартауле, утверждая, что он плохой человек, но именно он заботится о милосердии к народу, и именно его беспокоит судьба трона, он же волнуется за моих детей, чтобы после меня не возникли разногласия и распри» [14, 928-929]. хан после этих слов поручает Абу Бакру «немедля ехать вслед за его внуком Тимуром, который во главе войска идет в направлении к Кайду, вернуть его назад, посадить на трон отца, устроить трехдневный туй (праздник) и утвердить его царем» [14, 929].

Как видно из приведенной цитаты из «Джами-ут-таварих», хан наделяет Абу Бакра чрезвычайно высокими полномочиями, которые значительно превосходят функции Баяна Финджана. Впоследствии Абу Бакр станет ближайшим другом и доверенным лицом Темурахана, который взошел на трон после смерти своего деда. Во времена правления Темурахана именно Абу Бакр из таджикского семейства Сеид Аджаля удостоивается звания Баян Финджана, главы всех финджанов [14, 914].

Политическая деятельность семьи Сеида Аджаля Шамсуддина Умара, в частности, его детей и внуков на протяжении всей жизни оставили свой глубокий след в истории, культуре и социально-экономических делах Китая, особенно в этих двух великих империях Юань и Мин, в котором можно увидеть их влияние и по сей день. Многие мусульмане в Китае приписывают свое племя Сеиду Аджалю. В качестве подтверждения этих слов можно привести период правления императора Чжу Ди (1360-1424, династии Мин), во время которого было организовано несколько морских экспедиций под руководством известного адмирала, исследователя и дипломата Сеида Чжэн Ма Хэ (Мухаммад Хаджи 1371-1435).

Мухаммад Хаджи на китайском языке известен как Ма Хэ 馬和, Чжэн Хэ 鄭和 и Ма Санбао (кит. 鄭和, 郑和, *Zhèng Hé*). Он организовал и возглавил семь крупномасштабных морских военно-торговых экспедиций, посланных императорами Мин в страны Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки. Существуют версии, что его экспедиции могли даже достигать берегов Америки и Австралии. В период с 1405 по 1433 годам Чжэн Хэ организовал серию экспедиций по указанию императора Чжу Ди, которые открыли торговые маршруты в Юго-Восточной Азии и Индийском океане, установив контакты с более чем 56 странами, включая Малайзию, Индонезию, Таиланд, Индию, Шри-Ланку и другие. Он также расширил дипломатические и торговые связи, укрепив влияние Китая за его пределами. Его деятельность сыграла ключевую роль в развитии мореплавания и торговли Китая, а его достижения признаны важным этапом в истории страны [8, 62-63].

В 1405-1407 годах Чжэн Хэ начал свои путешествия, исследуя маршруты от Сучжоу до Шри-Ланки и Малабарского побережья Индии. Во время второй экспедиции (1407-1409 гг.) он контролировал торговые маршруты в южной части Китая, доставляя посланников на родину. Третья экспедиция началась в следующем году и включала посещение Тямпы, Темасека (Сингапур), Малакки и султаната Самудра-Пасай, прежде чем вернуться к Шри-Ланке. Эти экспедиции установили торговые связи и признание Китая многими государствами. Следующие четыре экспедиции (1413-1415, 1417-1419, 1421-1422, 1431-1433) достигли Ормуза, Сомали и Красного моря, дополнив карты и описав обычаи и политические порядки. Чжэн Хэ также наладил дипломатические и торговые отношения с различными странами, укрепляя влияние Китая на международной арене [11, 487].

Достижения Чжэн Хэ в области мореплавания и связанных с ним наук, и технологий в Китае утвердили его как ключевого деятеля. Он открыл новую эпоху в истории морского транспорта Китая и оказал значительное влияние на будущее проектирования морских маршрутов в Индийском и Тихом океанах.

Исследование роли таджиков, в частности семьи Сеида Аджаля Бухари, в средневековом Китае, в период правления империй Юань и Мин, демонстрирует их значительный вклад в политическую, экономическую и социальную жизнь страны. Они активно участвовали в правительственных структурах, управлении городами и провинциями, а также в военных делах, что подчеркивает их влияние на развитие и укрепление китайских империй. Их активность в общественно-политической сфере и участие в создании общественных организаций свидетельствуют о значимости их роли в этом процессе.

На протяжении веков наследие семьи Сеида Аджаля продолжает оставаться неотъемлемой частью истории Китая. Их значимый культурный и политический вклад подчеркивает важность многонационального характера китайского общества. Семья Сеида Аджаля с богатыми традициями и историческим влиянием оставила глубокий отпечаток в культурной и политической жизни нации, простирающийся через множество поколений и переживающий времена и изменения. Их влияние продолжает быть вдохновением для современных поколений, а история семьи становится не только частью прошлого, но и мостом к будущему, где культурное наследие Китая продолжает способствовать его уникальности и силе на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арמידжо Х. Перевод и цитирование в диссертации. «Юань Ши//Биография Сеида Аджаля». - Гарвардский университет, 1997. 19 с.
2. Бретшнайдер Э. «Записки по средневековой географии и истории Центральной и Западной Азии». - Лондон, - 1876. «Трюбнер и компания». - 252 с.
3. Дарья Т. Оксфордский справочник по истории Ирана. - США: «Издательство Оксфордского университета», 2012. - 414 с.
4. Жан-Поль Ру История Ирана и иранцев: от истоков до наших дней: [пер. с фр.]. - Евразия: 2012. - 429 с.
5. Кеннет В. Морган «Ислам, прямой путь: ислам в интерпретации мусульман». (Глава 9: Исламская культура в Китае, Давуд К.М. Тинг). - Нью-Йорк, 1958. - 453 с.
6. Королевское азиатское общество (автор). «Журнал Северо-Китайского отделения Королевского азиатского общества». - Шанхай, 1876. - Т.10. -565 с.

7. Лейн Д. «Стела Дали». В книге: Килич-Шюбель, Нуртен; Бинбаш, Еврим (ред.). - Стамбул: «Горизонты мира», 2011. - 39 с.
8. Луиза Леватес. «Когда Китай правил морями: сокровища флота Трона Дракона, 1405-1433». - Нью-Йорк: 1996. (Издательство Оксфордского университета). - 252 с.
9. Махад Шуюн аль-Акаллият аль-Муслимах. Журнал Института по делам мусульманских меньшинств. Оригинал из Университета Вирджинии: - (Институт по делам мусульманских меньшинств, Джамиат аль-Малик Абд аль-Азиз). 1986. - Т.7-8. -414 с.
10. Моррис Р. «От Юань до современной Китая и Монголии: Письма Морриса Россаби». - Бостон: BRILL, 2014. -702 с.
11. Нидэм Дж. Морские технологии. «Наука и цивилизация в Китае: физика и физические технологии». - Кембридж: 1971. (Издательство Кембриджского университета). - Т.4. -990 с.
12. Онлайн конференция: «По изучению жизни и деятельности Сеида Шансуддина». Опубликовано: 04.08.2022. <http://rus.sectesco.org/news/20200929/683340.html> (Использовано: 16.05.2024).
13. Рафаэль Израили. «Ислам в Китае: религия, этническая принадлежность, культура и политика» (Лексингтонские книги). – Мэриленд, 2002. - 350 с.
14. Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани. «Джами ат-таварих». –Тегеран, -1373. Т.2 -2977 с.
15. Статья: «История в деталях. Как выходец из Бухары стал выдающимся государственным деятелем в Древнем Китае». Опубликовано: 04.08.2022. - <https://silkway.uz/news/istoriya-v-detalyah-kak-vyходets-iz-buhary-stal-vydayushhim-sya-gosudarstvennym-deyatelem-v-drevnem-kitae/>(Использовано: 18.05.2024).
16. Тан Та Сэн. «Чжэн Хэ и ислам в Юго-Восточной Азии». (иллюстрировано, переиздание под ред.). - Институт исследований Юго-Восточной Азии, 2009. - 292 с.
17. Томас Уокер Арнольд. «Проповедь ислама: история распространения мусульманской веры». - ВЕСТМИНСТЕР: А. Констебль и компания, 1896. - 433 с.
18. Хаутсма М.Т., Венсинк А.Дж., Хефенинг В. «Первая энциклопедия ислама 1913-1936», - BRILL, -1987. -Т.9, -5042 с.
19. Янг Бин. «Между ветрами и облаками: создание Юньнани». - Издательство Колумбийского университета: «Глава 5. Китаизация и коренное население: появление юньнанцев», 2008. - 352 с.
20. Энт Минт-Ю. «Там, где Китай встречается с Индией: Бирма и новый перекресток Азии». - Макмиллан: 2011. - 400 с.
21. 陳垣. 元西域人華化考》「稿本」。八卷.北京-1934. (Перев. Чэнь Юань. Текстовые исследования хуэй-хуэй западных областей династии Юань. - Пекин: «Рукопись» (8 - томов), 1934. - 8 томов.

ВКЛАД СЕМЬИ СЕИДА АДЖАЛЯ БУХАРИ В РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XIII-XIV ВЕКАХ

Исследование «Вклад семьи Сеида Аджала Бухари в развитие китайской государственности в XIII-XIV веках» представляет собой глубокий анализ роли и влияния этой выдающейся таджикской семьи на политическое, социальное и культурное развитие древнего Китая. Автор анализирует исторические документы, археологические находки и источники, чтобы раскрыть важность деятельности этой семьи в контексте китайской истории.

Исследование подробно рассматривает влияние Сеида Аджала Бухари на развитие общества и культурного наследия Китая. Особое внимание уделяется их вкладу в управление государством, развитие административной системы и взаимодействия с другими культурами и народами. Автор также исследует связи Сеида Аджаллы Бухари с другими историческими личностями, такими как Мухаммад Хорезмшах, их влияние на политическую картину того времени.

Это исследование вносит значительный вклад в изучение влияния таджикского народа на историю Китая и мусульманский мир, способствуя расширению понимания процессов формирования государственности и культурного обмена в Азии. Полученные результаты будут полезны

историкам, культурологам и всем, интересующимся взаимодействием различных цивилизаций и его влиянием на современный мир.

Ключевые слова: *Сеид Аджалъ Бухари, семейство, таджики, Китай, государственность, история, культура, мусульманский мир, таджикская община, влияние, исторические личности.*

САҲМИ ХОНАДОНИ САЙИД АЧАЛИ БУХОРОӢ ДАР РУШДИ ДАВЛАТДОРИИ ЧИН ДАР АСРҲОИ XIII - XIV

Муаллиф дар таҳқиқоти «Саҳми хонадони Сайид Ачали Бухорӣ дар рушди давлатдории Чин дар асрҳои XIII-XIV» нақш ва таъсири амики ин хонадони барҷастаи тоҷикро дар рушди сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии Чини асримиёнагӣ мавриди баррасӣ қарор додааст. Муаллиф асноди таърихӣ, бозёфтҳои археологӣ ва маъхазҳоро таҳлил намуда, аҳамияти ҷаҳонӣ ва ин хонаводаро дар заминаи таърихи Чин ошкор намудааст.

Ба таври муфассал муаллиф саҳми хонадони Сайид Ачали Бухориро дар тараққиёти истеҳсолоти ҷамъиятӣ ва мероси фарҳангии Чин таҳлил кардааст. Саҳми онҳо бо идоракунии давлат, ташаккули низомӣ маъмурӣ ва робитаи онҳо бо дигар фарҳангу халқиятҳо тавачҷуҳи махсус дода мешавад. Илова бар ин, муаллиф иртиботи Сайид Ачали Бухориро бо дигар шахсиятҳои таърихӣ, ба монанди Муҳаммад Хоразмшоҳ ва таъсири онҳоро ба манзараи сиёсии он замон мавриди баррасӣ қарор додааст.

Таҳқиқоти мазкур дар омӯзиши таъсири мардуми тоҷик ба таърихи Чин ва ҷаҳони мусулмонӣ, тақмили дарки раванҷҳои ташаккули давлат ва табодули фарҳангӣ дар Осиё саҳми арзанда мегузорад. Натиҷа ба даст омада барои муаррихон, фарҳангшиносон ва ҳар касе, ки алоқамандӣ ба таомули тамадунҳои мухталиф ва таъсири он ба ҷаҳони муосир тавачҷуҳ дорад, муфид хоҳад буд.

Калидвожаҳо: Сайид Ачал Бухорӣ, хонадони тоҷик, Чин, давлатдорӣ, таърих, фарҳанг, ҷаҳони мусулмонӣ, ҷамъияти тоҷикон, таъсир, шахсиятҳои таърихӣ.

THE CONTRIBUTION OF THE SEYID AJALL BUKHARI FAMILY TO THE FORMATION OF CHINESE STATEHOOD IN THE XIII-XIV CENTURIES

This study, entitled «The Contribution of the Seyid Ajall Bukhari Family to the Formation of Chinese Statehood in the XIII-XIV Centuries» provides an in-depth analysis of the role and influence of this distinguished Tajik family on the political, social, and cultural development of ancient China. The author employs a multidisciplinary approach, examining historical documents, archaeological findings, and sources, in order to elucidate the significance of this family's activities within the context of Chinese history.

The research in question thoroughly explores Seyid Ajall Bukhari's impact on the development of public production and China's cultural heritage. Special attention is given to their contribution to state governance, the formation of the administrative system, and interactions with other cultures and peoples. Additionally, the author examines the connections between Seyid Ajall Bukhari and other historical figures, such as Muhammad Kharezmsah, and their influence on the political landscape of the time.

This study makes a significant contribution to understanding the impact of the Tajik people on Chinese history and the Muslim world, enhancing comprehension of the processes of state formation and cultural exchange in Asia. The findings will be of value to historians, cultural scholars, and anyone interested in the interactions between various civilizations and their influence on the modern world.

Key words: *Seyid Ajall Bukhari, family, Tajiks, China, statehood, history, culture, Muslim world, Tajik community, influence, historical figures.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Амиршоев Сиёвуш Нурмухаммадович – ходими хурди илмии шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, кӯчаи ақ. Рачабовҳо, 7. E-mail: Siyova_87@mail.ru

Information about the author: Amirshoev Siyovush Nurmuhammadovich – Junior Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after V.I. A. Donisha NANT. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. ak. Radjabovs, 7. E-mail: Siyova_87@mail.ru

УДК 94 (57) «16/17» (=222.8)

БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲОИ ЗИРОАТКОРӢ ВА ШУҒЛИ ҲУНАРМАНДИИ ТОҶИКОН ДАР СИБИР (АСРҲОИ XVII – XVIII)

МУҲИДИНОВ С. Р.,
Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон

Собит шудааст, ки оғози муносибатҳои тичоративу сиёсӣ миёни Аврупои Шарқӣ ва Осиёи Миёна ҳанӯз аз давраҳои қадим вучуд доштанд. Минбаъд ин муносибатҳо пас аз сукути давлати мутамаркази тоҷикон - давлати Сомониён (асрҳои IX-X), дар ҳайати дигар давлатҳои ғасбкор маҳз тавассути мардуми бумии ин минтақа – тоҷикон сурат гирифт. Ба вижа, дар муносибатҳои тичоратии миёни Русия ва Осиёи Миёна дар асрҳои XVI – XVIII бухориён – тоҷикон саҳми бузург доштанд. Онҳо дар ин давра яке аз аввалинҳо шуда, бо қорвонҳои тичоратӣ ба шаҳрҳои Русия, бахусус минтақаи Сибир, сафар намуда, на танҳо дар муносибатҳои тичоратӣ, балки наздикшавии фарҳангиву иттилоотӣ, густариши ислом, зироаткорӣ, ҳунармандӣ, хоҷагидориву шаҳрсозӣ ва ғайраҳо саҳми босазо гузоштаанд.

Ҳанӯз дар асрҳои XIX ва XX муаллифони рус С. Шелехов, М. В. Флоринский, В. Б. Шостакович, К. В. Базилевич, П. Н. Бутсинский, П. М. Головачёв, Н. Васин, В. К. Андриевич, Г. Н. Потанин, С. Олферев, Г. Ф. Миллер, С. В. Бах-рушин, В. В. Бартолд, Х. Зиёев, О. Н. Вилков, Ф. Т. Валеев, С. Н. Корусенко, Е. О. Полякова, П. Н. Бутсинский, Н. А. Томилова, О. Н. Вилкова, Д. Я. Резуна, Е. О. Поляковой, Г. Н. Потанина, С. Г. Скоблева, В. В. Куклина, М. Р. Хабибулина, муҳаққиқони хориҷӣ А. Бартон, Э. Монахан, И. Г. Георги, Кристиан Ноаск ва ғайраҳо дар асарҳои маърузаи ҷуғрофӣ, вазъи иқтисодиву сиёсӣ, таркиби аҳоли, таърихи маскуншавии халқияту қабилаҳои мухталиф ба Сибир ва азхудкунии он ёдовар шуда, аз сукутати (бухориён) тоҷикон низ маълумот меоранд. Ба масъалаҳои зикршуда, бахусус муно-

сибатҳои дипломативу тичоратии давлатҳои Осиёи Миёна бо Русия ва мавқеи бухориҳо дар ин раванд олимони тоҷик ба монанди Б. И. Искандаров, Н. Н. Неъматов, Ҳ. П. Пирумшоев, М. Б. Бобохонов, А. Мирбобоев, Ҳ. Шарипов, Н. Раҳимов низ машғул гардидаанд [8,32].

Ба ақидаи олими рус Г.Ф. Миллер сукунати бухориён ба Сибир баъди соли 1570 шуруъ гардидааст [8,9]. Онҳо ба ин ҷониб бо гурӯҳҳои калон, оилавӣ ва танҳо кӯч бастанд. Одатан хангоми сукунат бухориён табааи русиро мегирифтанд. Онҳо асосан дар Тоболск, Тюмен, Тара ва Томск маскун гардиданд. Дар муддати асри ХУІІ аз онҳо табақаи махсуси – бухориён ба вучуд омада буд, ки он эътироф ва ҷирди забони ҷӣ ҳукуматдорон ва ҷӣ мардумон буд.

Пас аз он, ки ислом ба Сибири Ғарбӣ роҳ кушод, ба ин ҷо акнун қорвоҳои осиемиёнагӣ меомаданд. Ин далели он аст, ки ҳокимони хонигарҳои Осиёи Миёна ба он эътиқод доштанд, ки густариши ислом, на танҳо ба барпокунии таъсири сиёсӣ хеш, балки ба рушди тичорат таъсир мерасонад. Зеро, Сибир дар ин давра бозори ғуруши молҳои осиемиёнагӣ ҳисоб меёфт [4,18]. Ҳатто дар натиҷаи маскуншавии бухориён ба Сибир муносибатҳои молиқо пулии Сибир бо ҳудуди аврупоии Россия таҳким ёфта, мунтазам гардид [10,18-19].

Дар натиҷаи маскуншавии бухориён ба Сибир ва рушди муносибатҳои молиқо пулӣ, робитаҳои иқтисодии Сибир бо ҳудуди аврупоии давлати Россия бештар таҳким ёфта, доимӣ гардидаанд [10,18-19].

Ҳамин тавр, сукунати бухориён дар Сибир на танҳо аз нуқтаи назари рушди муносибатҳои тичоратӣ бо давлатҳои Осиёи Миёна, инчунин ҷун бунёдгариҳои шаҳрҳо, зироаткорӣ, густариши хоҷагидорӣ ва ҳунармандӣ ва устодони қори худ баҳо дода мешуданд.

Дар мақолаи мазкур мо танҳо перомуни баъзе масъалаи зироаткорӣ ва шуғли ҳунармандии тоҷикон дар Сибир (асрҳои XVII – XVIII вв.) таваққуф хоҳем кард.

Сараввал бояд хотирнишон сохт, ки дар мақолаи мазкур мо вожаҳои бухорӣ ва тоҷикро мавриди истифода қарор медиҳем. Далелҳо тасдиқ кардаанд, ки ин вожаҳо ҳаммаъно мебошанд ва як халқ – халқи тоҷикро дар назар доранд. Ин масъала дар мақолаи «Дар бораи тавзеҳи вожаҳои «Бухорӣ» ва «тезиқ (тоҷик) дар таърихнигорӣ тоинқилобӣ, шуравӣ ва муосир нисбат ба маскуншавии тоҷикон ба Сибир (нимай дуҷуми асри XVI – XVIII)» [9,162-174] мавриди баррасӣ қарор гирифтааст.

Вожаи «тоҷик», ки сараввал танҳо мазмуни мардумшиносӣ дошт, тадриҷан номи табақаи ҷамъиятиро қасб карда, ба шакли нави худ «тоҷик», инчунин барои тоҷирони эронитабор ҷирди забони ҳамагон гардид.

Ҳамин тавр, фишурдаи тавзеҳот ва маълумот нисбати ин масъала ба дастовардари ба инобат гирифта мо «бухориён»-ро «тоҷикон» ном бурдем ва дар таҳқиқоти минбаъда низ вожаҳои тоҷикон дар Сибир» -ро мавриди истифода қарор медиҳем [9,173].

Тибқи таҳқиқоти олимони С. М. Исҳоқова ва Ф. Т. Валеев (асосан Ф. Т. Валиев аст – С. М), ки миёни аҳолии Сибири Ғарбӣ таҳқиқоти саҳроии мардумшиносӣ гузаронида буданд, қайд менамоянд, ки мувофиқи ривоятҳо ва ёддоштҳои хонаводаҳои бухориёни Тараву Тоболск, гузаштагонӣ онҳо ба Сибир аз водии Зарафшон ва Амударё маскун шудаанд.

Аз нақлҳои мӯйсафедон – бухориёни Сибир роҷеъ ба ватани гузаштагонашон, ба ғайр аз Бухоро, Хоразм, Хучанд, Шаҳристон, Панҷакент, Ёротеппа (ҳоло Истаравшан) ва номи дигар шаҳру деҳотро, ки аз қадим тоҷикон зиндагӣ мекарданд, бештар ба ёд меоранд. Минтақаҳои номбаршуда аз қадимулайём ҷойи зисти халқҳои эронизабони бумӣ – суғдиён, хоразмиён - гузаштагони тоҷикон буданд [7,32].

Муаллифон дар давоми ин ҷумла суханҳои академик В. В. Бартоldrо овардаанд, ки гуфта буд: «тибқи маълумоти қадимтарин халқиятҳои фарҳангии Осиёи Миёна – суғдиён дар Зарафшон ва хоразмиён дар поёноби дарёи Ому буданд, ки ба авлодони ирониҳо тааллуқ доштанд [3,1].

Фикри хешро тақмил дода, онҳо боз менависанд, ки «чизе, ки ба бухориён - тоҷиконе, ки ба Сибир маскун шудаанд, ҳангоми пурсиш баъзеи онҳо аз баромади «таҷик» (тоҷик) будани гузаштагонашон шаҳодат доданд.

Бухориён – тоҷикон робитаҳои хешро дар соҳаҳои хоҷагӣ ва истеҳсоли бо тоҷроҳои Сибир барқарор намуданд. Тоҷикон ва ўзбекон дар Сибир баъзе усулҳои коркарди замин, роҳҳои сабзонидани гандум ва дигар навъҳои полезиро густариш доданд. Онҳо ҳамроҳи худ ба Сибир маводи фарҳанги моддӣ (либос, хӯроқа, асбобҳои хона, зару зевар ва ғайраҳо) оварда, дар ин ҷо истеҳсоли чарм, қолинбофӣ, заргарӣ ва қуллолгарӣ ва дигар соҳаҳои ҳунармандиро густариш доданд [7,32-33].

Зироаткорӣ. Аз рӯи баъзе маълумот ашхоси аз Осиёи Миёна омада, дар ҳудуди Сибир зироаткориро ҳанӯз дар давраи ҳукмронии Кучумхон оғоз намуда буданд. Минбаъд онро дар давраи Давлати Москва тақмил доданд. Дар Россияи ин давра, бештар ба тичорат мансубият доштани бухориёнро медонистанду халос. Бахусус, ба тоҷирони бухорӣ дар Давлати Москва ҳаматарафа аҳаммияти вижа дода, дар бисёр ҳолатҳо ба онҳо кӯмаки ҳамаҷониба ва имтиёзҳо пешбинӣ менамуданд. Давлати Москва ба фаъолияти тоҷирон аз Осиёи Миёна пасиҳам ҳукм (грамота) бароварда, имтиёзҳоро батадриҷ васеъ менамуд. Масалан, соли 1645 фармон дар бораи тичорати озоди онҳо на танҳо дар Сибир, инчунин дар дигар ҳудудҳои Россия, аз ҷумла дар Қазон, Астрахан, Архангелск ва шаҳрҳои дигар содир гардид.

Тибқи он ба ҳамаи ҳукуматдорони шаҳрҳои номбаршуда фармон дода шуд, ки «бухориён дар шаҳрҳо бояд таҳти боздошт, фишор ва ҳеч гуна таҳқир қарор нагиранд» [4,32-33]. Соли 1686 ин ҳукм аз ҷониби шоҳ Алексей Михайлович тасдиқ гардид. Мувофиқи асноди тасдиқкунанда аз 3 ноябри 1645 ва 17 сентябри 1687 бухориён худро «даъватшудаи Ҳукумати Москва» номида, дар ҳудуди тамоми Россия ҳуқуқи тичорати бебӯҷро доштанд. Онҳо инчунин аз хизмати ҳарбӣ ва дигар уҳдадорихо озод буданд. Ба онҳо аз ҷумла, ҳуқуқ ба гирифтани заминро доданд.

То ба тахт нишастани Михаил Фёдорович Романов, ки ба соли 1613 рост меояд - русҳо дар Сибир чанд шаҳр: Тоболск, Тюмен, Пелим, Берёзов, Томскро доштанд. Аммо тибқи навиштаҳои олимони ва далелҳои онҳо бухориёни Сибир ҳамчун табақаи этникӣ аз асри XVII арзи вучуд кардаанд. Албатта, ин ба як қатор сабабҳо вобастагӣ дошт, ки муҳимаш муносибати ҳукуматдорон ба аҳолии баромадашон аз ҳудуди Осиёи Миёна буд. Боз сабаби дигар ин басиҷи зергурӯҳҳои маскунӣ (Тара, Тоболск, Тюмен, Томск) ва дар маҷмӯъ бухориёни Сибир буданд. Сараввал маскуншавии зичи онҳо, ки ба доштани робитаҳои оилавию хешутаборӣ мусоидат намуд ва тавонист

дар ҳифзи анъанаву суннатҳои фарҳангӣ таъсир расонад. Албатта, дар ин раванд ҳаёти иқтисодии онҳо истисно набуд [8,42]. Бахусус зироаткорӣ, аҳаммияти басо калон пайдо кард. Маҳз дар ин раванд саҳми бухориён басо ҳам назаррас буд.

Солҳои 80-90-и асри ХУ11 ҳокимияти маҳаллӣ дар Сибир бухориён, ки ба зироаткорӣ машғул буданд, расман ба қайд гирифт. Заминаҳое, ки тибқи асноди «амонатӣ» ё «васиқаӣ» гирифта шуда буданд, бухориён (точикон) буданд, ки дар заминҳои ҳукумати ба онҳо пешкашшуда ба зироаткорӣ машғул буданд. Ин бесабаб набуд. Точикон дар ватани бобоиашон аз қадим мардуми бумӣ ва зироаткор буданд. Роҳу усулҳои коркарди заминро медонистанд. Дар қадом замин қадом навъи зироатро коридан ва гирифтани ҳосили баландро аз гузаштагонӣ хеш мерос гирифта буданд. Аз ин рӯ, истифодаи самараноки замин ба онҳо маълум буд.

Масалан, соли 1690 дар шаҳрҳои Тара – 34 оила ва Тюмен - 23 оилаи бухориён ба зироаткорӣ машғул буданд. Рақамҳои зикршуда танҳо ба маскунгоҳҳои дахл дорад, ки бухориён соҳиби замин буданд. Заминаҳоро, ки ба тариқи «амонат» ва «давлатӣ» коркард мегардиданд, ба бухориён тааллуқ доштанд. Соли 1700 дар Тюмен 56 оила ба зироаткорӣ машғул буд. Таҳмиби муносибатҳои Осиеи Миёна ва Россия, ба вижа сиёсати пуштибонӣ доштани Ҳукумати Россия боз ҳам бештар бухориёнро ба Сибир ҷалб менамуд. Агар соли 1734 дар алоқадорӣ (уезди) Тара 329 бухорӣ (аз онҳо 40 нафар дар шаҳр) ба ҳисоб гирифта шуда бошанд, пас соли 1763 шумораи онҳо дар деҳот ба 669 ва дар шаҳр ба 105 нафар расида буд. Ҳамин сол дар Тюмен 602 нафар, дар соли 1771 бошад 608 нафар бухорӣ зиндагӣ мекарданд [7,38].

Ба ақидаи муҳаққиқ Хуршед Зиёев шумораи бухориён дар муддати 70 сол кам афзоиш ёфт. Ӯ тахмин мекунад, ки ин замон ба Тюмен бухориён кам маскун мешуданд. Аммо шумораи онҳо аз ҳисоби афзоиши дохилӣ назаррас гардид. Аз ҳама нуқтаҳои аҳолинишини бухориён Ембаевск, Тураевск, Оқярск, Ново - Шабабинск, Каскаринск ва Матёрск буданд. Минбаъд дар ин нуқтаҳои аҳолинишин ба пуррагӣ бухориён сукунат доштанд [7, 39]. Воқеан, олимони саҳми бухориёнро дар азхуднамоии заминҳои Сибир басо ҳам бамаврид қайд кардаанд.

Тибқи ақидаи Г. Н. Потанин бухориён ҳанӯз асоси зироаткориро дар Сибири Ғарбӣ то ҳукмронии давлати Рус дар Сибир гузошта буданд [7,50]. В. И. Шунков дар асараш «Очеркҳо роҷеъ ба таърихи мустамликадорӣ дар Сибир дар асрҳои XVI – XVII» [10] роҷеъ заминҳои бухориён дар Сибир маълумоти муҳим меорад.

Барои боз ҳам ба ин масъалаҳо амиқтар равшанӣ андохтан, онҳо ба сарчашмаҳои муҳими бойғониҳо мурочиат намудаанд. Яке аз муҳимтарини онҳо «Китоби маъмурии (дозорӣ), минбаъд «Китоб» - и Тара соли 1701» ба ҳисоб меравад, ки олимони онро омӯхта, тавассути он далелҳои хеле зиёде омори овардаанд. Масалан, дар он маълумот дар бораи 82 хонавода, ки 161 нафар бухорӣ (бо назардошти кӯдакон ва бародарон) - ро ташкил медиҳанд оварда шудааст. Дар ташреҳи он маълумоти зерин сабт шудааст: 1) сардори оила; 2) дар кучо таваллуд ёфтааст; 3) падари ӯ дар кучо таваллуд шудааст; 4) фарзандон, бародарон ва бародарзодаҳо; 5) миқдори ҳайвоноти хонагӣ; 6) шумораи тичорат ва ширкатҳои ҳунармандӣ 7) адади замин (корама, заминҳои озод ва қитъаи дарав; 8) ҷои воқеии замин ва сарҳади ҳудуди он ба объектҳои дигар; 9) ҳуқуқи соҳиби замин; 10) андози молӣ аз замин. Ин ташреҳ вообаста ба ҳар нуқтаи аҳолинишин аст ва бисёр масъалаҳоро равшан мекунад. Дар оғози китоб маълумот роҷеъ ба шаҳри Тара аст. Дар ин шаҳр 11 хонавода замин

надоранд ва аз шуғли «хизматӣ» зиндагӣ ба сар мебаранд. Сарварони хонаводаҳои дигар соҳиби заминҳои зиёд, на танҳо воқеъ дар соҳили чапи дарёи Иртиш (шаҳри Тара - дар соҳили чап ҷойгир аст), инчунин дар соҳили рост, ки дар поёну боло шаҳр дар масофаи дур ҷойгиранд, воқеъ мебошанд. Олимон тахмин кардаанд, ки дар асоси заминҳои ба шаҳри Тара Абдурахмон Тохтин тааллуқ дошта, деҳаи Казатово бунёд шудааст.

Абдурахмон Тохтин бо бародаронаш соҳиби қитъаҳои зиёди замин буданд. Инчунин зикр шудааст, ки фарзандони ӯ Шагазан (шояд Шоҳгазан ва Шяхмет (Шоҳаҳмад) бошанд – С. М.) дар юрта (хонаи сиёҳ) алоҳида зиндагӣ мекардаанд. Барои он, ки заминҳои зиёд дар ин ҳудуд мавҷуд буд ва онҳоро шудгор намуда, зироат мекориданд. Инчунин дар хамгашти болои дарёи Тара низ онҳо замин харида буданд [8,43-44].

Аз ҳамаи деҳаҳои, ки хонаводаҳои бухориён ба қайд гирифта шудаанд, танҳо деҳаи Шиховҳо (мумкин Шайховҳо бошад – С. М.) 23 хонавода дошт. Сарвари 17-тои онҳо қитъаи замин доштанд. Ҳоло ин деҳа Речапово (шояд Рачабовҳо бошад – С. М.) ном дошта, дар соҳили рости Иртиш ҷойгир аст ва қисми асосии нуқтаи аҳолишишини Междуречеро ташкил медиҳад.

Бояд қайд кард, ки заминҳои асосӣ ба Бахмурат Речапов (шояд Бегмурод Рачабов бошад - С. М.) тааллуқ дошт. Он 144 десятин, аз чоряки замин ва қитъаи дарави алаф ба 1 700 копен¹-ро ташкил меод [9,45]. Ғайр аз ин, тибқи тафсири ин китоб ду деҳае, ки то имрӯз аз Тара поёнтар, дар самти маҷрои дарёи Иртиш воқеъ будаанд, ба Сеитово (шояд Саидовҳо бошад – С. М.) ва Себеляковҳо тааллуқ доштаанд. Дар деҳаи «Аплатова» бошад, соли 1701 - 13 хонаводаи бухориҳо ба қайд гирифта шуда буд, ки сарвари ҳафттои онҳо заминдор буданд. Танҳо бо истиснои хонаводаи Маменяк Кучуков, ки қитъаҳои замини ӯ дар Ош (соҳили чапи Иртиш) воқеъ буданд. Инчунин ба бухорӣ Атихоҷа Оқсаидов тибқи ин китоб ҳуҷҷатҳо барои доштани замин дода шудаанд... [8,45-46].

Маълум мешавад, ки онҳо заминҳои ҳосилхези соҳили дарёҳоро интихоб намуда, дар онҳо қабл аз ҳама гандум, ки (талабот ба он хеле зиёд буд), ҷав, арзан, зироати обҷақорӣ машғул буданд. Бухориён воқеан устои зироаткорӣ буда, барои ҳосил захираи зиёд мекашидаанд. Барои он, ки ҳосили баланд ба даст оранд, шояд тухмиҳоро аз ватани бобой оварда буданд. Меҳнати ҳалоли онҳо ба он оварда расондаанд, ки сарвати онҳо рӯз ба рӯз зиёд шуда, ба заминдорҳои калони Сибир табдил ёфтанд. Бояд тахмин кард, ки шояд хариду фурӯши зироат низ ба онҳо тааллуқ дошт.

Муҳаққиқ С. Н. Корусенко ба асари пажӯҳишгар С. В. Бахрушин «Сибир ва Осиёи Миёна дар асрҳои XVI ва XVII» [2,208] ки диққати асосӣ ба робитаҳои тичоративу сиёсии Осиёи Миёна бо минтақаҳои Сибир медиҳад, ишора карда менависад, ки «баъзе бухориҳо сарватмандони хеле калон буданд» [8,13]. Инчунин, ӯ аз китоби С. В. Бахрушин иқтибоси зеринро меорад: «Баробари тичорат ва ҳунармандӣ бухориён каме ба зироаткорӣ низ машғул буданд. Сараввал онҳо дар заминҳои кор мекарданд, ки хариду фурӯш намешуданд. Ғайр аз ин, онҳо ба деҳаҳои тотарнишин муқимӣ шуда, «аз рӯи самимият бо онҳо хотирбинӣ мекарданд...».

¹ Ғамаи коху алаф, ки дар сари заминҳо нигоҳ дошта мешаванд.

«Аммо, меафзояд С. В. Бахрушин, аллакай соли 1620 дар миёни бухориёни муқимишудаи алоқадориҳо (уездҳо) гурӯҳҳои пайдо шуданд, ки заминдорони мустақил шуданд... Бухориён аз масоҳати хурди замин сар карда, қитъаҳои заминро васеъ намуда, дар Сибир ба заминдорони калон табдил меёфтанд. Бухориён на танҳо «замини иловагиро шудгор ва аз нав кишт мекарданд», балки порчаҳои замин, ки тоторҳо ба онҳо дода буданд, акнун ба ихтиёри худ гирифта, батадрич бо «заминҳои ҳосилнок, амонатӣ ва барои дарав муносиб» ҳамроҳ мекарданд.

Тибқи барӯйхатгирии соли 1699 заминҳои, ки бухориёни Тюмен аз русҳо гирифта буданд, дар онҳо заҳмат кашида, кордонӣ нишон доданд ва ба муваффақиятҳои назаррас ноил гардиданд. Минбаъд ин заминҳоро дар ин алоқадорӣ ба ихтиёри худ дароварданд» [8,13-14].

Бухориён дар Тюмен ҳам ба зироаткорӣ машғул буданд. Аз маълумоти соли 1787 бармеояд, ки дар юртаи Казаровск ду хоҷагии бухороӣ ҳар яке «дар саҳро бо десятин замини қорам» доштанд. Муҳоҷир Мамасаид (шояд Муҳаммадсаид, С. М.) тибқи маълумоти маъмурӣ соли 1682 «5 десятин замини қорам», соли 1685 бухороӣ дигар – 7 десятин дар саҳро ва заминҳои аз русҳо ба гарав гирифта» доштанд [7,54].

Дар ҳолатҳои дигар заминҳои муштараки бухориёни тоторҳо сабт шудааст. Аз ин мумкин аст ҳулоса кард, ки бухориён баробари заминҳои хеш, заминҳои ӯ деҳқонони муҳоҷиршудаи рус ӯ дигар заминдоронро харидорӣ мекарданд ӯ ба иҷора мегирифтанд. Дар ин ҳусус муҳаққиқ В. И. Шунков низ менависад. Бо гуфтаи ӯ, дар асри XVII маъмурият аз ҷониби муҳоҷирон роҳҳои асосии гирифтани қитъаҳои замин ва ҳуччатгузориҳои онҳоро муайян намуда буд. Аммо, бояд ҳолатҳои зерин риоя мегардид: замин ба муҳоҷир дар шароите дода мешуд, ки он бояд озод бошанд, вале ҳӯҷаини дигар надошта бошад. Лекин дар ҷойҳои, ки аҳоли зиҷ ва захираи заминҳои истифода нашуда зиёд бошад, хариду фурӯш ва ба иҷора додан иҷозат дода мешавад [11, 87].

Бухориён шудгори заминро бештар карда, хоҷагиҳоро васеъ менамуданд. Дар шудгори замин ҳайвоноти гуногунро истифода мебарданд.

Ниғаждорӣ ҳайвони калони шохдор барои шудгор дар миёни бухориён яқхела набуд. Дар юртаи Ембаевск бухороӣ бо номи Сулаймон 6 асп, 12 сар чорвои калони шохдор ва 5 десятин замини қорам дошт [6,54]. Дар юртаи Тӯраевҳо бухороӣ дигар 30 асп, 20 сар чорвои калони шохдор, 6 гӯсфанд, 7 десятин замини қорам 8 десятин замини қорам нашуда дошт. Хоҷагиҳои дигари бухориён (54 адад) 2,3,4,5 ва зиёда аз он асп ва чорвои калони шохдор доштанд [4,2].

Ҳамин тавр, бухориён на танҳо миёни мардуми Сибир, балки Россия бо кордониву ташаббускорӣ ва қабл аз ҳама поквичдонӣ ном бароварда, ҳамчун зироаткорони моҳир шинохта шуда буданд.

Ҳунармандӣ. Ҳунармандӣ низ яке аз шуғлҳои асосии бухориёни маскуншуда ба ҳисоб мерафт. Дар ин фаъолият низ онҳо дар Сибир аз аввалинҳо буданд. Аз ин ҷост, ки аллакай дар нимаи дууми асри XVII дар як қатор шаҳрҳои Сибир, истехсолоти ҳунармандӣ ба роҳ монда шуд, ки созмондихандагони онҳо бухориён буданд.

Ҳангоми маскуншавӣ на ҳамаи бухориён дар Сибир ба тичорат машғул гардиданд. Ба ғайр аз тичорат онҳо ба зироаткорӣ, чорводорӣ, косибӣ, оҳангарӣ, чармгарӣ, истихроҷи маъдан, бофандагӣ ва дуредгарӣ машғул шуданд. Оҳиста-оҳиста дар

худуди Сибир корхонаҳои чармгарӣ, бофандагӣ, оҳангарӣ ва дуредгарӣ пайдо гардиданд, ки бунёдгузори асосии онҳо бухориёни маскуншуда буданд.

Бояд қайд кард, ки нахустин оҳангарони касбӣ дар Сибир маҳз бухориён буданд. Аммо тибқи баъзе маълумоти дигар, таҳти унвони оҳангар - тоторҳо низ ёд мешаванд. Шояд ҳамон тотори оҳангар бухорӣ аст. Зеро, баъзе муаллифон бухориёне, ки миёни тоторҳо муқимӣ шуда, бо онҳо муносибатҳои хонаводагӣ барпо карда буданд, тотор мегуфтанд.

Аз ҳама хунари густаришфта барои маскуншудагони Осиёи Миёна ба Сибир, ин чармгарӣ буд. Тибқи ақидаи муҳаққиқони тоинқилобӣ ва баъзе олимони шуравӣ, онҳо ба истехсоли чарм дар Сибири Ғарбӣ асос гузоштанд. Тибқи гуфтаҳои муҳаққиқони зикршуда ва маводи то ба мо расидаи асри XVII, ғаболияти чармгариро дар Сибир маҳз бухориён густариш додаанд [5,47].

Барои ин шугъл онҳо ҷойҳои махсусро интихоб намуда истехсолотро ба роҳ меомонданд. Шояд канори роҳҳои корвонгузар, ҷойҳои муносиби интиқол ва хариду фурӯши маҳсулотро меписандиданд.

Масалан, баъзе аз бухориён махсус ба канораҳои Тюмен кӯчида, ба истехсоли чарм машғул гардиданд. Муҳаққиқ Г. Т. Боқиев [1] ин фикрро такмил дода, навиштааст, ки «чармгариро дар Сибир бухориён оғоз намуда буданд. Онҳо маҳсулоти чармиро асосан ба хотири фурӯш истехсол мекарданд» [1,38].

Муаллифи дигар В. К. Андриевич менависад, соли 1645 баъзе бухориёни дар канораҳои Тюмен ба истехсоли чармгарӣ машғул буданд [7,178]. Тибқи маълумоти но-пурра соли 1709 аз Тюмен барои Тоболск бухорӣ Ашметов «аз корхонаҳои чармгарии худ 170 чарми хиромӣ сурху сиёҳ», соли 1714 бухорӣ дигар аз «корхонаи худ» 226 адад ҳамин гуна чарм интиқол дода буданд. Ҳамин тавр, маълумот дар солҳои 1710,1711,1712,1713,1716,1721 ва 1731 ба қайд гирифта шудаанд. Ғайр аз ин миёни бухориён тоҷирони калоне буданд, ки тамоми истехсолоти чармгариро зери дасти зуд гирифта буданд. Тоҷир Ш. Ашменов ба гумруки шаҳри Тюмен хабар дод, ки соли 1747 «дар корхонаи хунармандии оилавии худ» 781 адад чарми сурху сиёҳ истехсол кардааст. Аз маълумоти мавҷуда бармеояд, ки тоҷирони бухорӣ истехсоли чармро ба монополия табдил дода, бухориёни қаториро он ҷо қор мефармуданд. Ҳукумати маҳаллии Тюмен соли 1785 қайд кардаанд, ки бисёриҳо «аз ҷумлаи бухориён сарватманд шугъли истехсоли чарм доранд [6,48].

Бухориён ва оилаҳои онҳо инчунин ба хунарҳои қолинбофӣ, либосдӯзӣ машғул гардида, маҳсулоти ҳешро қабл аз ҳама барои эҳтиёҷоти хона равона намуда, инчунин барои фурӯш ба бозор мебароварданд. Дар ин амал мақоми занҳои чирадасти бухорӣ калон буд. Ин занҳои воқеан хунарманд бо чирадастиашон дар ин ҷо ном бароварда буданд.

Як сайёҳи хориҷӣ, ки солҳои 60 - уми асри XVII ба Тоболск ташриф оварда буд, навиштааст, ки «занҳои бухорӣ дар хонаҳои худ болои қолини сурх нишаста, ба бофтан ва дӯхтани шохӣ, инчунин тиллову нуқра машғул мегардиданд. Онҳо барои худ ва ҳамсаронашон либос медӯзанд ва аслан ба хизмати хайётон эҳтиёҷ надоранд» [7,50].

Роҷеъ ба ин навъи хунари дастӣ, инчунин соли 1785 дар ҳуҷҷатҳои суди умумидавлати Тюмен ёдрас мешавад, ки «занҳои бухориён ба хунарҳои дастӣ машғул гардида, ресмон мересанд, барои эҳтиёҷоти худ аз қарбос ва босма моҳут мебофанд.

Ҳатто бисёри онҳо хеле моҳир буда, мекӯшанд аз ҳама гуна матоъ бо дастонашон чизе офаранд ва ҳамзамон корҳои хонаро низ сари вақт анҷом диҳанд» [7,50]. Ин анъана аз назари мо ба ин ҷо аз гаҳвораи асримиёнагии фарҳанги тоҷикон – Бухоро омадааст. Тоҷикон ҳанӯз аз даврони бостон ба ҳунармандӣ машғул буданд. Ҳатто дар самтҳои Роҳи Абрешим ин анъанаро густариш дода буданд.

Тавре ки маълум аст, дар даврони ҳукмронии нахустдавлати муттамаркази тоҷикон – давлати Сомониён (асрҳои IX-X) дар Бухоро олимони барҷаста, аз ҷумла, заминшиносу маъданшиносон зиндагӣ мекарданд. Шухрати онҳо берун аз марзи ин давлат рафта буд. Маълум мешавад, ки онҳо амали хешро ба насли минбаъда мерос гузоштаанд. Аз ин рӯ, дар асрҳои минбаъда пас аз сукути давлати пурқудрати Сомониён низ авлодони онҳо бо донишу малакаи хеш кори онҳоро давом доданд.

«Миёни бухориён ва тошкандиён одамоне буданд, ки корҳои кӯҳканиро мефаҳмиданд. Ҳанӯз соли 1665 шоҳ Алексей Михайлович дар фармони худ ба ҳукуматдорони Тоболск маслиҳат дода буд, ки барои ҷустуҷӯи конҳои мис бухориёро низ ҷалб намоянд. Ҳатто дар асри XVIII марди бухороӣ бо номи Ашир дар Сибири Ғарбӣ кони ҷинси маъданиро кашф кард, ки минбаъд он бо номи *аширит* (курсив аз мо) ёд мешуд. Мисоли дигар. Миёнаҳои асри XVIII бухороии дигар бо номи Олим Шайхов аз ҷониби ҳукуматдорони маҳаллӣ «барои ҷустуҷӯи конҳои тилло ва нуқра ба самти сарҳадӣ фиристода шуда буд» [7,50].

Ҳамин тарик, бухориён дар асрҳои XVI – XVIII яке аз нахустинҳо шуда, ба Сибир омада ба тичорат, зироаткорӣ ва ҳунармандӣ машғул гардида буданд. Ба ин фармонҳои ҳукуматдорони Россия, Китоби маъмурии (дозорӣ) маълумоти дақиқ додаанд. Онҳо баҳусус ба косибӣ, оҳангарӣ, чармгарӣ, истихрочи маъдан, бофандагӣ, дуредгарӣ машғул гардида, корхонаҳои истеҳсоли бунёд сохтаанд. Занҳои чирадасти бухороӣ ба ҳунарҳои қолинбофӣ, либосдӯзӣ машғул буданд.

АДАБИЁТ

1. Бакиева Г. Т. Община у татар Зауралья XVIII-начала XX в. Дис. канд. ист. наук. - Екатеринбург, 1998. - 269 с.
2. Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв.//Науч.тр. -М.: Изд-во АН СССР, 1959. - Т.1. М. -С.208.
3. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. -Л., 1927. - С.1.
4. Бояршинова З.Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в.//Вопросы географии Сибири. - Томск, 1951. - Сб.2. - С.137. С.2.
5. Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI – XIX вв.). - Ташкент, 1964. - 49 с.
6. Зияев Х. Узбеки в Сибири (XVII-XIX вв.). - Ташкент: Фан, 1968. - 73 с.
7. С.М. Исакова, Ф. Т. Валеев. Таджикский компонент в народно-разговорном языке западносибирских татар//Советская тюркология. - Баку, 1978. - № 4. июль-август. - С.31-39.
8. Корусенко С.Н. Сибирские Бухарцы в начале XVIII века//Отв.ред д.и.н., профессор Н. А. Томилов. - Омск, 2011. - 347 с.
9. Муҳидинов С. Р., Ортиков А. А. Дар бораи тавзеҳи вожаҳои «бухороӣ» ва «тезик» (тоҷик) дар таърихнигории тоинкилобӣ, шуравӣ ва муосир нисбати маскуншавии тоҷикон ба Сибир (нимаи дуоми асри XVI – XVIII)//Учёные записки (серия гуманитарных наук). Научный журнал. - Душанбе: РТСУ, 2022. - № 3. - Саҳ. 162-174.

10. Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI-XVII вв.//Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть 1.Торговля с Московским Государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв. Труды историко - археографического Институт востоковедения. – Л., 1932. - С.18-19.

11. Шунков В.И.Очерки по истории коллонизации Сибири в XVII-начале XVIII веков. -М. - Л., 1946. -С.87.

БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲОИ ШУҒЛИ ҲУНАРМАНДӢ ВА ЗИРОАТКОРИИ ТОЧИКОН ДАР СИБИР (АСРҲОИ XVII – XVIII)

Дар мақолаи мазкур баъзе масъалаи зироаткорӣ ва шуғли хунармандии тоҷикон дар асрҳои XVII – XVIII дар Сибир мавриди таҳлилу баррасӣ қарор гирифта, қайд мегардад, ки тоҷирони бухорӣ дар ин давра ба минтақаи Сибир омада, ба муносибатҳои тичоратӣ, шуғли зироаткорӣ, хунармандӣ хочагидорӣ машғул гардидаанд.

«Китоби маъмурии (дозорӣ) дар хусуси бухориёни зироаткор маълумоти дақиқ додааст. Онҳо дар заминҳояшон гандум, чав, арзан ва зироати полезӣ мекориданд.

Бухориён инчунин дар ин давра дар як қатор шаҳрҳои Сибир ба хунармандӣ косибӣ, оҳангарӣ, чармгарӣ, истихроҷи маъдан, бофандагӣ, дуредгарӣ машғул гардидаанд. Занҳои чирадасти бухорӣ ба хунарҳои колинбофӣ, либосдӯзӣ ва ғайраҳо шуғл доштаанд.

Калидвожаҳо: Маскуншавӣ, бухориён, тоҷикон, Сибир, Осиёи Миёна, зироаткорӣ, хунармандӣ, шуғл, тоҷир, давлати Москва, имтиёзҳо, истеҳсолоти чармгарӣ, қолинбофӣ, оҳангарӣ.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И РЕМЕСЛЕННОГО ХОЗЯЙСТВА ТАДЖИКОВ В СИБИРИ (XVII – XVIII ВВ.)

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы земледелия и ремесленного хозяйства таджиков в Сибири (XVII – XVIII вв.), отмечается, что бухарцы в этот период, приезжая в Сибирь занялись торговлей, земледелием, ремесленным хозяйством.

«Дозорная книга» приводила ценные сведения о земледельческой деятельности бухарцев в Сибири. Они выращивали пшеницу, ячмень, просо и занимались бахчеводством.

Бухарцы также в ряде городов Сибири занимались различными ремеслами и промыслами: кожевенным промыслом, кузнечным делом, ткачеством и горнорудным производством. Умелые бухарские женщины занимались ковроткачеством и шитьём одежды.

Ключевые слова: бухарцы, таджики, заселение, Сибирь, Средняя Азия, ремесло, занятие, купец, Московское государство, льготы, кожевенное производство, кузнечное дело, ткачество.

SOME ISSUES OF AGRICULTURE AND HANDICRAFT ECONOMY OF TAJIKS IN SIBERIA (XVII - XVIII CENTURIES)

This article discusses some issues of agriculture and handicraft economy of Tajiks in Siberia (XVII - XVIII centuries), it is noted that the Bukhara people in this period, coming to Siberia, were engaged in trade, agriculture, crafts and economy.

The Patrol Book provides valuable information about the agricultural activities of the Bukharians in Siberia. They grew wheat, barley, millet and were engaged in melon growing.

Bukharians also in a number of Siberian cities were engaged in various crafts and crafts: leather craft, blacksmithing, weaving and mining. Skillful Bukhara women were engaged in carpet weaving and sewing clothes.

Key words: Bukharans, Tajiks, settlements, Siberia, Central Asia, craft, occupation, merchant, Muscovy, benefits, leather production, blacksmithing, weaving.

Маълумот дар бораи муаллиф: Мухидинов Сайдали Рачабович - профессори кафедраи таърихи умумӣ ва миллии Донишгоҳи Русияву Тоҷикистон (славянӣ), E-mail: raja1956@mail.ru, тел. (+992 37) 227-47-56; (+992) 93-521-92-74.

Information about the author: Mukhidinov Saydali Radzhabovich - Professor of the Department of General and National History of the Russian-Tajik (Slavonic) University, E - mail: raja1956@mail.ru, tel. (+992 37) 227-47-56; (+992) 93-521-92-74.

УДК 739.1 (575.3)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА В МАВЕРАННАХРЕ X - XIII ВЕКОВ

СОХИБНАЗАРЗОДА М. Д.,

Технологический университет Таджикистана

Исторические корни художественного металла таджиков, как отрасли народного декоративно-прикладного искусства, уходят в глубокую древность. В результате археологических изысканий, осуществленных в пределах Таджикистана, Узбекистана, других областей Центральной Азии, где происходило сложение и развитие таджикского народа, накоплено множество имеющих отношение к разным историческим эпохам выдающихся произведений этой отрасли народного творчества. Замечательными образцами пополняют музейные коллекции экспонатов археологи Таджикистана и соседних республик в последние десятилетия, когда эти страны развиваются уже в новых условиях их государственного суверенитета.

Важным составляющим произведения художественного металла служит его декор. Декоративный орнамент несет в себе не только функцию оформления, он также служит носителем информации, которую скрытно передает нам неизвестный автор произведения, чье имя в большинстве случаев нам неизвестно. Очень важна эстетика предмета искусства, но еще более важны олицетворенные в нем символические знаки, а также та роль, которая отведена в его орнаменте конкретным узорам. Современное поколение художников и мастеров по искусству художественной обработки металла, безусловно, нуждаются в этих знаниях. Кроме того, они полезны широкому кругу нашего общества - зрителям музейных экспонатов, почитателям искусства. Этим аргументируется актуальность разрабатываемой в настоящем исследовании научной темы.

С другой стороны, систематизация сведений по истории этого художественного промысла, как и всего декоративно-прикладного искусства, позволяет дать аргументированную оценку состоянию общества, его социально-экономическому и культурному росту, степени развития искусства на разных исторических этапах развития народа. С этой точки зрения, для исторической науки изучение вопросов, имеющих отношение к истории искусства, деятельности народных мастеров, преемственность ранее выработанных традиций, было и остается актуальной задачей.

Материалы археологической науки подтверждают развитое состояние отрасли по обработке металла в предыдущую эпоху (раннее средневековье). В изготовлении разнообразных изделий находило применение железо. Среди таких предметов в числе находок преобладают предметы вооружения (наконечники стрел, наконечник копья, кинжалы, мечи, панцирные пластины, чешуйчатые шлемы) и домашний инвентарь (ножи, гвозди, дверные цепочки, скобы, принадлежности конской сбруи, серпы, топоры, лопаты, наковальни и др.). Бронза использовалась в изготовлении бубенчиков, замков и ключей, игл, разнообразных украшений, зеркал, пряжек для ремней, курильниц, светильников и пр. [17, 144-152].

Рассматриваемый период явился очередным этапом в продолжение традиций художественного металла. В это время назначение и тематика оформлений изделий художественной обработки металла отличались широкой разнообразностью. Художественной обработке подвергались бронза и драгоценные материалы (золото, серебро), которые превращались мастерами в предметы тюревтики, ювелирные изделия, медальоны с портретами аристократических особ, металлические статуэтки и др.

Рассмотрим отдельные артефакты, позволяющие получить представление об уровне художественной обработки металла в тот период. Фигурный конец бронзового предмета X в. неясного назначения из городища Алтынтепе (долина Кашкада-ры) выполнен в виде птицы. Изящная и бдительная птица показана сидящей, а все ее признаки переданы пропорционально и реалистически. У нее длинный клюв, высокая шея, клинообразный гребешок и приподнятый павлинообразный хвост [7, 532].

Полая бронзовая статуэтка льва из городища Хульбук составная и отлита по частям в формах. Шея, морда и тело зверя декорированы растительными и геометрическими орнаментами. На поверхности тела льва имеются надписи. Одна из надписей указывает имя мастера (Али ибн Абу-Наср), другая – назидательная. На голову царя зверей была поставлена корона (сохранились лишь отверстия для соединения). Есть и другое основание для такой гипотезы: цари средневекового Хутгальяна носили титул «лев Хутгальяна».

Среди археологического материала из этого городища встречаются изящные по форме и богато орнаментированные косметические инструменты. Так, рабочая часть инструмента для выщипывания бровей изображает птицу, возможно гуся. Ее длина - 22,2 см. На месте глаз имеются отверстия, куда были вставлены камешки. Инкрустированы были и крылья птицы. Наиболее широкую часть крыльев украшает крест, вписанный в круг. Внешняя поверхность рабочей части щипчиков декорирован рельефным узором в виде заплетенной косы [20, 118].

На верхней поверхности относительно большого (высота - 11 см, диаметр - 10 см) колокольчика, найденного в селении Хульбак, имеется гравированный орнамент. Вокруг петельки для подвешивания соприкасаемые между собой листочки образуют венчик, который обрамлен восьмиконечной звездой. От каждого угла этой фигуры вниз к середине колокольчика спускается шестилепестковый цветок [18, 184-185].

Большой художественной ценностью отличаются отдельные образцы сохранившихся металлических чернильниц. На цилиндрической чернильнице из Шахритуса декорированы стенки и верхняя часть предмета. На стенках три круглых медальона, сплетаясь с петлями и лентами, образуют сложный узор. Внутри каждого медальона изображена сидящая женщина с вытянутыми вперед руками. Она представлена как фронтально, так и в профиль (три четверти). Представленный образ характеризуется выразительными чертами. Легко поддаются определению формы бровей и глаз, рта и носа, вид прически, крой и декор одежды. Лицо округлое, широкий подбородок, высокий лоб, глаза овальные. Прическа с прямым пробором посередине. Одежду составляет подпоясанный кафтан закрытого типа, на плечи наброшена накидка, концы которой двумя по-лосами спускаются вниз до пояса. На

нижней поверхности днища чернильницы изображен шагающий сфинкс - существо с телом льва и человеческой, точнее женской, головой. На спине сфинкса имеется полукруглый выступ - символ солнца. Приподнятое крыло изогнуто назад, а изогнутый вверх хвост заканчивается в форме пирамиды [19, 160 - 161].

В Таджикабадском районе случайно найден фрагмент меча VIII - IX вв. вместе с серебряной бутеролью. Бутероль украшают изображения львов и человеческих лиц [16, 621 - 622].

Из пределов районов Кабодиан и Гиссар (их точные места обнаружения не известны) происходят два образца витых браслетов открытого типа X - начала XI вв. Они изготовлены путем скручивания вместе серебряной проволоки и серебряных нитей. Концы браслетов изображают змеиные головы, а лента напоминает извивание змеиной пары. На участке шеи каждой змеи за счет жгутов из серебряных нитей выполнено шесть колец. Традиция изображения пары змей напротив друг друга связана с их культом и берет начало с каменного века [4, 11-16].

Археологические материалы показывают, что в этот период в Мавераннахре формируется новая школа тореvтики (художественного металла). В ее образовании решающее значение имела мусульманская культура и с учетом развития эпитафического орнамента эту школу можно назвать исламской. В произведениях этой школы - изделиях мастеров из Бухары, Хутталаяна, Уструшаны и других ремесленных центров региона отчетливо просматриваются общие черты формообразования и декора.

В числе находок из городища Лагмон (или Золи Зард - руины средневекового города Халевард у селения Узун района Дж. Балхи) фигурируют бронзовые кувшины, блюда, чаши, курильницы на ножках, светильники, чернильницы, а также фрагментированные сосуды (горловины, поддоны и другие части) XI - XIII вв. Среди этих предметов тореvтики притягивает внимание кувшин высотой 18,7 см, у которого шаровидное туловище расширяется кверху. У него невысокий поддон и незначительный наклон плечиков. На горлышке сосуда, которая постепенно расширяется в направлении верха, выполнены низкие вертикальные грани. Плосковогнутая ручка, немного прогнутая внутрь, связана с венчиком деталью в виде пальметты. Она в средней части имеет форму четырех примыкающих друг к другу полубусин. Рядом с венчиком кувшина ручка отломана, не исключено, что здесь на ней был какой-то венчающий элемент, скорее всего, - плод граната. Поддон декорирован вертикальными штрихами, которые вверху и внизу соединены овалами. Тулово кувшина орнаментировано двумя поясами. Верхний горизонтальный пояс эпитафический, причем арабский текст разделен двумя медальонами на три части. Внутри круглого медальона изображены бегущая газель, какая-то изогнутая фигура и стоящий человек с широко расставленными ногами. Одна рука этого персонажа приподнята, другая опущена. Еще один декоративно-эпитафический пояс имеется на горловине сосуда.

От другого бронзового кувшина из Лагмона, который имеет туловище овальной формы, сохранилась лишь верхняя часть. Плоско-выпуклая ручка соединена с горловиной деталью в виде пальметты. Пальметта образована направленными в противоположные стороны головками двух стилизовано перенесенных птичьих головок. Венчик сосуда украшает фрукт граната. В верхней части туловища имеется

декоративный пояс, который с двух сторон обрамляют куфические тексты благословения.

Третий кувшин из Золи Зарда имеет шаровидную форму и стоит на небольшом поддоне. Расширяющееся вверх горло отделено от тулова валиком и завершается горизонтально отогнутым наружу фестончатым венчиком. Ручка в сечении круглая, по высоте несколько прогнута внутрь, у основания имеет вид треугольного выступа, прикрепленного к верхней части корпуса. В нижней половине ручка состоит из примыкающих друг другу шариков, а в верхней части на горизонтальном отрезке становится уплощенной и переходит в пальметту, соединяющуюся с венчиком. Ручка увенчана элементом в виде плода граната, верхняя площадка которого имеет вид рельефной шестилепестковой розетки [6, 167-169].

Золотые серьги из Аккурмана (в 10 км к северо-востоку от г. Шерабад в долине Сурхандарьи) дают представление об особенностях украшений XIII - XIV вв. Каждая из них содержит пять полых шариков. Три шарика закреплены на стержень серьги на одном уровне, еще по одному шарик расположены сверху и снизу от них. Каждый шарик обернут двумя тонкими золотыми проволоками [11, 81].

Другую область использования произведений художественного металла составляли наборные пояса воинов и чиновников Мавераннахра. Образец такого пышного пояса начала XIII в. сохранился в руинах пятничной мечети Афрасиаба. Он украшен десятью застежками, таким же количеством нашивных и подвесных пластин с гравированным орнаментом и большими кольцами для подвешивания оружия и других предметов, причем все эти детали серебряные. Посередине ромбовидной пластины, украшавшей конец пояса, выгравировано изображение птицы внутри круга [3, 258-263].

Сохранилось немало бронзовых зеркал XI - первой половины XII вв., изнаночную сторону которых украшает выполненная в барельефе зооморфная композиция. Они найдены в разных регионах Мавераннахра и к востоку от него, в том числе Заамине (Уструшана), Термезе, на городищах Бурулдай (Семиречье) и Кызылсу (Чуйская долина). Композиция включает пару сфинксов, вставших на задние ноги и прикасающихся спиной друг к другу. Отметим, что такая композиция зафиксирована и внутри центрального медальона на поверхности чаши из поселения Тальгар (в Казахстане). Женские лица сфинксов смотрят на зрителя, а туловище показано в профиль. Хорошо подчеркнуты черты лица, шею украшает ожерелье. На головном уборе или в прическе имеется шарообразная выпуклость, перед ушами волосы образуют волнистые кудры. У сфинксов львиное туловище, задние ноги раздвинуты в позе молниеносного движения. Хвост с выраженными суставами обвиваясь, проходит между задними ногами и завершается завитком. Крылья раскрыты над плечами. В месте, где сходятся концы крыльев обоих сфинксов, образуется пальметта, которая, направляясь вверх, образует по обеим сторонам ветки с трилистниками. Еще одна пальметта расположена внизу, в свободном поле композиции. Завитки с трилистниками показаны и у животов сфинксов. На некоторых зеркалах описанная здесь композиция обрамлена куфической надписью, что может служить аргументом в пользу местного происхождения этих предметов. Арабский текст является благословением: «Могущество, долгие [лета], власть, красота, возвышенность, просвещенность, радость, величие, господство, долгие [лета], доблесть, благословения

владельцу сего [зеркала] навеки». Изобразительная композиция получена одновременно с самим зеркалом в результате литья в форме, после чего обе поверхности предмета были покрыты серебряной амальгамой [2, 121-135].

В целом, накануне вторжения монголов в тематику изобразительного искусство Мавераннахра и окружающих его регионов проникла целая группа фантастических животных. В архитектурном декоре, скульптуре и декоративно-прикладном искусстве изображения грифона, женщины-птицы, сфинкса и дракона наряду с обыкновенными птицами (фазана, петуха, голуби, павлина), воинов, сцен погони за животными стали наиболее популярными темами. В вещах круглой формы, например, медальонов, эти образы изображались парами и симметрично, иногда по две стороны от древа жизни. Эти темы были заимствованы из народного фольклора и легенд, в которых фантастические существа служили для защиты людей, предупреждения от сглаза, заклинаний, клеветы. Еще с древности считали, что зеркало обладает волшебными свойствами, которые могут предотвращать наступление бедствия и несчастья. А изображение на нем фантастических образов усиливает эти свойства [12, 153-155].

Следует подчеркнуть, что тема сфинксов в изобразительном искусстве Центральной Азии XI - XIII была распространена весьма широко. Так, она встречается в декоре таких бронзовых изделий, как блюда из Самарканда и Канибадама [5, 322], кувшинов из Истаравшана и близлежащих к нему районов. Есть она и в декоре керамической посуды со штампованным орнаментом из Мерва, причем в данном случае у сфинкса прическа та же, что и описанная выше. Еще большее развитие данная тема получила в творчестве мастеров из Ирана, которые применяли ее для украшения произведений торевтики, глазурованных керамических сосудов, стеклянных изделий с росписью, шелковых тканей.

В границах Мавераннахра всего сохранились десять бронзовых кувшинов, украшенных изображениями шагающего сфинкса, у которого поднята лишь одна нога. Шесть таких кувшинов найдены в пределах Уструшаны, причем четыре из них содержат имя художника-медника (Ахмад). Туловище металлического сосуда охватывает три ряда куфийской надписи. В поле между буквами размещены растительные узоры. В украшении кувшинов использованы изображения трех видов живых существ: пары рыб на горлышке кувшина, двух собаковидных головы под ручкой и сфинкса. Фантастическое существо с рогами, крыльями и роскошным хвостом показан в окружении растительного орнамента [9, 20-25].

Часть бронзового алтаря XI - XII вв. из городища Будрач (в 6 км юго-восточнее г. Денау), который был столицей средневекового Чаганиана, имеет вид головы тигра [13, 456-457]. На затылке и груди хищника путем сверления отверстий выполнен растительный орнамент.

Клад из предметов XIII в. из крепости Чормагзтепа (на северо-западе г. Душанбе) содержит 9 серебряных украшений (по 3 перстня и браслета, 2 ушные подвески и пластина для нашивки на одежду), 16 монет и 60 жемчугов. Перстни литые и имеют шестиугольный щиток. На одном образце щиток украшен четырехлистниками, а ножки цветов имитированы волнистыми линиями. На двух браслетах лента остова имеет треугольное поперечное сечение. Они открытого типа, концы ленты

имеют вид змей с высунутыми языками. Традиция украшать концы браслетов изображениями змей сформировалась еще в древней Бактрии, такие украшения имеются в материалах из Тиллятепе, Тулхара, Арактау. Чешуйки на теле змеи показаны вдавливаниями. В этих браслетах посередине ленты имеется прямоугольный щиток в виде ромба с точкой посередине. Фрагментарно сохранившийся третий браслет изготовлен из четырех серебряных проволок, заплетенных подобно косичке. На ее поверхности пластины-нашивки круглой формы гравировкой изображены выпуклая полусфера внутри четырехконечной звезды. У края пластины выгравированы два кольца одно внутри другого [15, 239-243].

Случайными находками считаются два бронзовых сосуда XII – XIV вв. из местности Тутак (Ховалингский район) на левом берегу р. Оби-Мазор. На чаше с ручкой конец ручки имеет вид листьев. Внешняя поверхность стенок чаши декорирована кругами и куфической благожелательной надписью. Изнутри посередине дна изображен цветок ромашки. Другая бронзовая чаша конической формы. Горловина этого сосуда украшена кругами, ниже симметрично размещены три надписи. Днище сосуда изнутри украшено тремя рельефными кругами [8, 365-368].

В составе Шахристанского клада XII - XIII вв. из Истаравшана в числе других предметов имеются как целые металлические украшения, так их детали (три золотых перстня, три золотые серьги открытого типа, две штампованные золотые подвески, колокольчатые бронзовые подвески в виде розеток. Скорее всего, колокольчатые подвески были деталями серег, которые среди традиционных таджикских украшений известны как кафаси («типа птичьей клетки»). На поверхности круглых подвесок из листового золота оштампована свастика. Каждая из четырех концов свастики завершается рогами, извитыми в две стороны. Эти предметы имеют петли для подвешивания. Возможно, они применялись в ожерельях. Золотые серьги литые и имеют вид открытых колец, один конец которых заострен, другой - утолщенный, ромбической формы и с гранями.

На двух из трех перстней клада из Шахристана сохранились инкрустации: в одном случае это - бирюза, в другом - красный сердолик (альмандин). На их щитках с внешней стороны имеются по четыре золотых ножки для удерживания драгоценного камня. Вся поверхность перстней покрыта штампованным орнаментом. Поверх орнамента прикреплены розетки, которые также со штампованным узором. Поля между узорами, полученными штампом, заполнены гравированным орнаментом, в котором побеги заключены в треугольники. В этих изделиях нашли отражение отличные навыки мастера-ювелира [10, 238-243].

Замечательные произведения торевтики (подносы, блюда, кувшины, тазы) фигурируют в числе вещей из знаменитого клада, найденного в Калаи-Баланде (Истаравшанский район) [19, 123-166].

В целом, в материальной культуре жителей Мавераннахра X - XIII веков художественный металл занимал важное место. Тематика декора этих предметов в своих общих чертах соответствовала направлениям, свойственным оформлению произведений других областей изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков К. М., Терновая Г. А. Бубенцы, полубубенец и амулеты - «самоварчики» из коллекции средневекового города Невакет//Археология и история Центральной Азии. - Самарканд, 2004. - С. 36-39.
2. Богомолов Г. И., Максудов Ф. А., Бабаджанов Б. М. Бронзовое зеркало из селения Бешкуби Зааминского района//Последний энциклопедист: к юбилею Б.А. Литвинского. - М.: ИВ РАН, 2013. - С. 121-135.
3. Буряков Ю. Ф., Крамаровский М. Г. Поясной набор XIII в. из Самарканда//Советская археология. - М., 1974. - № 2. - С. 258-263.
4. Довуди Д. Серебряные витые браслеты X - нач. XI вв. из Кубадиана и Хисара//Санъатшинои (Искусствоведение). - №2 (4)2021. - Душанбе, 2021. - С. 11-16.
5. Древности Таджикистана. Каталог выставки. - Душанбе, 1985. - С. 322, №824.
6. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). - М., 1985. - С. 169.
7. Лунина С. Б., Столярова Н. П. Раскопки в долине Кашкадарьи//Археологические открытия 1976 года. - М.: Наука, 1977. - С. 532.
8. Муллокандов М. М. Археологические работы в долине р. Обимазар Ховалингского района (1984 г.)//АРТ. – Вып. 24 (1984 г.). – Душанбе: Дониш, 1993. – С. 354-368. - С. 365-368, рис. 6, 7.
9. Мухтаров А. Шедевры в единственном числе//Путешествие в Согдиану. - Душанбе, 1982. - С. 20-25, рис. 13-16.
10. Кильчевская Э. В., Негматов Н. Н. Находки ювелирных изделий из Шахристана//Средневековая археология. - М., 1964. - № 3. - С. 238-246.
11. Пидаев Ш. П. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. - Ташкент: Фан, 1978 XIII - XIV. - 144 с. - С. 81, рис. 30.
12. Пугаченкова Г. А. Бронзовое зеркало из Термеза//Советская археология. - М., 1961. - № 1. - С. 153-155.
13. Ртвеладзе Э. В. Исследования на городище Будрач//Археологические открытия 1979 года. - М.: Наука, 1980. - С. 456-457.
14. Самойлик П. Т. К датировке Калаибаландского клада бронзовых изделий//АРТ. - Вып. 13 (1973 год). - Душанбе, 1977. - С. 231-239.
15. Соловьев В. С. Денежно-вещевой клад из Душанбе//Советская археология. - М., 1992. - № 1. - С. 239-243.
16. Соловьев В. С. Раскопки в горном Таджикистане//Археологические открытия 1985 года. - М.: Наука, 1987. - С. 621-622.
17. Сохибназаров М. Д. Художественная обработка металла в Тохаристане и Согде эпохи раннего средневековья//Муаррих. - 2022. - №2. - С. 144-152.
18. Ходжаев Ш. Археологические исследования в окрестностях селения Хульбук в 2006 году//Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 32. – Душанбе, 2008. – С. 176-197. – С. 184-185, рис. 6(3).
19. Якубов Ю. Таджикистан//Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX – XV вв. – Т. 3. Торевтика. – Самарканд – Ташкент: Международный институт Центральноазиатских исследований, 2012. - С. 123-166.
20. Якубов Ю. Я., Худжагелдиев Т. У. Отчет о раскопках на городище Хульбук в 2006 г.// Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 32. – Душанбе, 2008. – С. 115-175. - С. 118, рис. 6 (12).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА В МАВЕРАННАХРЕ X - XIII ВЕКОВ

В статье на основе археологических материалов исследуется вопрос, связанный с художественным металлом в Мавераннахре X - XIII веков. Автор рассматривает тему как продолжение и развитие традиций, заложенных в раннем средневековье, когда в регионе этой области искусству было присуще развитое состояние.

Анализсохранившихся артефактов показывает, что в рассматриваемый период в Мавераннахре формируется новая школа торевтики. В ее образовании решающее значение имела мусульманская культура. С учетом развития эпиграфического орнамента эту школу можно назвать исламской. В ее произведениях - изделиях мастеров из Бухары, Хутталяна, Уструшаны и других региональных ремесленных центров отчетливо просматриваются общие черты формообразования и декора

Подытоживается, что в материальной культуре жителей региона художественный металл занимал важное место. Тематика декора этих предметов в своих общих чертах соответствовала направлениям, свойственным оформлению произведений других областей изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Мавераннахр, средневековье, ремесло, декоративно-прикладное искусство, художественный металл, торевтика, орнамент.*

КОРКАРДИ ХУНАРИИ ФИЛИЗ ДАР МОВАРОУННАХРИ АСРҲОИ X - XIII

Дар мақола бо истифода аз маводи бостоншиносӣ масъалаи коркарди хунарии филиз дар Мовароуннахри асрҳои X - XIII мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Муаллиф мавзӯро ҳамчун идомабӣ ва инкишофи анъанаҳои дар ибтидои асрҳои миёна ташаккулёфта медонад, ки он замон дар минтақа филизи бадеӣ дар тараққӣ буд.

Таҳлили осори то рӯзҳои мо боқимонда нишон медиҳад, ки дар давраи мавриди баррасӣ дар Мовароуннахр мактаби нави торевтика ба вучуд омада буд. Дар пайдоиши он фарҳанги мусулмонӣ аҳамияти ҳалқунанда дошт ва бо назардошти рушди ороиши эпиграфӣ ин мактабро метавон исломӣ номид. Дар осори ин мактаб - маҳсулоти хунармандони Бухоро, Хатлон, Уструшана ва дигар марказҳои хунармандии минтақа хусусиятҳои умумии шаклсозӣ ва ороиш баръало ба назар мерасанд.

Хулоса қарда мешавад, ки филизи бадеӣ дар фарҳанги моддии мардуми минтақа мақоми муҳимро ишғол мекард. Мавзӯҳои ороиши чунин ашёҳо дар аломатҳои умумӣ ба равияҳои тарҳрезии асарҳои соҳаҳои дигари санъати тасвирӣ ва ороиши амалӣ хос буданд.

Калидвожаҳо: *Осиёи Марказӣ, Мовароуннахр, асрҳои миёна, хунармандӣ, санъати ороишӣ - амалӣ, филизи бадеӣ, торевтика, нақш.*

ARTISTIC METAL PROCESSING IN TRANSOXIANA, X - XIII CENTURIES

The article, based on archaeological materials, examines the issue related to artistic metal in Transoxiana in the 10th - 13th centuries. The author considers the topic as a continuation and development of traditions established in the early Middle Ages, when the region was characterized by a developed state of art.

Analysis of surviving artifacts shows that during the period under review, a new school of toreutics was being formed in Transoxiana. Muslim culture was of decisive importance in her education. Taking into account the development of epigraphic ornament, this school can be called Islamic. In her works - products of craftsmen from Bukhara, Khuttalyan, Ustrushana and other regional craft centers, common features of shape formation and decoration are clearly visible

It is summarized that artistic metal occupied an important place in the material culture of the inhabitants of the region. The decorative themes of these objects in general corresponded to the trends characteristic of the design of works in other areas of fine and decorative arts.

Key words: *Central Asia, Maverannahr, Khorasan, the Middle Ages, the crafts, decorative and applied arts, artistic metal, ornament.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Соҳибназарзода Мирзоназар Давлат** - номзади илмҳои таърих, мудири кафедраи ороиши либос ва санъати мӯди Донишгоҳи технологии Тоҷикистон. E-mail: mirzozonazar.1970@mail.ru.

About the author: **Sohibnazarzoda Mirzonazar Davlat** - candidate of historical sciences, head of the department of costume design and fashion art at the Technological University of Tajikistan. E-mail: mirzozonazar.1970@mail.ru.

УДК 746. 43 (575.3)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЯЗАЛЬНОГО РЕМЕСЛА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

САДИКОВА С. А.

Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ

Для исторической науки изучение ремесленной деятельности народов было и остается одним из приоритетов, ведь ремесло как ветвь производительной деятельности занимает важное место в структуре материальной культуры. Накопленный багаж знаний о степени развития ремесла дает возможность оценить состояние общества, уровень его социально-культурного и экономического роста в тот или иной исторический отрезок. Каждое новое исследование дополняет наши знания об этой значимой сфере материальной культуры народа, восполняет «белые пятна» - освещает вопросы, еще не отраженные в исторических и этнографических публикациях. Одним из таких «белых пятен» является история национального вязального искусства. Данная тема практически не исследована, вязальные традиции освещены лишь в считанных кратких статьях, причем поверхностно [5, 133; 5].

Разработка настоящей темы базируется на комплексном изучении археологических (находки образцов вязаных изделий и орудий труда), художественных (изображения вязаного текстиля в памятниках искусства) и литературных (сведения, зафиксированные в памятниках письменности) источников информации.

Несмотря на значительное число письменных источников на таджикско-персидском языке, составленных в средневековый период, в них невозможно найти сведений по вязальному делу. Данный факт имеет место и в отношении терминологических словарей, полезность материалов которых для науки не подлежит сомнению. По этой причине, исследуя данный период в развитии вязания, нам опять приходится, как и в случае с древнейшим периодом и древностью, прибегнуть к другим видам источников.

Начнем с обзора материалов археологической науки. Среди 33 булл (глиняных печатей) VII века с отпечатками текстиля из зороастрийского храма Канка (столицы раннесредневекового Чача, отождествляемой с Антиохией Заяксартской) есть две буллы с отпечатками вязаного материала. Объяснить наличие следов текстиля можно тем, что возможно, этими буллами печатали в то время мешки или мешочки с дарами для храма. Такие мешки шили из ткани или, как выясняется, изготавливали из трикотажа или, точнее, вязали сразу мешковидную фигуру, наподобие получения чулок. На тыльной стороне одной из булл сохранились в виде концов остатки нитей, которые имеют правую крутку [3, 78-81].

Впечатляют вязаные головные сетки с превосходными узорами, обнаруженные в замке на горе Муг. Их более 10, они белые и получены из крученых в два сложения

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа» (III век – начало XX века), государственный регистрационный номер 0121ТJ1211.

хлопчатобумажных нитей. На сетке от части, надеваемой на голову, отходят две полые трубки, в которые, очевидно, надевались косы. Один из образцов оформлен квадратными и ромбовидными узорами и внутри его плетения нанизаны 9 мелких черных бусин [10, 86].

О высоком уровне вязания, которого достигли жители Памира к XI веку, свидетельствует находка в поселении средневековых рудокопов Базардара (в долине Мургаба) верхней части детского носочка или конца рукава одежды, который был связан из очень тонких ниток. Средневековая мастерица из разноцветных нитей связала изделие с геометрическим узором. Как пишет исследовательница Базардары М. А. Бубнова, по тонкости вязки этот образец не уступает трикотажным полотнам, полученным на современных вязальных машинах. Среди найденных здесь предметов есть много хорошо заточенных острых деревянных спиц. Их идентификация в качестве вязального инструмента связана с тем, что традиционно памирские вязальщицы пользовались деревянными спицами [4, 141].

Вероятно, днем, пока мужчины поселения были заняты на добыче серебряной руды, женщины коротали время за прядением, ткачеством и вязанием.

Железный крючок с длинным стержнем найден в раннесредневековом (VIII – X вв.) Краснореченском городище (на севере Киргизии, на трассе Бишкек – Токмак). А. Н. Бернштам утверждает, что данное городское поселение сложилось в VIII веке из ряда замков согдийской знати и называлось Наукет («Новый город»). Здесь раскопан буддийский храм, однако обнаружение оссуариев с изображением алтаря огня говорит о том, что часть местного населения придерживалась зороастрийской веры [2, 151-162, табл. 104 (35)].

Этим и ограничивается скудный перечень вязальных артефактов средневековой Средней Азии. Такая же картина имеет место и в случае с Центральной Азией. Этого совершенно недостаточно для научного обозрения и анализа средневековых орудий труда для вязания. Не исключено, что отдельные такие артефакты еще не опубликованы и им не дана научная интерпретация. Вполне вероятно, что некоторые вязальные спицы и крючки идентифицированы археологами как другие предметы человеческого быта или как детали других устройств.

Как бы там ни было, обзор материалов значительного числа опубликованных трудов археологов и исследователей материальной культуры показывает, что в них о вязании в средневековье практически ничего не сообщается. В этих условиях нам приходится лишь констатировать, что в рассматриваемый период вязание имело широкое распространение, являясь, очевидно, исключительно домашним промыслом. Свойства вязаных изделий периодов раннего и начала развитого средневековья, обзор которых мы привели выше, позволяет утверждать, что в дальнейшем качество производимых продуктов такого строения не ухудшилось. Впрочем, с учетом значительного консерватизма в технике и технологии домашних промыслов, можно полагать, что приемы труда и качество этих изделий были такими же, как и в первой половине двадцатого столетия. А состояние и технический уровень этой отрасли ремесленной деятельности таджикского народа в указанный период наукой очень хорошо зафиксированы.

Здесь уместно привести некоторые сведения по истории джурабов, которые, безусловно, являются основным продуктом и главным символом вязального рукоделия.

Вопрос о времени и месте изготовления первых джурабов – теплых шерстяных чулок ручной вязки, окутан неизвестностью. Ареал распространения этого ремесла очень широк и охватывает преимущественно горные районы. Это - Центральная Азия (Таджикистан, Туркменистан, Восточный Иран, Афганистан, Пакистан), Кавказ (Азербайджан, Армения, Дагестан, Грузия), Балканы (Албания, Босния, Болгария, Греция, Македония, Сербия, Турция), Анды в Южной Америке. Джурабам каждого из этих регионов свойственны свои характерные особенности. Определить, какой регион является родиной этого искусства, не удается.

В средневековье джурабы производили и в Египте, если учесть, что как раз здесь обнаружены наиболее старые изображения таких изделий, которые датируются XII столетием. Однако большее число исследователей родиной вязаных теплых чулок считают Индию [9]. Именно считают, не более того. С таким же успехом можно считать, что первые образцы джурабов могли быть изготовлены в Центральной Азии или на Кавказе. Или, к примеру, в пределах Болгарии.

Что касается использования по теме художественных источников средневековья, приходится с сожалением отметить, что это невыполнимо. Так, нет возможности привлечь произведения книжной миниатюры – области искусства, развившейся в Средней Азии и соседних регионах с конца XIV столетия. Средневековая миниатюрная живопись уже оказала большую помощь в исследовании исторического костюма в деле изучения состава костюма, форм и декора его элементов, господствовавших в разные периоды течений моды. Однако эта область изобразительного искусства не освещает жизнь населения горных районов, с деятельностью которого вязальное рукоделие таджиков было связано почти всецело. По этой причине в одежном комплексе персонажей миниатюр мы не видим шерстяных чулок и других продуктов петлеобразования. На произведениях в глаза бросаются лишь сапоги и обувь без голенищ. Что касается собственно одежды, авторы произведений миниатюрной живописи не подчеркивают их строения, обращая внимание, прежде всего, на гамму цветов и декоративное оформление [7, 168-169].

Эти выводы распространяются и на монументальную живопись, которая занимало важное место в архитектурном декоре эпохи среднеазиатской античности и раннего средневековья.

В этих условиях, к сожалению, не обеспечивает необходимым материалом, как показано выше, и археологическая наука.

Что касается письменных источников средневековья, одно лишь упоминание в исторических, географических и художественных произведениях (поэзии и прозе) чулок, носков или других специфических предметов одежды отнюдь не позволяет причислить их к продуктам вязального рукоделия. Так, в «Худуд ул-олам» в числе товаров вывоза из хорасанской провинции Тус (в Восточном Иране) упоминаются джурабы [10, 60]. Остается лишь надеяться, что анонимный автор географического сочинения X века ведет речь о вязаных изделиях, а не о тканых.

Вдобавок к этому, даже самый скрупулёзный поиск не позволяет обнаружить заметок по теме и в материалах средневековых персидско-таджикских словарей, послуживших важным источником в деле изучения истории разных отраслей ремесла

– ткачества, портняжного промысла, ювелирного искусства и т.п. Возможно, это связано с тем, что составители указанных словарей были выходцами из равнинных районов, где вязальное рукоделие не имело заметного распространения.

Вполне понятно, что в этих условиях сегодня встречаются спорные рассуждения по отдельным аспектам терминологии отрасли. Так, в некоторых кругах для термина «вязание» распространился перевод на таджикский язык как «кешбофи». Соответственно, слово «кешбоф» должно обозначать «вязальщик». Первый слог в словаре Алиакбара Деххудо («кеш» - навъе аз чома бувад, ки аз катон бофтаанд ва онро хеш низ хондаанд) – один из видов тканей (джома), который ткали из катона (льна), также иногда это слово произносилось как «хеш», или «кеш» - вид изделия из катона. Второй слог в данном термине («боф» - от «бофт») означает «ткать» [1]. Очевидно, что по этим причинам данное предложение не находит поддержки в сообществе ремесленников и среди искусствоведов. Более приемлемым выглядит перевод «джуроббофи», однако и здесь не все однозначно: данный термин может быть применен лишь к вязанию носков и чулок.

Таким образом, материалы источников не позволяют обрисовать стройную картину развития отрасли за восемь тысячелетий (с периода зарождения до наступления нового времени). В очередной раз находит подтверждение очевидный тезис о том, что технология вязального ремесла характеризуется устойчивой консервативностью. Простейшие в конструктивном отношении инструменты для ручного труда по переработке ограниченного числа нитей (от одного до четырех), например, в отличие от ткачества, не нуждались в усовершенствовании.

Прогрессу вязального дела, а именно в вопросе его технического оснащения, не способствовала форма существования ремесла. Отсутствие цеховой организации труда, работа по домам, выполнение одной и той же мастерницей всех необходимых операций и, соответственно, отсутствие специализации по факту, явились факторами, которые не могли побудить к инновациям в области орудий труда.

Но даже в этих условиях, археологическая наука почти не располагает артефактами, которые можно однозначно идентифицировать как орудия труда для вязания. Косвенным свидетельством распространения вязального ремесла в средневековье может служить широкая география находок пряслиц, которые находили применение и в подготовке волокнистого сырья для вязки. Специальное исследование выявило, кроме того, совершенную недостаточность материала из других видов источников (письменных, художественных, произведений народного фольклора).

Развитие технологии вязального производства основывалось на увеличении числа нитей, одновременно используемых для вязки. По всей вероятности, этот процесс происходил во времени, однако для выявления этапов развития ремесла по указанному признаку археологическая наука не обеспечивает исследователя артефактами. Не содержат каких-либо сведений и другие виды источников. Это развитие не отражалось на видах сырья, форме и материале инструментов для получения вязаных изделий, а также назначении продуктов вязки, которые тысячелетиями практически не претерпели изменений. С учетом этого, изучение истории вязания имеет значение в основном для определения периода его зарождения. В этих условиях приходится проследить за эволюцией промысла в средневековье преимущественно на теоретической основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиакбари Деххудо. Луғатномаи Деххудо. - Ҷ. 12. Чопи дувум аз давраи чаҳид. - Техрон: Муассисаи интишорот ва чопи Донишгоҳи Техрон, 1372 х.к.
2. Байпаков К. М. Семиречье/К. М. Байпаков, В. Д. Горячева//Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 151-162.
3. Богомолов Г. Отпечатки ткани на глиняных буллах из Канки/Г. Богомолов Томоми Мукарами//Археология Узбекистана. - № 2(5). – Самарканд, 2012. - С. 78-81.
4. Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира/М.А. Бубнова. – Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.
5. Садилова С. А. Древние истоки вязального искусства в Средней Азии/С.А. Садилова, М. Ф. Иброхимов//Вестник Технологического университета Таджикистана. - №2(27). – 2016. - С. 132-135.
6. Садилова С. А. История зарождения и совершенствования вязального дела таджиков (IV тысячелетие до н.э. - первая половина XX в.): Автореф. дис. канд. ист. наук. - Душанбе, 2022. - 24 с.
7. Садилова С. А. К вопросу о возможности изучения древней истории вязального ремесла. Аргументы и проблемы (на примере Средней Азии)/С.А. Садилова//Актуальные проблемы индустриализации Республики Таджикистан: проблемы и стратегии. Материалы республиканской научно-практической конференции (26-27 апреля 2019 года). - Ч. 1. – С. 168-169.
8. Садилова С. А. О традиционном вязании как самобытной отрасли ремесла горных таджиков (конец XIX – XX вв)/С. А. Садилова, М. Ф. Иброхимов//Вестник Таджикского национального университета. - № 3/6. – Душанбе, 2017. – С. 42-46.
9. Ульфат Масум. Ввязались в наследие. Почему джурабы стали символом Памира [Электронный ресурс].
10. Худуд -ул-олам («Пределы мира»). – Душанбе: Адиб, 2008 (на тадж. яз.). – 129 с.
11. Якубов Ю. Паргар в VII – VIII вв. н.э. (Верхний Зеравшан в эпоху средневековья)/Ю. Якубов. – Душанбе: Дониш, 1979. - 215 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЯЗАЛЬНОГО РЕМЕСЛА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В статье отмечается, что история вязального искусства все еще остается малоисследованной проблемой в исторической науке Таджикистана. Для ее разработки необходимо комплексное изучение археологических (находки образцов вязаных изделий и орудий труда), художественных (изображения вязаного текстиля в памятниках искусства) и литературных (сведения, зафиксированные в памятниках письменности) источников.

Рассмотрев средневековый этап развития данной отрасли ремесленной деятельности, автор подчеркивает, что технология вязального ремесла характеризовалась устойчивой консервативностью. Его техническому прогрессу не способствовала форма существования, в частности отсутствие цеховой организации труда, надомная работа, отсутствие специализации и др.

Археологическая наука располагает редкими артефактами по орудиям труда для вязания. Косвенным свидетельством распространения вязального ремесла в средневековье служит широкая география находок пряслиц, которые находили применение и в подготовке волокнистого сырья для вязки. Проведенное исследование выявило, кроме того, совершенную недостаточность материала из других видов источников.

Ключевые слова: таджики, материальная культура, история ремесла, искусство вязания, шерстяные чулки, орудие труда, пряслице.

ТАҲАВВУЛИ ҲУНАРИ КЕШБОҒИ ДАР ОСИЁИМИЁНАИ АСРИ МИЁНАГӢ

Дар мақола зикр шудааст, ки таърихи ҳунари кешбоғӣ ҳанӯз ҳам дар илми таърихнигории Тоҷикистон аз масоили кам таҳқиқшуда боқӣ мемонад. Барои инкишофи он ҷалби маҷмуии сарчашмаҳои бостоншиносӣ (бозёфтҳои намунаҳои маснуот ва олоти кешбоғӣ), бадеӣ (тасвири маснуоти кешбоғӣ дар ёдгориҳои ҳунар) ва адабӣ (маълумоти дар ёдгориҳои хаттӣ сабтшуда) зарур аст.

Муаллиф марҳалаи асримиёнагӣ инкишофи ин соҳаи фаъолияти ҳунармандиро таҳлил намуда, таъкид менамояд, ки ба фанновариҳои ҳунари кешбоғӣ суннатгароии устувор хос буд. Барои пешрафти техникаи он шакли мавҷудият, алаҳхусус набудани коргоҳҳо, истеҳсоли хонагӣ, набудани маҳсусгардонӣ ва ғайраҳо мусоидат намекарданд.

Илми бостоншиносӣ дар ихтиёри худ осори ками васоили кешбоғиро дорад. Далели ғайримустақими паҳншавии ҳунари кешбоғӣ дар асрҳои миёна ҷуғрофияи васеи бозёфтҳои бодресаҳо мебошад, ки дар омода кардани ресмонҳои кешбоғӣ истифода мешуданд. Таҳқиқот инчунин кофӣ набудани маводи дигар навъ сарчашмаҳоро ошкор намуд.

Калидвожаҳо: тоҷикон, фарҳанги моддӣ, таърихи ҳунармандӣ, ҳунари кешбоғӣ, ҷӯрбӯҳои пашмин, олоти меҳнат, бодреса.

THE EVOLUTION OF KNITTING CRAFT IN MEDIEVAL CENTRAL ASIA

The article notes that the history of knitting art still remains a little-studied problem in the historical science of Tajikistan. To develop it, a comprehensive study of archaeological (finds of samples of knitted products and tools), artistic (images of knitted textiles in art monuments) and literary (information recorded in written monuments) sources is necessary.

Having examined the medieval stage of development of this branch of craft activity, the author emphasizes that the technology of knitting craft was characterized by stable conservatism. Its technical progress was not facilitated by its form of existence, in particular the lack of a workshop organization of labor, homework, lack of specialization, etc.

Archaeological science has rare artifacts of knitting tools. Indirect evidence of the spread of knitting craft in the Middle Ages is the wide geography of finds of spindle whorls, which were also used in the preparation of fibrous raw materials for knitting. The study also revealed a complete lack of material from other types of sources.

Key words: Tajiks, material culture, history of craft, art of knitting, woolen stockings, tools, spindle whorls.

Маълумот дар бораи муаллиф: Содикова Сайёра Абдурақибовна – номзади илмҳои таърих, ходими илмии шӯъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. E-mail: sayorka_s@mail.ru.

Information about the author: Sodikova Sayora Abdurakibovna – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of Ancient, Medieval and Modern History, Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: sayorka_s@mail.ru.

УДК 391.4 (575.3)

**ЭВОЛЮЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ОБЛАСТИ КОСМЕТИКИ
ТАДЖИКОВ В КОНЦЕ XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКОВ****ХАКИМОВА З. Г.,
Технологический университет Таджикистана**

Начиная с последней трети XIX века, в Средней Азии общественная жизнь стала протекать под влиянием русской политики и культуры. Степень этого воздействия в различных районах региона была неодинаковой: она зависела от того, в какой мере здесь распространялась власть Российской империи. В наибольшей степени изменения коснулись жизни и быта населения среднеазиатских городов и сел, включенных в состав русского государства – Самарканда, Пенджикента, Худжанда, Ферганской долины и др. В пределах Бухарского эмирата – государства, сохранившегося в урезанных границах, хотя по факту признавшего протекторат России, местная власть, по существу, противодействовала прониканию чуждой культуры. Однако в любом случае, материальная культура среднеазиатских народов теперь подвергалась в той или иной мере интенсивной трансформации, что отражалась и на их косметических традициях и пристрастиях. В употребление входили новые косметические материалы, новые приемы и обычаи их использования, однако всё же, определяющее значение имела преемственность традиций. Такой вывод напрашивается на основе художественных и, еще в большей мере, письменных источников.

У таджиков в этот период косметические средства находили применение для ухода и придания красоты коже лица, зубам, бровям, ресницам, волосам на голове, пальцам и ногтям на руках и ногах. Рассмотрим материал, имеющий отношение к косметике лица, бровей, ресниц и волос.

Косметика лица. Лицу придавали определенные оттенки белилами из риса или яичной скорлупы, а также румяной (фуксин) [10, 398]. Другой материал – свинцовые белила упо (*Plumbum carbonicum*) в виде белых конусообразных кусочков – по большей части привозимые из России. Его употребляли в качестве пудры для белиния лица женщины, у которых кожа на лице была желтой [5, 448].

Помимо завозимой, употреблялась и пудра местного изготовления сафедаи калъаги. Ее делали из серебра (считалась лучшей) или цинка с оловом. В котел бросали исходные материалы в пропорции 5 граммов олова на 100 граммов серебра или цинка. Закрыв котел сверху глиняной чашкой, разводили интенсивный огонь. Через час такого обжига перекаленную массу собирали и просеивали через марлю в сосуд. Полученная описанным способом пудра пользовалась большим спросом, например, в Раште. Считалось, что она очищает лицо от пятен и угрей. Рекомендовалось смешивать пудру с женским молоком и ежедневно натирать таким составом лицо на ночь [12, 188].

Таким образом, «сафеда» и «упо» являются названиями одного и того же материала – белой пудры. Слово «упо» встречалось по большей части в северных районах проживания таджиков в то время, как в южных районах в употреблении было слово «сафеда».

В долине Хуфа женщины для косметики лица, помимо пудры сафедаи калъаги собственного приготовления, пользовались еще сывороткой – гиноч. Из сыворотки делали маленькие шарики, которые сушили. Этими шариками протирали лицо каждый раз после умывания [1, 524].

Для придания щекам румянца женщины использовали красную вату эйлик/сурхи.

Красную вату готовили в Коканде и в Ташкенте. Ташкентская вата встречалась в незначительном количестве, по качеству она уступала кокандской. Для получения этого косметического материала корень растения неизвестного названия из семейства «бурачниковые» настаивали в воде. Когда вода приобретала розовый цвет, в нее опускали вату. Этой красной ватой для придания щекам румянца пользовались в Средней Азии все женщины повсеместно. Не были исключением и девочки [5, 448].

Уход за лицом включал также выдергивание мелких волосков со щек и со лба – кошчини («срывание бровей»), что выполнялось с помощью нитки [12, 188].

Косметика бровей. Осуществлялась соком растения усма (*Ysatis tinctoria*), разводимого в садах и огородах. Из свежих, частично осушенных, листьев протирали усмы между ладонями выжимали сок, который стекался вдоль опущенного мизинца одной руки на дно пиалы или чашки. Крашение бровей усмой в старину выполняли с помощью прутика милчуб / нилчуб. С появлением спичек брали одну палочку, например, камышинку или от спички, на кончик которой навивали вату, получая кисточку. Обмакивая кисточку о сок усмы, проводили ею по бровям. Красили также линию промежутка между бровями (на переносице), хотя нередко усмой намазывали только брови. В первой половине XIX века мода на соединение краской бровей между собой господствовала, например, в г. Бухаре [7, 148].

Иногда проводили линию в продолжение бровей на висках. Также пользовались приемом искусственного удлинения бровей цепочкой родинок – думи кош («хвостик брови»).

Сеанс крашения повторяли три раза. Второй и третий сеанс крашения назывался обдавони. Каждый раз после очередной покраски бровей их оведали с помощью картона или сложенной в два-три слоя бумаги и смывали холодной водой. Крашение бровей усмой повторяли через два-три дня. Окраска держалась довольно долго.

Свежевыжатый красильный сок имеет грязновато-зеленый цвет. После высыхания он приобретает цвет индиго (темно-голубой).

Косметическую окраску бровей в Средней Азии осуществляли все женщины из числа оседлых жителей, в том числе и девочки. Красили брови даже девочкам, которые еще не умели ходить [5, 447].

Наиболее красивыми считались брови резко очерченные, широкие и соединенные над переносицей – кошпайванди.

В этом случае окрашенная линия бровей была сплошной, широкой у переносицы и суживалась к концам.

Считалось, что сок усмы способствовал росту бровей [8, 105]. Однако В. В. Крестовский считал, что лицо женщины от сведения бровей толстой линией усмы становится некрасивой. Стремление местных дам к такой косметике он объясняет желанием придать своей физиономии жгучую страсть темперамента. Они считали, что естественно сросшиеся брови – прямой признак его наличия [6, 277-278].

П. И. Демезон упоминает усму в числе товаров, завозимых в Бухару из Индии и Кабула [3, 52-53]. Такое сообщение встречается и у Е. К. Мейендорфа [7, 148].

Традиция окраски бровей проявилась со всей своей устойчивостью в Самарканде, где и сегодня невеста накануне свадьбы проходит через специальный обряд, когда ей, в том числе, красят брови усмой [4, 260].

В горных районах для косметики бровей зимой пользовались соком высушенной усмы, привозной из долинных зон. Так, в верховья Зеравшана такое растение завозилось из Самарканда. Во время протирания высушенной усмы ее разбрызгивали теплой водой. Затем полученный сок усмы разогревали вместе с сосудом. Крашение бровей также производилось в теплом помещении, а их промывку холодной водой выполняли только после появления нужного оттенка. В связи с вышеизложенным, такой краситель называли усмаи джушак («кипяченная усма»). Таким образом, ее противопоставляли соку, полученному из свежих, частично осушенных листьев – усмаи тар [2, 78-80]. Народный фольклор сохранил название еще одного вида усмы – джойдори.

Косметика ресниц. Осуществлялось посредством сурьмы (*Antimonium stibium*) – черного порошка. Ее доставляли из России, хотя существовала и сурма среднеазиатская, добываемая в местных горах. Чернение ресниц было распространено у взрослых женщин. С помощью спички частички порошка вкладывали в глаз. При закрывании глаза происходило одновременное окрашивание обеих век. Этот прием повторяли несколько раз, чтобы получить требуемую степень окрашивания ресниц. Техника окраски ресниц женщины владели в совершенстве, выполняли ее быстро, чтобы не повредить глаза [5, 448].

Сурьму хранили в специальном флакончике или мешочке – сурмадон. Флакончик был серебряный, на цепочке, украшенный бирюзой. Франтихи носили его, используя в качестве дополнительного украшения [14, 147].

Как отмечает этнограф М. С. Андреев, в долине Хуф соблюдали традицию в течение 40 дней окрашивать сурьмой ресницы новорожденного. Местные жители уверяли, что эта мера делает глаза ребенка большими и блестящими, а также очищает их от пыли.

Для косметического использования сурьмы издревле получил широкое применение набор из графита и каменного стержня сурмасанг. На Памире каждый раз перед применением такого набора стержень (на местном наречии – бундж) проводили по поверхности графита местного происхождения – чирс. Графит перед его использованием обжигали в очаге, располагая внутри кизяка, или выдерживали несколько дней в кислом молоке. Мешочек, в котором девушки и женщины хранили комплект бундж – чирс, здесь называли бунджхалта. Такой мешочек или каменный карандаш бундж с помощью нитки, продетой в его отверстие, девушки и женщины носили на груди [1, 253-254].

Не исключено, что для подкрашивания ресниц иногда использовали усму. Во всяком случае, вряд-ли случайно, что П. И. Демезон писал о вреде такого растительного сока для глаз, которые, по его словам, «слабеют, краснеют и слезятся» [3, 28].

Косметика волос. В рассматриваемый период для мытья головы мыло не применялось. Чтобы волосы стали гладкими и блестящими, в теплый период года их мыли квашенным кипяченым молоком кати́к / джургот. Зимой для этой цели служил специально запасенный творог, который разводили в теплой воде. В этот сезон года волосы смазывали также сырыми яйцами. Одним из лучших материалов для придания волосам крепости и роста считалась бычья или коровья желчь [8, 92-93].

С помощью кислого молока кати́к волосы обрабатывали следующим образом: голову намазывали кати́ком, затем промывали горячей водой. И. Краузе изъяснил восхищение результатами влияния кати́ка на волосы: «Результаты этого средства удивительны: волосы у сартянок вообще чрезвычайно густы, длинные и мягки». Он призывал европейских женщин, у которых выпадали волосы, позаимствовать этот способ сохранности естественных волос у азиаток [5, 449].

На чрезмерное употребление женами эмира Тимура косметических белил указал, описывая сцену их появления в пышных костюмах на торжествах в честь приезда внука государя из Малой Индии. «Волосы ее, очень черные, были распущены по плечам, а [эти женщины] более всего предпочитают черные волосы и даже красят их, чтобы сделать чернее», - так описал Р. Клавихо (XIV век) прическу и цвет волос Биби-Ханум - старшей жены Тимура [11, 294].

В отдельных селениях долины Рашта и верховьев Зеравшана волосы на голове натирали соком усмы, чтобы они становились темнее [13, 124].

Кроме того, в прошлом для придания волосам блеска, некоторые девушки и женщины использовали слабый раствор керосина. Для этого керосин разбавляли в воде и полученным раствором мыли голову [9].

Таким образом, конец XIX – начало XX веков в Средней Азии ознаменовались бурными социально-политическими переменами, которые отразились и на культурной жизни местного населения. С подчинением региона России в сфере материальной культуры среднеазиатских народов начался процесс активного синтеза местных традиций с европейскими инновациями, что, естественно, затронуло область косметики. Изменения в наибольшей степени коснулись жизни и быта жителей среднеазиатских городов и сел, включенных в состав русского государства. Менее активно инновации проникали в равнинные области Бухарского эмирата и в наименьшей степени они отразились на жизни обитателей горных районов, населенных преимущественно таджиками.

Как выяснилось, европейские инновации в косметике коснулись, преимущественно, средств для прихорашивания лица, когда в дополнение к традиционным средствам, таджички стали пользоваться завозимыми из России материалами (фуксин, свинцовые белила, красная вата). Что касается косметики ресниц, вид применяемого материала (сурма) сохранился, но теперь стал доступен, как материал местного изготовления, так и завозимый из России. Инновации практически не коснулись средств для косметической окраски бровей, волос, рук и ног, зубов, а также материалов для нанесения на лицо родинки.

В целом, изучение показало, что хотя в употребление входили косметические материалы нового вида, они не смогли вытеснить товары традиционного образца. Если в крупных городах и других равнинных населенных пунктах новые изделия такого назначения, в том числе фабричного производства, постепенно стали конкурировать с кустарными средствами для прихорашивания лица и ароматизации, то в горные районы они практически не поступали. Более того, косметические средства традиционного характера широко применялись и в последующий период, на протяжении нескольких послереволюционных десятилетий, что задокументировано в письменных источниках, прежде всего, в этнографических трудах. Сказанное со всей полнотой отражает определяющее значение преемственности традиций в данной области материальной культуры таджикского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья)/М.С. Андреев. – Сталинабад: АН Тадж. ССР, Ин-тут истории, археологии и этнографии, 1958. - Вып. 2. – 526 с.
2. Бобомуродова М. У. Этнолингвистическое исследование терминов по женским украшениям (тадж.)/М. У. Бобомуродова. – Душанбе, 2014. – 167 с.
3. Демезон П. И. Записка П. И. Демезона/П. И. Демезон//Записки о Бухарском ханстве: (Отчеты П. И. Демезона и И.В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – С. 17-83.
4. Емельяненко Т. Г. Современная свадьба таджиков Самарканда//Лавровский сборник. Материалы 33-х Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2008-2009 гг. Этнология, археология, культурология. – СПб: МАЭ РАН, 2009, - С. 259-264.
5. Краузе И. И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края/И. И. Краузе //Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. 2. – СПб., 1873. – С. 447-449.
6. Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского/В. В. Крестовский. – СПб., 1887. – 431 с.
7. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару/Е.К. Мейендорф. – М.: Наука, 1975. – 182 с.
8. Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы/В.П. Наливкин, М. Наливкина. – Казань, 1886. – 245 с.
9. Рахими С. Пять забытых ритуалов красоты таджикских женщин/С. Рахими [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://theworldnews.net/tj-news/piat-zabytykh-ritualov-krasoty-tadzhikskikh-zhenshchin><https://theworldnews.net/tj-news/piat-zabytykh-ritualov-krasoty-tadzhikskikh-zhenshchin>. Дата обращения 25.12.2018.
10. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. – Т. 19. Туркестанский край. – СПб., 1913. – 861 с.
11. Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг./Рюи Гонзалес де Клавихо (под ред. И. И. Срезневского). – СПб., 1881. – 455 с.
12. Широкова З. А. Одежда/З. А. Широкова//Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1966. - Вып. 1. - С. 212-230.
13. Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана/З. А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1976. – 206 с.
14. Шишов А. П. Саргы. Этнографическое и антропологическое исследование. - Ч. 1 (Этнография)/А. П. Шишов//Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. – Ташкент, 1904. – Т. 11. – С. 1-492.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ОБЛАСТИ КОСМЕТИКИ ТАДЖИКОВ В КОНЦЕ XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКОВ

В статье отмечается, что начиная с последней трети XIX века в Средней Азии общественная жизнь стала протекать под влиянием русской политики и культуры и, соответственно, материальная культура местных народов стала подвергаться трансформации различной интенсивности, что отражалось и на их косметических традициях и пристрастиях. В употребление входили новые

косметические материалы, еще неизвестные здесь приемы и обычаи их использования, однако всё же, определяющее значение имела преемственность традиций. На это указывают художественные и, еще в большей мере, письменные источники. У таджиков в этот период косметические средства находили применение для ухода и придания красоты коже лица, зубам, бровям, ресницам, волосам на голове, пальцам и ногтям на руках и ногах. В данной статье на конкретных примерах проанализирован вопрос, имеющий отношение к косметике лица, бровей, ресниц и волос.

Изучение показало, что завозимые косметические материалы нового вида, в том числе фабричного производства, не смогли вытеснить товары традиционного образца. Косметические средства традиционного характера широко применялись и в последующий период, на протяжении нескольких послереволюционных десятилетий, что задокументировано в письменных источниках, прежде всего, этнографических трудах. Сказанное со всей полнотой отражает определяющее значение преемственности традиций в данной области материальной культуры таджикского народа.

Ключевые слова: Средняя Азия, дореволюционный период, таджики, костюм, косметика, белила, пудра, сурьма.

ТАҲАВВУЛИ АНЪАНАҲОИ АЛОҲИДАИ МАШШОТАГИИ ТОЧИКОН ДАР ОХИРИ АСРИ XIX – НИМАИ АВВАЛИ АСРИ XX

Дар мақола зикр мешавад, ки аз оғози сеяки охирини асри XIX дар Осиёи Миёна ҳаёти ҷамъиятӣ дар зери таъсири сиёсат ва фарҳанги рус қорӣ шуда, мувофиқан дар фарҳанги моддӣи халқҳои маҳаллӣ дигаргуниҳои босуръати мухталиф шуруъ шуданд, ки онҳо дар анъанаҳо ва афзалиятҳои машшотагӣ низ инъикос ёфтаанд. Маводи нави машшотагӣ, усулҳо ва урфу одатҳои истифодаи онҳо, ки дар ин ҷо ҳанӯз маълум набуданд, ворид мешуданд, вале новобаста аз ин, идомаи анъанаҳо аҳамияти ҳалқунандаро дошт. Дар ин бора сарчашмаҳои бадеӣ ва ҳоса сарчашмаҳои ҳаттӣ шаҳодат медиҳанд. Дар ин давра қонунҳои тоҷик аз маводи машшотагӣ барои муқоабат ва зебоӣ ба пӯсти рӯй, дандон, абрӯвон, пилкон, мӯйсар, ангуштон ва нохунҳои дасту пойҳо яшон истифода мекарданд. Дар ин мақола бо таъки ба мисолҳои мушаххас масъалаи марбут ба машшотагии рӯй, абрӯвон, пилкон ва мӯйсар мавриди таҳлил қарор дода шудааст.

Таҳқиқот нишон дод, ки воридоти маводи машшотагии навҳои нав, аз ҷумла маҳсулоти фабрикавӣ, молҳои анъанавиро иваз карда натавонист. Маводи машшотагии хусусияташон анъанавӣ дар давраи минбаъда, дар тӯли якҷанд даҳсолаҳои пас аз инқилоб, низ васеъ истифода мешуд, ки ин дар маъхазҳои ҳаттӣ, ҳоса осори мардумшиносӣ сабт шудааст. Он чи ки гуфта шуд, аҳамияти ҳалқунандаи идомаёбии анъанаҳоро дар ин соҳаи фарҳанги моддӣи халқи тоҷик равшан инъикос мекунад.

Калидвожаҳо: Осиёи Миёна, давраи пеш аз инқилоб, тоҷикон, сарулибос, машшотагӣ, сафеда, хока, сурма.

THE EVOLUTION OF INDIVIDUAL TRADITIONS IN THE FIELD OF TAJIK COSMETICS AT THE END OF THE XIX TH - FIRST HALF OF THE XX TH CENTURY

The article notes that starting from the last third of the 19th century in Central Asia, public life began to flow under the influence of Russian politics and culture and, accordingly, the material culture of local peoples began to undergo transformation of varying intensity, which was reflected in their cosmetic traditions and preferences. New cosmetic and perfumery materials, techniques and customs of their use that were still unknown here, came into use, but still, the continuity of traditions was of decisive importance. This is indicated by artistic and, even more so, written sources. During this period, Tajik women used cosmetics to care for and add beauty to their facial skin, teeth, eyebrows, eyelashes, hair on their heads, fingers and nails on their hands and toes. This article uses specific examples to analyze issues related to cosmetics for the face, eyebrows, eyelashes and hair.

The study showed that imported perfumery and cosmetic materials of a new type could not displace traditional goods. Although new products for this purpose, including factory-made ones, came into use. Cosmetics and incense of a traditional nature were widely used in the subsequent period, over several post-revolutionary decades, which is documented in written sources, primarily ethnographic works. What has been said fully reflects the decisive importance of the continuity of traditions in this area of the material culture of the Tajik people.

Key words: Central Asia, pre-revolutionary period, Tajiks, costume, cosmetics, whitewash, powder, antimony.

Сведения об авторе: Хакимова Замира Гайратовна - кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры технологии текстильных изделий Технологического университета Таджикистана. E-mail: zama_1984@list.ru.

Маълумот дар бораи муаллиф: Ҳакимова Замира Гайратовна - номзади илмҳои таърих, муаллими калони кафедраи технологияи маснуоти нассочии Донишгоҳи технологияи Тоҷикистон. E-mail: zama_1984@list.ru.

Information about the author: **Khakimova Zamira Gayratovna** - Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Technology of Textile Products, Technological University of Tajikistan. E-mail: zama_1984@list.ru.

УДК 398. 22 (575.3)

ИСТОКИ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ХАМОСАСАРОИ В ИСКУССТВЕ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

РАХИМЗОДА К. С.,

Государственное учебное учреждение «Таджикский государственный
институт культуры и искусств имени Мирзо Турсунзаде»

Ҳамоса¹ – один из древнейших видов повествовательной эпической традиции – персидско – таджикского народов. Гуломали Атои, повествователь из Ирана сообщает следующее: «Мы видим эпос в образе Рустама Тахамтана. Рустам - и национальный герой, и создатель эпоса. Героизм и отвага Рустама (отвага, бесстрашие, мужество, храбрость в боях и т. д.) – все это часть этой истории»². Иными словами, известно, что содержание древних эпосов связано, прежде всего, с восхвалением подвигов народа.

Можно предположить, что жанр «хамоса» (или хамосасарои) в его современном виде сформировался в IX-X вв. [6]. Однако, учитывая, что Абулкасим Фирдоуси (X в.), несомненно, использовал популярные устные материалы своего времени при создании эпоса «Шахнаме», можно сказать, что корни традиции повествования и развитие профессионального типа повествования в сочетании с музыкой датируется V веком до нашей эры и даже еще позднее.

Доктор Забехулло Сафо, иранский ученый, в своей книге «Хамосасарои в Иране» (с самого раннего исторического периода и до четырнадцатого века хиджры) предоставляет информацию о роли поэзии и в то же время классифицирует ее на

¹Хамоса – достон, эпос (героический эпос).

²Интервью со сказителем Гуломали Атои (Провинция Хорасан, Иран, 2011 г.)//Из личного архива Рахимзода К.

такие виды, как: аллегорическую, лирическую и эпическую поэзию. В этом аспекте если поэт изобразит различные стороны жизни в аллегорической форме, то в лирической форме он уделяет больше внимания миру смыслов. Что касается интерпретации эпической поэмы, З. Сафо отмечает, что этот стиль поэзии является своего рода «поэзией восхваления», которая учитывает поступки, храбрости, отваги, гордости этнического или индивидуального величия [7].

При этом автор делит эпические поэмы на два типа: «искусственные» и «сказочные». Опираясь на доисламские источники, автор приводит некоторые образцы древней литературы арийского народа, в том числе: священные книги «Авеста», «Бундахишн», «Худоинома», «Динкард», «Ёдгори Зарирон», «Пандномаи Анушервон», «Драхти Асурик» и другие. Он объясняет, что некоторые из них относятся к периоду Сасанидов, отмечая, что большинство из них были разрушены во время арабского завоевания [7].

Представленные сведения свидетельствуют о древних истоках музыкально-поэтических и эпических традиций таджиков. Эти традиции сохранялись и развивались в той или иной форме вплоть до наших дней. Вне этой преемственной связи нет возможности объяснить, почему именно таджикский эпос «Гургули», в отличие от других версий, представлен полностью в певческой форме с инструментальным сопровождением.

Основным признаком, обуславливающим существо национальной специфики таджикского эпоса «Гургули» и его принципиального отличия от других версий, является музыкально-поэтическая форма. В развитии данного положения представляется важным обратить внимание, что такой вид эпического сказания восходит к многовековой художественной традиции таджиков; к эпохе иранской культурной общности. Исследователь этого исторического периода, известный таджикский ученый Н. Хакимов на основе анализа многочисленных источников пришел к выводу, что в древнейшие периоды истории, предки таджикского народа, пользуясь богатой мифологией, создали не только разнообразные песни и танцы, но и многочисленные эпические циклы, которые нашли отражение в письменном памятнике древних иранцев - Авесте (II-I тысячелетие до нашей эры). Сохранившийся цикл сказаний, связанный с династиями Каянидов – разнообразные песни, объединенные под общим названием «сыновья великанов» – отражают реальные исторические события, происходившие в Бактрии в IX-VII веках до н.э. Бактрия, как известно, это историческая область на сопредельных территориях современного Узбекистана, Таджикистана и Афганистана, между горной цепью Гиндукуш на юге и Ферганской долиной на севере [9, 328-331].

Процесс перехода от описания культурного героя к этническому герою наблюдается во многих традициях - греческих, скандинавских, среднеазиатских и др., например, в стихах шумерского периода этот процесс можно найти в контексте легенд о Гильгамеше. Также об этом эпическом герое на картинах III тысячелетие до нашей эры есть информация, что Гильгамеш считался настоящим историческим героем и что его имя было внесено в список древних шумерских царей. Имя Гильгамеша примерно означает быть «героем» [12; 13].

Поскольку эпос - один из самых древних и устойчивых исторических видов, можно предположить, что произведения очень древних легенд, в том числе и тот же

Гильгамеш, были включены в эпос Средней Азии в процессе формирования эпоса других народов Востока. Известно, что Фирдоуси большую часть сюжетов Шахнаме заимствовал из содержания древних эпосов. Например, сюжеты рассказа Рустама, гибели Сиявуша, Кини Эраджа и других, изображены на фресках древнего Пенджикента. Другими словами, получается, что за 300 - 400 лет до времени Фирдоуси эти былины были популярны у народов Средней Азии.

Востоковед М. Бойс по этому поводу считает, что серия рассказов Рустама по-прежнему пользовалась популярностью у согдийцев и саков [1, 108]. Также известный востоковед А. Хромов в ходе многолетних исследований идентифицировал две части согдийской рустамномы, обнаруженные в древнем Пенджикенте [10, 46].

Как уже отмечалось, особое место занимает роль сказителей, в том числе героических рассказов Рустама в неповторимом произведении Фирдавси «Шахнаме» - великом шедевре персидско-таджикского классика- поэта. Наряду с мифами и баснями, это произведение является для нас историческим памятником арийского народа и является прекрасным источником информации об истории, культуре и жизни народа. Фирдоуси в книжном стиле включил многие из более ранних устных рассказов в «Шахнаме», т.е. (в том числе включая историю смерти Сиявуша, известную в Бухаре как «Суги Мугон», которому поклонялись согдийцы Самарканда и других частей Центральной Азии) [8, 375].

Те же сюжеты, то есть восхваление героизма борцов, таких как Рустам, Фаридун и другие также встречается в древней устной литературе. В содержание эпоса Гургугули, мы сталкиваемся с похожими изображениями, но с разными названиями. Здесь тоже прослеживается нерушимость границ, единство, ненависть к чужеземцам, защита Родины, терпение, толерантность. Исходя из этого, следует отметить, что начало всех формирований осуществлялись в устном виде, а не письменном. То есть, устная литература (фольклор) является основным источником письменной литературы. Сознательные люди выражали свои идеи о различных природных явлениях, образе жизни, певческих традициях, различных календарно-обрядовых церемониях и других впечатлениях через устное творчество (повествование, рассказывание легенд, мифов, историй и т. д.). Примеры этих обрядовых и календарных песен, легенд и историй сначала упоминаются в книге «Авеста», а затем в «Шахнаме» Фирдоуси.

На сегодняшний день исследователями изучаются различные аспекты уникальной работы Шахнаме, и по ней опубликовано множество книг, статей и руководств. В то же время было проведено множество престижных международных научных симпозиумов и конференций, на которых рассмотрены и проанализированы различные аспекты этого шедевра, таких как: описание исторических, культурных, филологических и других аспектов. К сожалению, на сегодняшний день различные аспекты музыкальной культуры, в том числе трактовка музыкальных терминов и жанров (таких как чома, чомагуи, пойкуби, карнайनावози), названия музыкальных инструментов (барбат, руд, сандж, карнай, чанг, рубоб, най, кӯс, шайпур, танбур, занг), имена хунёгаров (Борбад, Озода, Дилороми Чанги, Орзу, Мохофарид, Фаронак, Шанбадид и другие), которые очень часто упоминаются в этом памятнике, недостаточно изучены специалистами в этой области.

Хотя следует признать, что этому вопросу посвящена работа таджикского музыковеда Н. Хакимова под названием «Фарҳанги истилоҳоти мусиқӣ дар Шоҳнома»

(«Словарь музыкальных терминов в Шахнаме»), где термины приведены через список имен. Наряду с описанием музыкальных терминов, книга также содержит много информации об именах музыкантов, местах проведения базмов (праздников), собраниях, которые сопровождались музыкой, и так далее [9].

А. Низоми в книге «Таърихи мусикии тоҷик» («История таджикской музыки») предоставил полезную информацию об уникальном творчестве Фирдоуси, в частности, об аспектах музыки и описании музыкальных инструментов, исполнителей. Сочетание Бахрома и Дилором в картинах — это воплощение «образа красоты, богини искусства» и «величия царства Сасанидов» [4, 54].

То есть Фирдоуси описал образ хунёгаров-сказителей. Это еще раз доказывает, что традиция рассказывания историй все еще была популярна в доисламские времена.

Борбади Марвази - великий музыкант и меценат (хунёгар, хамомасаро) (г.р. 585-89, Ниса, Марв, ум. 628-38 Тайсафун, Марв¹) в истории арийских народов был великим певцом, музыкантом, композитором и поэтом, а также известным теоретиком.

В исторических и литературных источниках приводятся разные сведения о месте и времени рождения и смерти Борбада.

Его цикл «Хусравони» свидетельствует о славе профессиональной музыки того времени, и эта его классификация заложила основу большой творческой и исполнительской эволюции. Самое главное, что имена и описания многих его классификаций записаны в научных, литературных, исторических и музыкальных произведениях, и считается, что традиции «хусраваният» продолжились в музыке иранских и даже неиранских народов.

Например, музыкальная система, изобретенная Борбадом, называлась «Хусравониёт» (произведения в честь королей), а позже стала известна в традиционной арабской музыке как «тариқ-уль-мулукия» (т.е. «царский стиль»).

Создание серии песен на основе текстов прозы Борбада (*настри муссаҷҷаъ*) — это начало процесса создания сочетания поэзии и музыки в цивилизации арийского народа. Борбада иногда считают основателем персидской и таджикской классической музыкальной системы. Вклад Борбада в таджикскую музыку, прежде всего, в составлении первой системы ҳафтпарда (7 парда, 30 ладов, 365 песен), создании в одном из жанров профессиональной музыки – «Хусравониёт», внедрении профессионального стиля Хусравони, внедрении барбата как основного системного инструмента огромен.

Происхождение музыкального инструмента барбат хорошо задокументировано археологами, которые впервые упомянули о нем в городе Афросиаб, в первой половине I века нашей эры [2]. Поэт Низами высоко оценил искусство игры Борбада на музыкальном инструменте барбат, рассказывая о «тридцати ладах Борбада» в повести «Хусрав и Ширин»:

Даромад Борбад чун булбули маст,

¹ Иранские писатели называют его «Борбад великий» («бор» означает разрешение, позволение, «бад» означает председатель, т.е. Борбад - глава суда, хаджиб), а арабские авторы называют его Бахлабад, Фахлабад или Пахлабад. См. статью Б. Д. Нажода. Борбад и мелодии, иранские музыкальные инструменты сасанидской эпохи. // Ахбороти АИ ҶТ. - Душанбе, 1989. С. 3.

*Гирифта барбате чун об дар даст.
Зи сад дастон, ки уро буд дар соз,
Гузида кард сӣ лаҳни хушовоз.*

*Как опьянённый соловей вошел Борбад,
Как воду в ладонях взял барбат.
Из сотни песен прозвучавших в нем,
Тридцать приятных тонов играл Борбад. (Перевод К.Р.)*

Продолжая вышеизложенную мысль о музыкальных инструментах, следует отметить, что в доисламский период Центральной Азии, если рассматривать различные регионы, в том числе древний Согд (Самарканд, Афросиаб, Пенд-жикент, Истаравшан и др.), где музыкальное искусство достигло определенного уровня, при археологических раскопках в этих провинциях были обнаружены изображения редких музыкальных инструментов, таких как барбат¹, женщина играющая на чанге - богиня музыки, которые считаются в истории арийской культуры индикатором истории и наследия этих народов [2, 15].

Вот еще один пример из рассказа Низами Гянджеви «Хусрав и Ширин», который описывает высокое исполнительское мастерство Борбада на музыкальном инструменте чанг:

*Суруди паҳлавӣ дар нолаи чанг,
Фиканда сӯзи отаи дар дили санг.
Талаб фармуда карданд Борбадро
В-аз ӯ дармон талаб карданд ҳадро.*

*Песня Пехлеви в струнах чанга,
Как огонь, вонзившийся в каменное сердце.
Просив пожелали от Борбада,
Требуя душевного покоя и отрады. (Перевод К. Р.)*

Итак, образ, личность и музыкальное наследие Борбада в письменных произведениях персидских и арабских поэтов (рассказы Абулкасима Фирдавси, Низами Гянджеви, Амира Хусрави Дехлави, Насриддина Туси, Кайси Рози) сыграли важную роль в закладке основ классической музыки народов Востока.

Согласно письменным источникам, Борбад был одним из основоположников сасанидской музыки и Востока в целом. Также, Борбад был одним из первых музыкантов, который привнес традиции исполнения, изучение музыки с научной точки зрения и мастерскую систему и доказал это на примере своей классификации.

В то же время, Борбад, также является одним из создателей серии весенних песен и мелодий, таких как: Наврузи, богатырские, исторические и обрядовые. Его героические, исторические и символические мелодии и песни называются «Афрангнихо», «Додофарид», «Мозандаронӣ», «Пайкари гурд» и др. цитируются в

¹ В I веке н. э. в Восточном Туркестане появились колонии согдийцев, и, вероятно, именно они принесли музыкальный инструмент барбат. (Вызго, стр. 19.) Изображение барбатов-музыкантов: пакистанские и индийские женщины (Гвандхара), но эти барбаты немного отличаются от самаркандских барбатов (Афросиаб) по внешнему виду. В Китае этот инструмент известен как пипа, у арабов - как уд.

литературных источниках. Предположительно, именно во времена Борбада сформировались традиции повествования (прославление королей, природных явлений и т. д.).

Вдохновленный нововведениями того времени, Хаким Абулкасим Фирдавси начал изучать истории и легенды древних героев, а затем описал их в рассказах Шахнаме.

В то же время известный историк Абубакр Наршахи создал свое знаменитое произведение - «История Бухары», в котором также много внимания уделяется рассказам и сказкам доисламского периода, включая легенды об Эрадже, Сиявуше, Рустаме и других мифологических борцах [3].

Традиция рассказывания историй и популярность этого вида устной литературы возрождаются в «Шахнаме» Фирдавси. Он изображал мифологические и реальные аспекты древних историй, описывая чувство любви к родине, героизм, борьбу с врагами, а также используя элементы музыки (описание композиций, названия мелодий, зороастрийские певческие ритуалы, замзамахони и др.).

Так, исследователь древней литературы С. Саид, опираясь на исторические источники (Ктесий, Геродот, Диодор, Хорес Митилинский и китайских путешественников) и доисламские рассказы (в том числе рассказ о «Зариadre и Одатиде», рассказ о «Заррине и Стриангее» и др.), отмечает, что в прародине арийцев «Aryanam vaejah» («Фарохной Ориёно») - мидян, бактрийцев, хорезмийцев, согдийцев и саков - в начале мифы, легенды и сказания имели божественное содержание. Ввиду «неполноты текста этих мифологических, героических и романтических рассказов, а также песен и текстов античного мира невозможно составить полное представление о содержании, сюжете, эстетических идеях и художественных формах этих рассказов». Но потом, в средние века, эти мифологические сюжеты, героические и любовные истории широко использовались в «Шахнаме» Фирдоуси, и в устной литературе, в частности, в дастанах «Гургули» [4].

Одно из самых последних шедевров в эпической традиции таджиков связано с эпическим циклом дастанов Гургули.

Эпическое сказание «Гургули» - уникальное явление в музыкальном наследии таджиков. В нем нашли своё художественное отображение легендарные исторические события народов Центральной Азии и Кавказа. *Гургули* в таджикском произношении звучит как *Гургули*. В переводе с таджикского языка означает богатырь или «великан, родившийся в могиле».

Эпос представляет собой цикл из 30 связанных дастанов, отличающихся вариантами исполнения, представителями разных школ *гургулихони* (в основном на юге Таджикистана). Насчитывают около 150 вариантов. *Гургулихон* – это исполнитель эпоса, *гургулисарои* – исполнение эпоса. Значительный объем дастанов, по мнению некоторых исследователей, превышает поэму Фирдавси «Шахнаме», которая представляет письменную эпическую традицию.

Помимо ираноязычных таджиков, эпос «Гургули» в несколько иных формах, вариантах и названиях распространен среди тюркоязычных народов: Кёроглы (Куроглу) - у азербайджанцев, Гороглы (Гёроглы) - у туркмен, Гороглы (Гуруглы) - у узбеков, казахов и других народов. В этих версиях эпос исполняется в прозаической форме, с отдельными музыкальными и стихотворными вставками, попеременным

чередованием прозаического и музыкально-поэтического текстов. Главным героем в азербайджанской традиции является сын слепого *Куроглу*, а в Средней Азии - у тюркских народов (казахов, узбеков, туркмен) герой именуется *Гуругли*, имя которого дословно переводится как гур (*тадж.*) – могила, угли (*тюрк.*) – сын. т.е. «рожденный в могиле», «чадо могилы».

В отличие от тюркоязычных вариантов таджикская версия дастанов изложена в поэтической форме и полностью поется в сопровождении музыкального инструмента думбрак (малый дутар) в особой горловой манере, с использованием распева на слог «хи».

Думбрак - вид дутара, распространенный на юге Таджикистана. Его называют еще «дутори майда» (малый дутар), имеет небольшие размеры, без ладков, используется преимущественно в жанрах фалак, рубоихони, эпической традиции *гургули-сарои* и других.

Центральным персонажем эпоса является легендарный герой Аваз-богатырь, чьи подвиги легли в основу рассматриваемой традиции. Каждый образ в эпосе имеет свою мелодию, которая как лейттема неизменно используется во всех дастанах. Эти напевы (свыше тридцати) выражают конкретную тематику (войну, вражду, любовь, печаль, радость, горе и так далее), а также являются характеристикой конкретного персонажа эпоса. Например, мелодию муками «Джанг» («Война») исполняют во время описания боевых действий, а муком «Дар асорат» («В плену») - во время попадания главного героя в плен.

Особое значение в осмыслении истоков формирования эпоса *Гургули* имеет культурное взаимодействие ираноязычных и тюркоязычных народов. Именно в этом этнокультурном соотношении определились разные национальные формы эпоса, где в каждой, в том или ином виде, присутствуют элементы другой традиции.

Эпос представляет самобытный феномен национальной музыкально-поэтической культуры таджиков, истоки которого восходят к древним общеиранским культурным традициям. Сам эпос сложился как отдельный и самостоятельный феномен во взаимодействии с региональными эпическими жанрами. Он отразил в художественной форме, с одной стороны, общие социальные явления и духовные чаяния народов Центральной Азии, а с другой - древние иранские эпические традиции, запечатленные в фундаментальных литературных памятниках, таких, как «Авеста», «Шахнаме» и других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойс М. Зороастрийцы. - М. 1987. – 303 с.
2. Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии: ист. очерки под научной редакцией Ф. М. Кароматова, Г. А. Пугаченковой. - М. Музыка, 1980. -190 с.
3. М. Наршахй. Таърихи Бухоро. - Душанбе, Пайванд, 2012. -736 с.
4. А. Низомй. Таърихи мусикии тоҷик. - Душанбе, 2014. - 382 с.
5. С. Саид. Адабиёти қадим. - Душанбе, 2005. - 228 с.
6. Г. Саъдиева. Ҳамоса/Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. - Душанбе, 2004. -Ҷ.3. - С. 453-454.
7. З. Сафо. Ҳамосасарой дар Эрон аз қадимтарин аҳди таърихӣ то қарни чаҳордаҳуми ҳиҷрӣ. – Техрон, 1946. - 680 с.
8. Б. Ғафуров. Тоҷикон. - Душанбе. -Қ. 1-2. - Душанбе, 1998. - 416 с.

9. Н. Ҳақимов. Фарҳанги истилоҳоти «Шоҳнома»/Н. Ҳақимов. -Хучанд, 2002. -190 с.

10. Н. Ҳақимов. Музыкальная культура таджиков: древнейшая, древняя, раннесредневековая история. Книга 1. Социофункциональные аспекты эволюции музыкальной культуры таджиков. - Худжанд, 2001. - 458 с.

11. А. Хромов. Аз Рустам то Деваштич. - Душанбе, 1987. - С.46 (ба забони форсӣ).

12. <http://www.litmir.me/br/?ь=31056=1.13.05.2019>.

13. <http://dnevnik-legend.ru/mif-o-gilgameshe>. 13.05.2019.

ПАЙДОИШИ АНЪАНАҲОИ ЭПИКИИ ҲАМОСАРАОИ ДАР САНЪАТИ ХАЛҚИ ТОЧИК

Дар мақола муаллиф оид ба давраи нахустини ташаккули мафҳуми мусикии шифоҳӣ, аз ҷумла, навъи ҳамосасароӣ - яке аз намунаҳои қадимаи анъанаи эҷодиёти дostonсароӣ – эпикӣ мардумони форсу тоҷик маълумоти муфассал овардааст. Яъне маълум аст, ки маз-муну мундариҷаи ҳамосаҳои қадимӣ қабл аз ҳама ба васфи қорнамоиҳои паҳлавонони мардумӣ иртибот дорад. Қайд карда мешавад, ки бо дарназардошти он, ки Абулқосим Фирдавсӣ (асри X) бидуни шубҳа асноӣ эҷоди дostonҳои эпикӣ «Шоҳнома» аз маводи шифоҳӣ маълуми замонаш истифода намудааст, метавон гуфт, ки решаҳои суннатҳои дostonсароӣ ва рушди навъи хирфаии тавбам бо мусиқӣ иҷро намудани қиссаҳои бузургҷаҳм то ба асрҳои V пеш аз мелод ва ҳатто қадимтар аз он рафта мерасад.

Дoir ба ин масъалаҳо адабиёти зарурӣ, аз қабилӣ китоби «Тоҷикон» - и Б. Гафуров, Забеҳулло Сафо «Ҳамосасароӣ дар Эрон» (аз қадимтарин аҳди таърихӣ то қарни чаҳордаҳуми хичрӣ), маводи бostonшиносии Ховар М. Бойс, суғдшиносии маъруф А. Хромов, намунаҳои сурудҳои маросимӣ ва ҳамосӣ аз китоби муқаддаси «Авесто» ва «Шоҳнома» - и Абулқосими Фирдавсӣ, дostonи «Хусрав ва Ширин» - и Низомии Ганҷавӣ ва ғайраҳо таҳлил карда шудаанд.

Қалидвожаҳо: ҳамосасароӣ, китоби «Авесто», «Шоҳнома» - и Фирдавсӣ, Борбади Марвазӣ, барбат, ҳамосаи «Гургулӣ».

ИСТОКИ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ҲАМОСАРАОИ В ИСКУССТВЕ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

В статье автор приводит подробную информацию об истоках формирования понятия устной музыки, в том числе о типе хамосасароӣ - одном из древнейших образцов традиции эпического повествования персидско - таджикского народа. То есть известно, что содержание древних хамосов (былин) связано, прежде всего, с прославлением подвигов народных борцов. Отмечается, что, принимая во внимание тот факт, что Абулқасим Фирдоуси (X в.) несомненно использовал популярный устный материал своего времени для создания эпических рассказов «Шахнама», можно сказать, что корни традиций повествования и история развития профессионального музыкального исполнения больших масштабов восходит к V веку до нашей эры и даже раньше.

Также автором были проанализирована соответствующая литература по этим вопросам, например книга «Таджики» Б. Гафурова, Забеҳулло Сафо «Ҳамосасароӣ в Иране» (от древнейшего исторического периода до четырнадцатого века хиджры), материалы археолога М. Бойса, известного исследователя Согда А. Хромова, примеры обрядового и эпического пения из священной книги «Авеста» и «Шахнаме» Фирдавси, повести «Хусрав и Ширин» Н. Гянджеви и другие.

THE ORIGINS OF EPIC TRADITIONS OF KHAMOSASAROI IN THE ART OF THE TAJIK PEOPLE

In the article, the author provides detailed information on the first period of the formation of the concept of oral music, including the hemostasia type - one of the oldest examples of the tradition of the epic story-telling of the Persian-Tajik people. That is, it is known that the content of the content of the ancient epics is primarily related to the glorification of the feats of folk wrestlers. It is noted that considering the fact that Abul Qasim Firdawsī (a. X) undoubtedly used the popular oral materials of his time to create the epic story «Shahnama», it can be said that the roots of the traditions of storytelling and the

development of the professional type of music performance stories of great size reach up to the 5th century BC and even older than that.

Regarding these issues, the analysis of necessary literature, such as the book «Tajikon» by B. Ghaurov, Zabehullo Safa «Hamosasarai in Iran» (from the oldest historical period to the fourteenth century of the Hijra) », materials of the archeologist M. Boyce, famous sogologist A. Khromov, examples of ritual and epic singing from the holy book «Avesta» and «Shahnom» by Firdavsi, the story «Khusrav and Shirin» by N. Ganjavi and others. have been performed.

Key words: *epic, the book «Avesta», «Shahnom» by Firdavsi, Borbad Marvazi, barbat, «Gorghuli» epic.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Рахимзода Кароматулло Самандар – дотсенти кафедраи санъатшиносӣ ва назарияи мусиқии Муассисаи таълимии давлатии «Донишкадаи давлатии фарҳанг ва санъати Тоҷикистон ба номи Мирзо Турсунзода», номзоди илмҳои санъатшиносӣ. Телефон: (+ 992) 985 – 75 – 25 – 94. E-mail: karomat_rahimov@mail.ru

Information about the author: **Rahimzoda Karomatullo Samandar** - associate professor of the department of art studies and music theory of DDFST named after M. Tursunzoda, Candidate of Art Sciences. Phone: (+ 992) 985-75-25- 94. E - mail: karomat _ rahimov@mail.ru

УДК 378.4 (575.3)

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ В ТАДЖИКИСТАНЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946 - 1960)¹

АКРАМОВ М. И.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

На современном этапе истории человечества высокий уровень подготовки научных кадров свидетельствует о степени зрелости общества и государства, повышает статус страны на международной арене. А научная мысль служит для решения задач социально-экономического развития общества, активизации человеческого фактора, его интеллектуального потенциала, умения творчески отнестись к применению достижения науки для народного хозяйства. Исторический опыт подготовки научных кадров в период послевоенного восстановления народного хозяйства актуален тем, что в 1940-1950-е годы приоритетной задачей научных учреждений, в том числе академических, считалось формирование научных кадров, способных обеспечить связь теоретической науки с производственной практикой.

Для Таджикистана 40-50-е годы прошлого столетия характеризуются периодом становления академической науки, создания отраслевых научных учреждений и конечно подготовкой отечественных ученых на базе сформированных ВУЗов республики. Для развития академической науки в республике в достаточном количестве нужны были высококвалифицированные местные молодые кадры. Поэтому именно в эти годы в республике было уделено особое внимание ускоренному развитию системы подготовки научных кадров не только в научных учреждениях, но в основном в высших учебных заведениях. Примечательно, что в течение короткого времени в

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (Таджикистан в период Советского Союза). Государственный регистрационный номер 0121 TJ 1200.

Таджикистане были подготовлены сотни высококвалифицированных научных работников, специалистов в области общественных, естественных и технических наук.

Большой пласт проблем решали представители общественных наук. Для них дополнительно были созданы новые научно-исследовательские учреждения. За этот период динамично происходил количественный и качественный рост научных работников.

Научно-технические предпосылки к созданию республиканской академии наук были упрочены даже в годы Великой Отечественной войны. Так, за военные годы значительно вырос Таджикский филиал АН СССР. В стенах филиала были подготовлены два доктора и 14 кандидатов наук, к концу 1945 г. в научных учреждениях ТФ АН СССР работали 1 академик, 13 докторов и 42 кандидата наук. Всего в ТФ АН СССР плодотворно работали более 250 научных и научно-технических работников [15,6], что было в два раза больше, чем на начало 1941 г.

В послевоенные годы велась разработка научных проблем по изучению перспектив развития производительных сил наиболее важных районов республики. Создание новых научных учреждений позволило расширить и углубить изыскания ученых, поднять на более качественный уровень проблему внедрения в практику полученных в ходе исследований конечных результатов, расширить специализацию общественных наук.

В этом участвовали ученые различного профиля по изучению наиболее важных научных проблем как в области естественных, так и в области общественных наук. Гидрогеологи изучали запасы грунтовых вод, а также гидроэнергетические ресурсы республики. В последующие годы ученые республики начали исследование соляных месторождений, химики вели опыты по созданию лекарственных препаратов, сейсмологи пытались дать строителям рекомендации по возведению сейсмостойких зданий, экономисты вели исследования по развитию консервной промышленности и использованию производственных мощностей и размещению хлопковых и маслобойных заводов Таджикистана.

В конце 40-х годов в академической жизни республики происходили структурные преобразования. Были реорганизованы многие научно-исследовательские учреждения, исходя из кадрового потенциала республики. С пополнением в рядах научно-исследовательских институтов новыми перспективными кадрами в 1948 году Таджикский филиал академии наук СССР объединял в своем составе целый ряд исследовательских центров. Наиболее крупными центрами науки являлись институты, в частности, геологии, ботаники, зоологии и паразитологии, химии, животноводства, истории, языка и литературы. Однако, серьезной проблемой в работе научных учреждений оставалось обеспечение их квалифицированными кадрами.

В послевоенные годы, для полноценного функционирования научных учреждений Таджикистана большое значение имело обеспечение их квалифицированными научными кадрами. После победоносного завершения Великой Отечественной войны, несмотря на сложные условия послевоенного восстановления народного хозяйства, руководство страны особое внимание уделяло вопросам подготовки научных кадров в Таджикистане. В республике год за годом прием в аспирантуру ТФАН возрастал. Если в 1946 г. в ней учились всего 9 человек, то в 1950 г. численность аспирантов возросла до 25 человек [2,106]. Начиная с 1945 г. в научных учреждениях

республики стали готовить научных работников по химическим наукам, а с 1948 – по сельскохозяйственным. Помощь в подготовке ученых оказывали Московский и Ленинградский госуниверситеты, где в 1946 г. было выделено 100 мест для приема аспирантов из союзных республик [5].

Следует отметить, что в Таджикистане, как и в других республиках бывшего Союза, при организации и создании научно-исследовательских учреждений, в особенности создания академических научных центров был накоплен большой опыт именно в области подготовки научно-исследовательских работников. К 1950 году в Таджикском филиале АН СССР уже функционировало семь самостоятельных институтов и несколько научных отделов и станций [10]. Молодые научные кадры готовились в стенах многочисленных отраслевых научных учреждениях и ВУЗах республики. Надо отметить, что в самый трудный период истории правительством республики был накоплен колоссальный опыт по организации подготовки научных кадров для научных учреждений. Как и во всех республиках Советского Союза в Таджикистане наблюдались общие тенденции развития исследовательской работы, складывания новых принципов изучения производительных сил, создания научных учреждений для нужд народного хозяйства и культурного строительства. Все это предусматривалось при помощи АН СССР в формировании научного центра Таджикистана, перестройки работ научных учреждений в годы войны, развитие научных исследований в послевоенные годы [6, 237]. Уже к 1950 г. были подготовлены все условия для организации республиканской Академии наук.

Знаменательным событием в жизни республики стало открытие в 1948 г. Таджикского государственного университета, внесшего огромный вклад в подготовку научно-педагогических кадров. В становлении научно-исследовательских центров на базе ВУЗов нужно отметить значительный вклад и роль академика Бободжона Гафурова. Именно по его инициативе в 1949 г. в Таджикском госуниверситете создается Совет по защите кандидатских диссертаций по таджикскому языку, таджикской литературе, истории СССР. А через два года университету было предоставлено право присуждения ученой степени кандидата наук по специальностям «геология» и «биология».

Таким образом, для дальнейшего развития исследовательской работы, обеспечения научных учреждений Таджикистана молодыми кадрами из числа молодых, перспективных кадров большое значение имели открытие в 1948 г. Таджикского государственного университета и создание в апреле 1951 г. Академии наук Таджикской ССР. Другим событием в научной жизни республики и последующей подготовки научных кадров стало создание самостоятельного Института истории. В том же году из состава Института истории, языка и литературы выделились два самостоятельных учреждения: Институт истории, археологии и этнографии, позже переименованный в Институт истории имени А. Дониша (с секторами истории советского общества, средних веков, археологии и нумизматики, этнографии и истории искусств) и Институт языка и литературы.

В первом году деятельности Академии наук Таджикской ССР происходили структурные изменения в деятельности научных учреждений Таджикистана. Большое значение имело образование в 1951 г. Института истории партии при ЦК КП Таджикистана. Во вновь созданный Институт были вовлечены много новых научных

кадров из числа местной молодежи. Молодые специалисты вновь образованных научных учреждений осуществили перевод на таджикский язык и издание произведений основоположников марксизма-ленинизма, в том числе 40-томного собрания сочинений В. И. Ленина, проводят исследования актуальных проблем истории партии. Институт истории АН Таджикской ССР, пополненный новыми кадрами из числа молодежи, в сотрудничестве с учеными и преподавателями Института истории партии, Таджикского университета, Душанбинского, Ленинабадского и Кулябского педагогических институтов, Научно-исследовательских учреждений АН Таджикской ССР вплотную занимались исследованием широкого круга проблем по истории таджикского народа. Результаты этих исследований публиковались в «Докладах» АН Таджикской ССР и «Известиях» Отделения общественных наук АН Таджикской ССР, а также в «Ученых записках» университета и институтов. В «Известиях» Отделения общественных наук был введен раздел «Материалы по истории, археологии и этнографии Таджикистана и Средней Азии». Под этой рубрикой были напечатаны работы А. А. Семенова и Е. А. Давидович [13]. В рассматриваемый период заметно расширилась тематика исследований, посвященных истории народов Средней Азии.

Следует отметить, что в послевоенные годы, несмотря на все трудности восстановления народного хозяйства республики научные учреждения стабильно финансировались со стороны государства. В Таджикистане в послевоенный период принимаются меры по подготовке научных кадров непосредственно в республике. Действительно в те годы остро стояла проблема подготовки кадров с ученой степенью кандидата и доктора наук. В ВУЗах и научных учреждениях республики заметно различалась квалификация профессорско-преподавательского состава. Что касается направлений исследований и научно-теоретических, концептуальных подходов, то идеологический контроль государственных и партийных органов над тематикой исследований, особенно в сфере гуманитарной науки, создавал значительные ограничения на пути исследователей, не позволял им в полном объеме удовлетворять свои научные интересы. Но, между тем к середине 50-х годов XX в. уже наметилось повышение престижа научной работы, что положительно сказалось, главным образом, на подготовке молодых ученых.

В 50-е годы, широкое вовлечение в научно-исследовательские работы молодых перспективных ученых позволило расширение деятельности научных учреждений республики. Так, например, в работах ученых-историков Таджикистана рассматривались исторические связи народов Средней Азии и России, воздействие революционного движения российского пролетариата на трудящиеся массы Средней Азии, народные выступления в Туркестане и Бухаре [1]. Группой молодых ученых был разработан ряд тем по истории таджикского народа конца XIX - начала XX века. Основное внимание они уделили изучению социально - экономического строя, положению трудящихся масс и их борьбе против эксплуататоров, истории отдельных районов дореволюционного Таджикистана, веками разобщенных между собой.

Именно в этот период заметные изменения произошли и в национальном составе научных учреждений Таджикистана. В научно-исследовательских институтах АН Таджикской ССР сформировался большой отряд научных кадров из лиц коренной

национальности. Первыми докторами наук из числа местной национальности в Таджикистане стали С. Айни, Б. Ниязмухамедов, А. Богоутдинов и З.Ш. Раджабов. Первым таджикским кандидатом наук по специальности «востоковедение» был А. Мирзоев, ученой степени доктора медицинских наук удостоился М.К. Кальматов, а С.Х. Хакимова стала первой женщиной-таджичкой кандидатом медицинских наук. В 1950 г. в Таджикистане было 20 докторов и 155 кандидатов наук [7, 239].

Наряду с привлечением новых сотрудников в системе АН Таджикской ССР в научных учреждениях республики особое внимание было уделено наиболее значительным глубинным вопросам науки. Ученые республики максимально сосредоточили свое внимание на общественно-историческую практику. Это все способствовало тому, что научная деятельность становилась все более системной, комплексной по предмету, по исследуемой проблематике и по способам осуществления. А новые молодые ученые все активнее участвовали в решении насущных проблем научной жизни республики.

Следует подчеркнуть, что еще, будучи в статусе филиала АН СССР в научном центре республики руководством научных учреждений была налажена работа по подготовке значительного отряда научных кадров из среды местных национальностей, который стал костяком создаваемой Академии наук Таджикистана. Так, в начале 1951 года в таджикском филиале АН СССР работало 150 научных сотрудников, из них 11 докторов наук и 71 кандидата наук. В аспирантуре филиала обучалось 78 аспирантов, в том числе 46 местной национальности [11, 13].

В подготовке научных кадров из числа местной национальности значительный вклад внес Институт истории им. А. Дониша. С первых дней образования (1951 г.) руководство Института совместно с другими научными центрами страны активно включились в создании научной базы Института. В первые годы деятельности в Институте истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР уже функционировало пять секторов, в них плодотворную научную работу по основным проблемам истории народов Средней Азии вели 56 научных сотрудников, из них два доктора и 22 кандидата наук. Тогда в конце 1950 г. в Таджикской ССР было 715 научных работников, в том числе 20 докторов и 155 кандидатов наук [15,69].

В начале 1950-х годов, на заре формирования Академии наук Таджикистана, уже было мобилизовано достаточное количество ученых из числа академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Тогда в состав АН Таджикской ССР, согласно решению Совета Министров Таджикской ССР от 14 апреля 1951 г., из числа кандидатов, выдвинутых научно-исследовательскими учреждениями и высшими учебными заведениями Таджикской ССР, были утверждены 11 академиков и 14 членов-корреспондентов [8]. После предоставления статуса республиканской академии наук на подготовку национальных академических кадров для научных учреждений Таджикистана включилась вся страна. Серьезная работа по повышению уровня общенаучной и теоретической подготовки аспирантов велась в Московском, Ленинградском, Киевском и Таджикском государственных университетах. Шефство ленинградских ученых во многом определило будущее таджикской науки благодаря богатому фактическому материалу, который был собран комплексными экспедициями Академии наук СССР для изучения природных ресурсов, экономики, и культуры Таджикистана еще в 20-30-е годы XX в.

Исключительно важное значение придавали делу подготовки кандидатов наук руководящие органы республики. Они определили конкретные задания министерствам и ведомствам. В целях более быстрого удовлетворения научных учреждений республики кадрами высшей квалификации, с 1962 г. была введена их подготовка через целевую аспирантуру, в которой готовились аспиранты по наиболее дефицитным для Таджикистана специальностям – счетно-решающим приборам и устройствам, физике атомного ядра и космических лучей, химии полимеров и др.

Между тем, нехватка молодых научных кадров в Таджикистане стала одной из главных причин ограничения объема научно-технических исследований. Более того этот фактор стал одним из существенных предпосылок разработки новой методологии подготовки и переподготовки научных кадров в Таджикистане. Недостаточные темпы роста обеспечения научных учреждений квалифицированными научными работниками в республике не позволили к выравниванию научно-технического уровня по отношению к другим союзным республикам. Более того, в Таджикистане темпы роста численности научных кадров значительно отставал от мировых.

Именно поэтому с начала 50-х годов XX века в республике подготовка ученых велась в основном через аспирантуру Душанбинского пединститута, где в 1950 г. проходили подготовку 31 аспирант, из них 22 – местных национальностей.

Кардинальные изменения произошли в вопросах подготовки кадров с избранием в 1957 г. на пост президента Академии наук Таджикской ССР известного учёного-физика С. У. Умарова (1900-1964 гг.). Под его руководством в научных учреждениях АН Таджикской ССР усилились исследования в области точных наук, экспериментальной биологии, востоковедения. Развёртывание научных исследований в новых областях науки потребовало подготовки кадров в широких масштабах. Конечно, все это требовало максимального вовлечения высококвалифицированных научных кадров. В научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева, Минска и других научных центрах прошли подготовку молодые таджикские учёные, которые приступили к разработке важных проблем современной науки.

В июне 1957 г. было утверждено новое Положение об аспирантуре при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях. По этому Положению право на поступление в аспирантуру предоставлялось специалистам, имевшим опыт работы по избранной научной специальности.

В декабре 1954 г. на ученом Совете Отделения биологических и сельскохозяйственных наук АН Таджикистана проводилась первая защита кандидатских диссертаций [2,127,270]. В течение 1955-1960 гг. на ученых советах Таджикского государственного университета было защищено 55 кандидатских диссертаций [12,29]. С 1951 по 1960г. только через аспирантуру Академии наук республики было подготовлено 99 кандидатов наук. За эти же годы сотрудниками академии было защищено 12 докторских диссертаций [9,51]. В Таджикском мединституте в 1955-1956 гг. защитили кандидатские диссертации 14 человек. В 1958 г. в Институте эпидемиологии и гигиены г. Душанбе работало 10 докторов и 89 кандидатов наук, среди которых 32 человека местных национальностей [5,138,142]. Таким образом, как показывает сопоставительный анализ численность научных работников за десятилетие (1950-1960 гг.) в Таджикистане возросла втрое, однако довольно медленными темпами шла подготовка докторов наук.

В целом научная политика и практика подготовки научных кадров в СССР, направления подготовки советских ученых и специалистов наукоемких отраслей определялись не столько конкретными потребностями экономики (рынка) на основе статистического учета, сколько в соответствии научной политикой Советского Союза. Дело в том, что в большинстве случаев кадровая политика зависела, прежде всего, от решений партийных функционеров. Хотя, в основном она отражала формировавшие векторы научно-технической и экономической модернизации страны. Кстати, данная модель подготовки научных кадров позволила СССР занять лидирующие позиции во многих отраслях науки.

Что касается Академии наук Таджикской ССР, то в рассматриваемый период, отечественных ученых высокой квалификации, особенно в области естественных наук не хватало. Заметно было также слабое звено кадров в области гуманитарного исследования. Дело в том, что с созданием Академии наук Таджикской ССР многие высококвалифицированные специалисты были приглашены из других республик СССР. Вплоть до 60-х годов XX века нехватка высококвалифицированных научных кадров сдерживала расширение научных исследований практически по новым направлениям в науке. Конечно, нельзя отрицать и то, что в политике подготовки кадров имелись более серьезные причины данного феномена. Это, прежде всего, нехватка квалифицированных научных руководителей, поверхностная аттестация аспирантов, отсутствие необходимого числа специализированных советов. Не хватка докторов наук в составе научных учреждений не позволяла созданию полноценных диссертационных советов на базе институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. Вопросы истории. – 1953. - № 8.
2. Из истории культурного строительства в Таджикистане (1941-1972). – Душанбе, 1972. - Т. 2. - 512 с.
3. История культурного строительства в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1979. – Т.1. – 284 с.
4. Исмоилов Ё. Х. Научно-исследовательская деятельность Академии наук СССР в Таджикистане (1924-1941). - Душанбе, 2022. – 168 с.
5. История таджикского народа/Сборник материалов. – Душанбе, 1967. – 340 с.
6. Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры (1917-1932 гг): Монография/А. Е. Иоффе. – М.: «Наука», 1975. – 429 с.
7. Коммунист Таджикистана. – 1951. - 15 апреля.
8. Краткие итоги деятельности АН Тадж. ССР за 10 лет. – 124 с.
9. Наврузов Г. Формирование научного центра в Таджикистане (1924-1950 гг.): дис. доктора исторических наук: 07.00.02. - Душанбе, 1993. - 149 с.
10. Раджабов З. Ш. Наука Советского Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1968. – 145 с.
11. Таджикский государственный университет им. В. И. Ленина – кузница подготовки высококвалифицированных кадров. – Душанбе, 1970. – 152 с.
12. Семенов А. А. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезмшахов в XII в. (по актам того времени). Давидович Е. А. Из истории Хисара в XVI в. - «Известия» Отделения общественных, наук АН Таджикской ССР, - 1952. - №2.
13. Текущий архив НАНТ. Отчет о деятельности научных учреждений Академии наук Таджикской ССР за 1951 г.

14. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.1. – Оп.1. – Д.91. – Л.6.

15. ЦГА РТ, ф.485, оп. 1, д. 101, л. 69.

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ В ТАДЖИКИСТАНЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946 - 1960)

В статье рассматривается история становления и развития системы подготовки, аттестации научных и научно-педагогических кадров в Таджикистане на базе Академии наук Таджикской ССР, а также в вузах республики в 40-50-е годы XX в. В ней раскрывается основное содержание изменений, происходивших в системе подготовки научных кадров, а также организационные принципы функционирования институтов аспирантуры и докторантуры в научных учреждениях Таджикистана.

Анализируются проблемы в работе аспирантуры и докторантуры на протяжении советского периода отечественной истории, оценивается их эффективность. Наряду с этим сквозь призму государственной кадровой политики в научно-академической сфере реконструируется процесс становления и развития институтов подготовки научных кадров из числа местной молодежи в Душанбинском государственном педагогическом институте, Таджикском государственном университете, в научных центрах и учреждениях Таджикистана, а также выделяется ряд этапов и раскрывается их количественное и качественное содержание.

Ключевые слова: Академия наук Таджикской ССР, научные кадры, подготовка кадров, научные учреждения, системы подготовки, аспирантура, докторантура, научная политика, практика подготовки научных кадров.

TRAINING OF SCIENTIFIC PERSONNEL IN TAJIKISTAN IN THE POST-WAR PERIOD (1946-1960)

The article examines the history of the formation and development of the system of training and certification of scientific and scientific-pedagogical personnel in Tajikistan on the basis of the Academy of Sciences of the Tajik SSR, as well as in the universities of the republic in the 40-50s of the twentieth century. It reveals the main content of the changes that took place in the system of training scientific personnel, as well as the organizational principles of the functioning of postgraduate and doctoral institutes in scientific institutions of Tajikistan.

The problems in the work of postgraduate and doctoral studies during the Soviet period of national history are analyzed, and their effectiveness is assessed. Along with this, through the prism of state personnel policy in the scientific and academic sphere, the process of formation and development of institutions for training scientific personnel from among local youth in the Dushanbe State Pedagogical Institute, Tajik State University, in scientific centers and institutions of Tajikistan is reconstructed, and a number of stages are highlighted and revealed their quantitative and qualitative content.

Key words: Academy of Sciences of the Tajik SSR, scientific personnel, personnel training, scientific institutions, training systems, postgraduate studies, doctoral studies, scientific policy, practice of training scientific personnel.

ОМОДА КАРДАНИ КАДРҲОИ ИЛМӢ ДАР ТОЧИКИСТОН
ДАР ДАВРАИ БАӢДИҶАНГӢ (1946 - 1960)

Дар мақола таърихи ташаккул ва инкишофи системаи омода кардан ва аттестатсияи кадрҳои илмӣ ва илмию педагогӣ дар Тоҷикистон дар пойгоҳи Академияи илмҳои РСС Тоҷикистон, инчунин дар мактабҳои олии республика дар солҳои 40-50-уми асри XX таҳлил карда шудааст. Дар он мазмуни асосии дигаргуниҳое, ки дар системаи омода кардани кадрҳои илмӣ ба амал омадаанд, инчунин принципҳои ташкили кори институтҳои аспирантура ва докторантураи муассисаҳои илмии Тоҷикистонро ошкор мекунад.

Масъалаҳои кори аспирантура ва докторантура дар давраи Шуравӣ таҳлил карда, самарани онҳо баҳо дода мешавад. Дар баробари ин тавассути омӯзиши сиёсати кадрӣ давлат дар соҳаи илмию академӣ раванди ташаккул ва инкишофи муассисаҳои омода кардани кадрҳои илмӣ аз ҳисоби ҷавонони маҳаллӣ дар Донишқадаи давлатии омӯзгории Душанбе, Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон, чараёни омода намудани кадрҳои илмӣ дар марказҳо ва муассисаҳои илмии Тоҷикистон таҳлил шуда, як қатор марҳалаҳои мазмуни миқдорию сифатии онҳо равшан ва ошкор карда шудаанд.

***Калидвожаҳо:** Академияи илмҳои РСС Тоҷикистон, кадрҳои илмӣ, омода кардани кадрҳо, муассисаҳои илмӣ, низоми таълим, аспирантура, докторантура, сиёсати илмӣ, таҷрибаи тайёр кардани кадрҳои илмӣ.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Акрамов Муртазо Иномович** – номзади илмҳои таърих, ходими илмии шуъбаи таърихи навтарини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Телефон: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

Information about the author: **Akramov Murtazo Inomovich** - candidate of Historical Sciences, researcher of the Institute history, archeology and ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

УДК 338. 43 (575.3) (09)

ТАРАҚҚИЁТИ САНОАТИ ПАХТАИ НОҲИЯИ МАСТҶОҲ
ДАР СОЛҲОИ 50-60-УМИ АСРИ XX

ҚОЗИЗОДА Ш.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Дар солҳои 50-60-уми асри XX саноати пахта дар пешрафти иқтисодиёти як зумра ноҳияҳои Тоҷикистон, аз ҷумла Мастҷоҳ нақши асосиро бозида, сабаби афзоиши босуръати истеҳсоли пахта ва маҳсулоти пахтагӣ гардид. Аз ин рӯ, дар ин мақола ташаккули соҳаи пахтакории ноҳияи Мастҷоҳ мавриди баррасӣ қарор гирифта, омилҳои асосии рушди он ва оқибатҳои ин раванд ба пешрафти ҷомеа ва иқтисоди ноҳия ва ҷумҳурӣ муайян карда шудааст.

Ноҳияи Мастҷоҳ соли 1956 дар натиҷаи азхудкунии заминҳои бекорхобидаи Дашти Дилварзин ҳамчун воҳиди маъмурӣ ташкил ёфт. Ноҳияи нав, пеш аз ҳама ҳадафмандона бо мақсади рушди соҳаи пахтакорӣ дар ҷумҳурӣ таъсис гардида буд. Вобаста ба ин фаъолияти тамоми ташкилоту сохторҳо ва сокинони ноҳия аз ибтидо ба рушди соҳаи пахтакорӣ равона гардид. Барои расидан ба ин мақсад дар як муддати кӯтоҳ ташкили хоҷагиҳои нави дастаҷамъона, колхозҳо ва дастгоҳи идораи онҳо ба роҳ монда шуд. Ба гурӯҳи вазифаҳои аввалиндараҷа инчунин азхудкунии 3 ҳазор гектар замини обӣ ва ба пахтакорӣ мувофиқ сохтани он, ташкили Пойгоҳи мошинӣ - тракторӣ (ПМТ)-и нав, дарёфти техникаи нави хоҷагии кишоварзӣ, муҳайё сохтани шароити мувофиқ ба қор ва зиндагии сокинони муҳочиршуда низ шомил буд.

Дар як вақт баробари иҷрои корҳои ташкилӣ, ҷойгирнамоии аҳолии муҳочиршуда ва ҳамзамон кишти пахта низ дар заминҳои нав оғоз гардид. Соли 1957 сокинони ноҳияи Мастчоҳ [0] бори нахуст ба кишти пахта, ки барои онҳо зироати ношинос буд, оғоз намуданд. Новобаста аз кишти нахуст дар заминҳои нав ва ҷой доштани мушкilotи зиёд меҳнаткашонӣ ноҳия соли 1957 ба давлат 4830 тонна ва як сол пас аз ин, яъне соли 1958 ду баробар зиёд пахта ба хирмани давлат супориданд [0, 75].

Ба сокинони ноҳияи Мастчоҳ парвариши зироати комилан бегона, тарзу усули нигоҳубини он, махсусан азхуд кардани техникаи обёрии пахта хеле душвор буд. Аз ин рӯ, ҳар сол гурӯҳи калони обёрикунандагон аз курсҳои махсус гузашта, ба колхозу совхозҳои гирду атроф ва Ҷумҳурии Ўзбекистон барои таҷрибаомӯзӣ фиристода мешуданд. Инчунин пахтакорони соҳибтаҷриба аз хоҷагиҳои вилояти Ленинобод (Суғд) ва Нав (Спитамен) низ ба ин ҷо даъват карда мешуданд ва усулҳои обёрии пахтазорро дар амал нишон медоданд. Бо ин роҳҳо обёрикунандагон тадриҷан якҷанд тарзҳои обёрӣ, аз ҷумла шакли маъмулии дар як вақт об мондани майдони 10-15 гектар пахтазорро азхуд намуда буданд.

Аз солҳои аввали муҳочиркунӣ сокинони ноҳия ба азхудкардани тарзҳои нави пахтакорӣ - усули чоркунча - лонавӣ диққат дода, аз соли 1961 сар карда то дар майдонҳои асосӣ пурра бо техника кишт намудани пахтаро ба роҳ монданд. Усули кишти чоркунча – лонавӣ ин кишти пунбадона дар масофаи якхела мебошад, ки дар натиҷа қатори пахта аз ҳар чор тараф якхела буда, коркарди замин аз ибтидо яъне, кишт то охир ҷамъовариӣ ҳосил бо техника анҷом меёбад. Ин буд, ки худӣ ҳамон сол ҷамъовариӣ пахта бо мошинҳо ба 2 ҳазор тонна ҳосил расонида шуд [0, 251]. Махсусан, дар ин самт дастовардҳои беҳтаринро дар ноҳия Исмаи Раҳимов аз совхозӣ ба номи Куйбишев, Мирзо Муллоҷонов аз колхозӣ ба номи Орҷоникидзе ва ҷанд нафари дигар соҳиб гардиданд.

Ҳосили баланди пахта боиси мустақкам гардидани пойгоҳи иқтисодиву молиявии колхозҳо ва ҳамзамон даромади колхозчиён гардид. Агар соли 1956 дар Кӯҳистони Мастчоҳ даромади умумии 9 колхоз баробар ба 5 миллиону 921 ҳазор рубл буд, соли 1957 даромади умумии колхозҳо дар ноҳияи нав қариб 28 миллион рубл, аз ҷумла, танҳо аз пахтакорӣ – 18, 4 миллион рублро ташкил медод [0, 251].

Агар колхозӣ ба номи Энгелс соли 1956 ҳамагӣ 350 ҳазор рубл аз тамоми соҳаҳои хоҷагии халқ даромад карда бошад, пас соли 1957 ин хоҷагӣ танҳо аз соҳаи пахтакорӣ 1 миллиону 640 ҳазор рубл даромад ба даст овардааст. Соли 1957 ба ҳар як рӯзи кории колхозчиён ба ҳисоби миёна 15-20 рубл рост меомад, [1, 293] ки ин боиси хеле беҳтар гардидани сатҳи зиндагиашон гардид.

Дигаргуниҳо, дастовардҳо ва пеш аз ҳама беҳтаршавии сатҳи зиндагии сокинони ноҳияи нав имкон доданд, ки дар давоми солҳои 1956 - 1958 аз деҳаҳои ноҳияи Кӯҳистони Мастчоҳ боз 2151 оила ба ноҳияи навташкил муҳочир карда шаванд [0, 254].

Дар корҳои тарғиботию ташвиқотӣ дар байни аҳоли, муҳочиркунонӣ, паҳн намудани таҷрибаи пешқадам, тарбия ва омода намудани кадрҳои нав нақши ташкилотҳои ҷамъиятӣ ҳизбӣ, комсомолӣ, ки шумораи аъзоёни онҳо сол ба сол меафзуд, хеле муассир мебошад.

Агар соли 1957 дар ноҳия, дар маҷмӯъ 39 ташкилотҳои комсомолӣ мавҷуд бошад, пас соли 1960 теъдоди онҳо ба 48 адад расид ва шумораи умумии комсомолҳо аз

1906 нафар ба 2587 нафар афзоиш ёфт [0, 255]. Соли 1960 дар корхонаҳои саноатӣ, сохтмонҳо, колхозҳо ва совхоз-техникум 41 бригадаи комсомолӣ, звено ва бастаҳо ташкил карда шуданд, ки 28-тоашон бригадаи пахтакорӣ ва чуворимаккапарварӣ буданд [0, 255].

Сафи тарғиботчиёни ҳизбию комсомолӣ низ сол то сол меафзуд. Агар соли 1958 дар вилоят ҳамагӣ 400 нафар дар байни омма қорҳои тарғиботӣ мебуданд, соли 1960 дар 29 коллективҳои тарғиботӣ шумораи онҳо ба 757 нафар расид [3, 255]. Дар доираи ин тарғибот китобхонаҳо, клубҳо, чойхона, қироатхонаҳо фаъолияти худро боз ҳам баланд бардошта, дар байни колхозчиён бештар қорҳои маданияту маърифатӣ мебуданд.

Меҳнаткашонӣ ноҳияи Мастҷоҳ мусобикаи сотсиалистиро барои иҷрои уҳдадорӣҳои бар дӯш дошта ривочу равақ дода, дар ҳамаи соҳаҳои хоҷагии қишлоқ муваффақиятҳои шоён ба даст оварданд. Коллективи совхозҳои ноҳия соли 1960 – соли дууми нақшаи ҳафтсола ба давлат 13176 тонна пахта [4, 202] супорида, аз заминҳои дашти Дилварзин 3645, 8 тонна ғалла ва дигар маҳсулоти хоҷагии қишлоқ ҷамъоварӣ намуданд [0, 194-195].

Соли 1960 совхозӣ навқорами ба номи Ленин дар майдони 1000 гектар бо усули чоркунҷа пахта кишт кард. Дар саҳроҳои совхоз 250 нафар қоргарон, ки бо техникаи навтарин таъмин буданд, қор мекарданд ва хоҷагӣ зиёда аз 50 трактор ва 20 мошини пахтачинӣ дошт. Ҳамин сол совхоз аз ҳар гектар 28, 6 сентнерӣ пахта ҷамъоварӣ намуд [4,127]. Ин муваффақиятҳо ба тӯфайли моҳирона истифода бурдани агротехника, дуруст ҷобачогузории кадрҳо ва заҳмати ҳаррӯза ба даст оварда шуд.

Механикони равақ парвариши пахта аз кишт то ҷамъоварии ҳосил омили асосии ба даст овардани ҳосили баланд дар хоҷагии ба номи Ленин буд. Аз техникаи хоҷагии қишлоқ бештар самаранок истифода намоянд. Лозим ба зикр аст, ки қоргарони ҳамин хоҷагӣ нахустин шуда, усули механикони тоза ва ягонакунии ҷўяқҳои пахтаҳо ба роҳ монда, меҳнати дастиро танҳо барои аз алафҳои бегона тоза кардан ва обёрӣ истифода мебуданд.

Самараи механиконидагии маҷмуиро метавон аз натиҷаи қори бригадаи И. Исмоилов баҳо дод. Ин бригадаи 10 нафара охири солҳои 60-ум таъсис ёфта, 115 гектар замин, чор трактор, як мошини боркаш бо ароба ва ду мошини пахтачинӣ дошт. Дар 68 гектар пахта ва дар майдони боқимонда дигар зироатҳо кошта шуданд. «Мо бовар ҳосил намудем, – мегӯяд И. Исмоилов, ки техника дар мубориза барои ба даст овардани пахтаи зиёду арзон ёрдамчиӣ боэътимодтарин будааст» [3,259].

Соли 1961 ин бригада аз омода намудани шудгор ва дигар қорҳо то ҷамъоварии ҳосилро бо мошинҳо ба ҷо овард, ки дар натиҷа аз ҳар гектар 28 сентнерӣ пахта ба даст оварда шуд. Ба як сентнер пахта ҳамагӣ 15,3 соат-меҳнат ё худ 8 рублу 91 тин сарф шуда, ба сари ҳар як қоргар 172 сентнерӣ пахта истеҳсол карда шуд [3, 259].

Дар байни тадбирҳои, ки бояд боиси афзоиши минбаъдаи истеҳсолоти хоҷагии қишлоқро таъмин кунанд, омӯзондан ва тарбия кардани кадрҳои нақша асосиро соҳибгардида буд. Бо ин мақсад совхоз – техникум ҳар сол гурӯҳи му-тахассисони соҳибхтисосро ба қор равона намуда, бригадаҳои нави комплекси ташкил менамуд. Дар техникум таҷрибаи роҳбарии колхозчиёни номдори замон ба монанди ду маротиба Қаҳрамони меҳнати сотсиалистӣ, раиси колхозӣ «Москва»-и ноҳияи Хучанд Саидхоҷа Урунхоҷаев, Қаҳрамони меҳнати сотсиалистӣ-раиси колхозӣ ба номи «Ленин»

– и ноҳияи Нов (ҳоло Сиптамен) Абдуғафур Самадов, тачрибаи роҳбарии бригадаҳои комплекси – Шодӣ Расулов аз колхозии ба номи Калинин ноҳияи Регар (шаҳри Турсунода), Худойкул Назаров аз колхозии «Правда»-и ноҳияи Ашт, Қаҳрамони меҳнати Сотсиалистӣ, вакили Шурои Олии ИҶШС Ҳочӣ Амиров аз колхозии ба номи «Куйбишев»-и ноҳияи Мастҷоҳ ва дигар пешқадамони номдори хоҷагии кишлоқро меомӯзонданд.

Ҳочӣ Амиров соли 1961 бригадаи комплексиро сардорӣ карда бо мошинҳои пахтачинӣ 89 тонна пахта чамбоварӣ намуд ва аз моҳи январӣ соли 1962 дар заминҳои навқорами ноҳияи Мастҷоҳ бригадаи намунавӣ ташкил кард [5].

Натиҷаи меҳнати садоқатмандона ва истифодаи оқилонаи техника буд, ки бригада соли 1962 ба офатҳои табиӣ нигоҳ накарда, аз 70 гектар замин 140 тонна пахта гирифт, ки аз он 72 тоннааш бо техника чамбоварӣ шуда буд [5].

Бригадаи комплекси 2 нафараи Х. Амиров соли 1963 аз 96 гектар пахта 320 тонна ҳосил гирифт, ки 214 тоннаи он бо мошин чида шуда буд. Ба як сентнери пахта дар як рӯз 1,5 кас ё худ 8 рублу 60 тин сарф шуд. Ва ба ҳар як нафар колхозчӣ ба ҳисоби миёна 263 сентнерӣ пахта рост меомад [6]. Дар ҷумҳурӣ ягон хоҷагии дигар ҷунин комёбӣ ба даст наоварда буд.

Яке аз хоҷагиҳои аввалини ноҳияи Мастҷоҳ колхозии «Зарафшон» мебошад ки, дар давоми ҳашт соли мавҷудияташ дар заминҳои навқорами ноҳияи Дилварзин аз хоҷагии камиқтидори пурра бо меҳнати дастӣ, ба хоҷагии калони механиконидашуда табдил ёфт. Колхозчиён ҳанӯз соли 1957 аз ҳар як гектар аз 346 гектар замини нав 27,1 сентнерӣ пахта гирифтанд [12,186].

Соли 1964 бригадаҳои пешқадами Аҳмад Ҳасанов, Атовулло Фатҳуллоев, Умар Азимов аз 672 гектар пахтазор 39-41 сентнерӣ ва ба ҳисоби миёна 37,5 сентнерӣ ҳосил гирифтанд, ки ин нишондиҳандаи баландтарин дар байни ноҳияҳои шимолии ҷумҳурӣ ба ҳисоб мерафт [7]. Дар баробари ин соли 1964 васеъ ҷорӣ намудани усули механиконӣ имкон дод, ки арзиши аслии як сентнер пахта назар ба соли 1957-ум 12, 4 рубл арзон шавад [7].

Бо сардории раис, Қаҳрамони меҳнати сотсиалистӣ Наврӯз Раҷабов доир ба баланд бардоштани дараҷаи кордонии пахтакорон ғамхорӣ зиёд зоҳир мегардид.

Дар натиҷаи роҳбарии моҳиронаи хоҷагӣ, оқилона истифода бурдани имкони техникаи коркарди замин, ташкили дурусти меҳнат дар давоми солҳои 1957 - 1964 даромади колхоз қариб панҷ маротиба зиёд гардид.

Соли 1964 даромади умумӣ тақрибан 880 ҳазор рублро ташкил мебуд ва дар як рӯз ба ҳар кас 5 рублу 20 тин рост меомад [7], соли 1965 бо қарорҳои Президиуми Шурои Олии ИҶШС ва ҶШС Тоҷикистон даҳҳо нафар пахтакорони пешқадами колхозҳоро бо мукофоту медалҳо, ифтихорномаҳои фахрӣ ва инъомҳои қимматбаҳо сарфароз гардониданд.

Соли 1961 меҳнаткашони ноҳияи Мастҷоҳ дар колхозу совхозҳо 57 бригадаи механиконидашудаи комплексӣ ташкил карданд. Дар майдонҳои калон кишти пахта бо усули ҷоркунҷа гузаронида шуд ва ин имкон дод, ки технологияи нигоҳубини зироатро васеъ истифода бурда, муҳлати коркарди байни қаторҳо кӯтоҳ ва сифати он беҳтар гардад.

Гузаштан ба кори якҷояи механиконидашудан пахта ва чамъоварии мошинии пахта имконият дод, ки арзиши аслии пахта паст ва ҳосилнокии кори мошинаҳои пахтачинӣ баланд ва даромади деҳқонон зиёд гардад.

Тавре ки таъкид шуд, соли 1961 Омӯзишгоҳи хоҷагии қишлоқи Ленинобод ба ноҳияи Мастҷоҳ кӯчонида шуд ва бо совхозии ба номи Ленин муттаҳид гардид. Ин боиси хеле беҳтар шудани пешрафти истеҳсолот дар совхоз ва раванди таълим дар муассиса гардид. Дар натиҷаи муттаҳидшавӣ ҳунарҷӯёни Омӯзиш-гоҳи хоҷагии қишлоқ на танҳо дониши назариявӣ мегирифтанд, балки ин донишхоро бевосита ба истеҳсолот пайваст мекарданд.

Ҳунарҷӯён дар маъракаи кишт, байни қаторҳо ва обёрӣ, инчунин дар вақти бо доруҳои кимиёвӣ коркард намудани растаниҳо ва умуман тамоми равандҳои истеҳсолӣ бевосита иштирок карда, малакаи зарурӣ пайдо мекарданд. Ғайр аз ин, дар майдонҳои омӯзишгоҳи совхоз барои гузарондани машқҳои таълимӣ қитъаҳои алоҳида ҷудо гардида буданд.

Соли 1963 Омӯзишгоҳи давлатии агросаноатӣ аз майдони 2300 гектар 4450 тонна пахта гирифт. Бори аввал дар совхоз 266 гектар каллакунӣ (чеканкаи) механиконида шуда ва дар чамъоварии ҳосил 33 мошини пахтачинӣ ба кор андохта шуд. Бо мошинҳо 1028 тонна ҳосил ғундошта шуд, ки дар натиҷа 55, 8 ҳазор рубл сарфа гардид [3, 264].

Совхоз соли 1963 ба васеъ истифода бурдани мошинҳои пахтачинӣ, инчунин паҳн намудани таҷрибаи пешқадами истифода бурдани техника дар хоҷагии қишлоқ шуруъ намуд.

Аз 35 бригадаи муттаҳидаи совхоз - техникум то 28 ноябри соли 1963 29 бригада нақшаи пахтасупориро пурра иҷро карданд. Дар байни онҳо бригадаҳои Э. Эшбоев, К. Ниёзов, Б. Абдукаримов дар кишти пахта аз механизмҳои истифода бурда, ҳосили зиёдро ба даст оварданд [3, 265].

Соли 1964 дар ноҳияи Мастҷоҳ қариб тамоми кишти пахта бо усули механикони гузаронида мешуд. Дар 80 Ҷойҳои хоҷагӣ каллакунӣ (чеканкаи) пахта бо усули механикони амалӣ шуда, зиёда аз сеяки ҳосилро бо мошинаҳои пахтачинӣ чамъоварӣ менамуданд. Ин имкон дод, то дар як муддати кӯтоҳ 24, 4 ҳазор тонна пахта чамъоварӣ карда, ба давлат фурӯхта шавад [8].

Аз ин рӯ, меҳнаткашони ноҳияи Мастҷоҳ, ки аз ноҳияи аҷдодии худ, яъне Кӯҳистони Мастҷоҳ муҳоҷират шуда буданд, дар як муддати кӯтоҳ на танҳо биёбони дашти Дилварзинро азхуд карданд, балки онро обёрӣ ва кабудизор намуда, пахтапарвариро омӯхтанд ва ҳар сол нисбат ба соли дигар ҳосили зиёд гирифта, технологияи навтарини парвариши пахтаро низ азхуд карданд.

Ҳамин тавр, таҳқиқи масъалаи нишон медиҳад, ки меҳнаткашони аз мано-тиқи кӯҳӣ ба ноҳияи навтаъсис муҳоҷиршуда, дар даҳсолаи аввали азхудкунии заминҳои бекорхобида тавонидаанд, ки таҷрибаи пешқадамро соҳиб шаванд ва ноҳияи Мастҷоҳро ба як ҳавзаи пешқадами пахтакории ҷумҳурӣ табдил диҳанд.

Таҷрибаи пешқадами кишоварзони ин ноҳияро пахтакорони дигар мано-тиқи ҷумҳурӣ ҳамчун намуна истифода мекарданд.

АДАБИЁТ

1. Р. А. Абулхаев. Таърихи муҳоҷират дар Тоҷикистон (солҳои 1924-2000)/Р. А. Абул-хаев. – Душанбе: Дониш, 2009. – 479 с.
2. Абдулов Ҳасан. Пахтаи Дилварзин/Ҳасан Абдулов. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 40 с.
3. Парпиев С. М. Деятельности партийной организации Таджикистана по орошению и освоению новых земель. диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук /Парпиев С. М. – Душанбе, 1965. –302 с.
4. Народное хозяйство Таджикской ССР в 1962 г. (Статистический ежегодник), – 940 с.
5. Ҳосили фаровони пахта рӯнем!, плакат, посвященный опыту Ходжи Амирова, Издательство «Ирфон», Душанбе, 1964 г.
6. «Коммунист Таджикистана», 31 март соли 1964.
7. «Коммунист Таджикистана», 20 январи соли 1965.
8. «Коммунист Таджикистана», 5 март соли 1965.
9. Нарвский Рабочий. №142 (1731), Четверг, 29 ноября 1956 г.
10. Козизода Ш. К. Переселение населения горной Матчи в Дилварзинскую степь/Ш. К. Козизода//Историк. – 2023. – №3(35). – С. 71-78.
11. Бойгонии давлатии таърихи навтарини Чумхурии Тоҷикистон ғ. 5741, р. 6, д. 74 в. 195.
12. Бойгонии давлатии таърихи навтарини Чумхурии Тоҷикистон ғ. 5741, р. 6, д. 61 в. 186.

РАЗВИТИЕ ХЛОПКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В МАТЧИНСКОМ РАЙОНЕ В 50-60-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Статья представляет собой анализ начальных этапов формирования и расширения сельскохозяйственного сектора Таджикистана с особым акцентом на развитие производства хлопка в Матчинском районе в период с 1950-х по 1960-е годы.

В работе охватываются организационно-технические и социальные аспекты развития сельского хозяйства в Матчинском районе, начиная с обеспечения колхозников в 1956 году до достижения значительных успехов в выращивании хлопка к 1960 году. Основное внимание уделяется организационным мероприятиям, таким как формирование колхозов, создание сельскохозяйственной инфраструктуры и механизация производства.

Работа подчеркивает важность партийной и государственной поддержки в осуществлении планов по развитию сельского хозяйства в районе, а также роль местных кадров и специалистов в достижении поставленных задач. Кроме того, описывается опыт и методы ведения сельского хозяйства, включая использование передовых агротехнических приемов и орошение хлопковых полей.

Анализируя исторические данные и достижения Матчинского района в развитии хлопковой промышленности, статья предоставляет ценную информацию для исследователей, интересующихся историей сельского хозяйства и экономического развития Таджикистана. Также она может быть полезна для формирования стратегии развития агропромышленного комплекса в регионах с аналогичными климатическими и социально-экономическими условиями.

Ключевые слова: хлопковая промышленность, развитие сельского хозяйства, Матчинский район, колхозы, организационные мероприятия, механизация производства, партийная поддержка, агротехнические приемы, орошение полей, социально-экономическое развитие.

ТАРАҚИЁТИ САНОАТИ ПАХТАИ НОҲИЯИ МАСТҶОҲ ДАР СОЛҶОИ 50 - 60 - УМИ АСРИ XX

Дар мақолаи мазкур таҳлили марҳалаҳои ибтидоии рушд ва ташаккули вусъати хоҷагии қишлоқи Тоҷикистони Шуравӣ ва тавачҷуҳи маҳсус ба тараққиёти пахтакории ноҳияи Мастҷоҳ шуруъ аз солҳои 50-ум то солҳои 60-ум оварда шудааст.

Пеш аз ҳама, масъалаҳои ташкилӣ - техникӣ ва иҷтимоии рушди хоҷагии қишлоқи ноҳияи Мастҷоҳ аз ташаббуси колхозчиён дар солҳои 1956 - 1960 дар бобати парвариши пахта ба даст овардани муваффақиятҳои назарраси он давра, инъикос ёфтааст. Ташкили колхозҳо ва ба вучуд овардани инфраструктураи хоҷагии қишлоқ механиконии истеҳсолот, кори ташкилотчиғӣ дар маркази таваҷҷуҳ мебошад.

Инчунин дар мақола аҳамияти ёрии ташкилотҳои хизбиво давлатӣ дар иҷрои нақшаҳои рушди хоҷагии қишлоқи вилоят, нақши кадрҳо ва мутахассисони маҳаллӣ оид ба даст овардани муваффақиятҳо қайд карда мешавад.

Ба ғайр аз ин, таҷрибаи пешқадами хоҷагидорӣ, аз ҷумла дар бобати истифода бурдани усулҳои пешқадами хоҷагии қишлоқ ва обёрии пахта мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Бо таҳлили маълумоти таърихӣ ва дастовардҳои ноҳияи Мастҷоҳ дар рушди соҳаи пахтакорӣ, барои муҳаққиқоне, ки ба таърихи кишоварзӣ ва рушди иқтисоди Тоҷикистони Шуравӣ таваҷҷуҳ доранд, маълумоти арзишманде дода, инчунин метавонад барои ташаққули стратегияи рушди соҳаи пахтакорӣ, комплекси агросаноатӣ дар ноҳияҳое, ки шароити иқлим ва иҷтимоию иқтисодиашон яқхела аст муфид бошад.

Калидвожаҳо: *пахтакорӣ, тараққиёти хоҷагии қишлоқ, ноҳияи Мастҷоҳ, колхозҳо, тадбирҳои ташкилӣ, механиконии истеҳсолот, ёрии хизбӣ, агротехника, обёрӣ, тараққиёти иҷтимоию иқтисодӣ.*

DEVELOPMENT OF THE COTTON INDUSTRY MASTCHOH DISTRICT DURING THE 1950 S -1960 S

This scientific paper analyzes the initial stages of the formation and expansion of the agricultural sector in Tajikistan, with a particular focus on the development of cotton production in the Matchin district during the 1950s and 1960 s.

The paper covers the organizational, technical, and social aspects of agricultural development in the Matchin district, starting from the provision of resources to collective farmers in 1956 to the significant achievements in cotton cultivation by 1960. Emphasis is placed on organizational measures such as the formation of collective farms, the creation of agricultural infrastructure, and the mechanization of production.

The paper highlights the importance of party and state support in implementing agricultural development plans in the district, as well as the role of local personnel and specialists in achieving the set goals. Additionally, it describes the experience and methods of farming, including the use of advanced agronomic techniques and the irrigation of cotton fields.

By analyzing historical data and the achievements of the Matchin district in the development of the cotton industry, this paper provides valuable information for researchers interested in the history of agriculture and economic development in Tajikistan. It can also be useful for forming development strategies for the agro-industrial complex in regions with similar climatic and socio-economic conditions.

Key words: *Cotton industry, agricultural development, Mastchoh district, collective farms, organizational measures, mechanization of production, party support, agrotechnical techniques, field irrigation, socio-economic development.*

Сведения об авторе: **Козизода Шухратджон Кози** - докторант (PhD) Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: kozizoda_1997@mail.ru

About the author: **Shuhratjon Qozizoda Qozi** - PhD candidate at the Institute of History, Archaeology, and Ethnography named after Ahmad Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: kozizoda_1997@mail.ru

УДК 93/94 (575. 3)

**ВКЛАД АКАДЕМИКА Б. А. ЛИТВИНСКОГО В СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ¹**

УБАЙДУЛЛО Н. К.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Территория современного Таджикистана чрезвычайно богата археологическими памятниками истории и культуры, количество которых в настоящее время, согласно официальной переписи, насчитывает более трех тысяч. Планомерное археологическое изучение этих памятников началось достаточно поздно, фактически - с образованием Академии наук республики и ее научных центров, прежде всего Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша.

Пионером археологического центра в республике можно считать Комитет по археологии, который был создан на правах научного общества еще в 1930 году при Таджикском государственном научно - исследовательском институте (ТГНИИ). Именно по инициативе этого Комитета и с участием сектора истории Института в 1932 г. были проведены первые археологические обследования на территории столицы республики, древней террасы реки Душанбе [9, 21]. После перехода ТГНИИ в состав Таджикской базы Академии наук СССР был создан отдельный сектор истории и лингвистики.

Сектор в основном занимался изучением лингвистических вопросов и составлением словарей. И одной из первых научных публикаций Базы в сотрудничестве с Институтом востоковедения АН СССР стала разработка и издание собрания «Согдийских документов», найденных пастухом Джурали Мамадали в крепости на горе Муг в 1932 году, что и послужило отправной точкой будущих научных археологических исследований на территории современного Таджикистана

Систематическое и последовательное археологическое изучение территории республики началось в 1946 году, когда совместными усилиями Института истории материальной культуры АН СССР, Таджикским филиалом АН СССР и Государственным Эрмитажем была создана Согдийско -Таджикская археологическая экспедиция (СТАЭ) под руководством А. Ю. Якубовского, заложившего основы археологического изучения древнего Пенджикента. В 1949 году по его инициативе была создана специальная археологическая Уструшанская группа, которая приступила к изучению исторических памятников Северного Таджикистана.

В эти же годы на территории Южного Таджикистана изучение исторических памятников проводилось группой археологов под руководством А. М. Беленицкого, а на территории Горно-Бадахшанской автономной области - под руководством А. И. Бернштама.

¹ Основное содержание данной статьи было зачитано автором на Международной научной конференции «Археология и история древней Передней и Центральной Азии», посвященной 100-летию Б. А. Литвинского 17 апреля, 2023 г., г. Москва, ИВ РАН.

Между тем, отсутствие в республике единого археологического центра, который смог бы полностью координировать плановое изучение памятников Таджикистана и подготовку научных кадров, не позволило проведение более масштабной работы. Данный вопрос нашел свое решение после создания самостоятельной Академии наук Таджикистана в 1951 году, когда при ней были открыты новые институты и центры в области естественных, гуманитарных и общественных наук. В связи с этим, Институт истории, языка и литературы был разделен на два независимых научных учреждения. Главный центр исторической науки республики стал называться Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ).

Первым директором ИИАЭ был назначен известный ученый-востоковед, в частности, исследователь истории и культуры таджикского народа А. А. Семенов. По приглашению первого секретаря ЦК КП Таджикистана Б. Гафурова (1946-1956 гг.) и А. А. Семенова в Институт приехала большая группа видных ученых, в числе которых М. С. Андреев, А. Ю. Якубовский, М. Дьяконов, А. М. Беленицкий, А. Окладников, А. Мандельштам, Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Естественно, привлечение таких исследователей к научно-исследовательской работе способствовало быстрому темпу развития и роста Института, как главного и единственного центра по изучению истории таджикского народа.

В первые годы в Институте существовало три сектора - истории советского общества, археологии и этнографии. Организатором и первым заведующим сектором археологии и нумизматики стал 28-летний ученый Борис Анатольевич Литвинский, который находился на этой должности 20 лет (1951-1971 гг.). Вся его жизнь непрерывно была связана с Таджикистаном, а его научные интересы всегда преломлялись в свете интересов истории и археологии этой республики.

Сегодня, анализируя жизненный путь и научную деятельность академика Б. А. Литвинского можно смело констатировать, что в истории науки Таджикистана, среди тех имен, которые по праву получили мировое признание его имя прочно вписано как ученого-востоковеда, археолога, педагога и наставника. По утверждению его ученика, член-корреспондента НАН Таджикистана, профессора Хайдаршо Пирумшоева, по диапазону интересовавших ученого вопросов, охвату ими временного пространства, глубине анализа исторических проблем, ставших объектом пристального внимания исследователя в таджикской историографии древнего и средневекового периодов нет ученого, которого можно было бы поставить рядом с ним [7,409]. Не случайно, будущий академик Б. А. Литвинский и его жена Е. А. Давидович среди учеников, и вообще среди соискателей получил ласковое и уважительное прозвание «Муаллим и муаллима» [1, 33-37].

О жизненном пути и научных достижениях великого ученого написано множество отдельных трудов и научных статей, где все исследователи единогласно отмечают о том, что его научное наследие вошло в золотой фонд таджикской исторической науки. Его работы принадлежат к числу тех фундаментальных трудов, которым суждено надолго служить существенным подспорьем в работе многих настоящих и будущих исследователей.

Академик Б.А. Литвинский внес большой вклад в изучение многовековой истории таджикского народа, его перу принадлежит более 500 научных и научно-по-

пулярных работ, учебников и учебных пособий, в том числе и оригинальных монографических исследований [3]. Анализируя основные направления научно-исследовательского интереса академика Б. А. Литвинского, его ученик, всемирно известный археолог В. А. Ранов уже к 60-летию ученого определил 13 основных разделов в его научной деятельности [5, 12-22]. Другой его ученик профессор Х. Пирумшоев отмечает, что при всей многосторонности исследовательских интересов Б. А. Литвинского, следует выделить особо три главных магистральных направления в его научной деятельности - археология, история и историография. Каждое из этих направлений по охвату проблем можно подразделить на десятки самостоятельных вопросов, разработка которых приводила ученого ко многим открытиям и в общей своей совокупности составила тот огромный вклад, который внес ученый в развитие исторической науки в целом [7,414].

Поддерживая точку зрения этих ученых, следует отметить, что Б. А. Литвинский, тем не менее, свой длительный путь в большую науку начинал как археолог, как ученик знаменитого профессора М. Е. Массона, отцом среднеазиатской археологии. Будучи воспитанником кафедры археологии САГУ, он учился у таких крупных историков и востоковедов, как Б. Д. Греков, В. В. Струве, Л. В. Ошанин, А. А. Семенов, К. В. Тревер. В годы студенчества и учебы в аспирантуре Б. А. Литвинский познал суровую экспедиционную археологическую жизнь. «Именно в 50-е годы, - позднее напишет академик Б. А. Литвинский, - сложилось мое представление об археологе - полевице. Археолог должен быть высочайшим профессионалом, соблюдение методики работ должно быть его жизненным кредо» [8,7].

Как первый заведующий сектором археологии Института истории он сразу начал разработку и осуществление плана создания научно-исследовательского археологического центра. Уже в 1954 году вышла монография «Археологическое изучение Таджикистана советской наукой», в которой были сформулированы основные задачи исследований в области археологии Таджикистана. Он и его спутница жизни Е. А. Давидович вместе с молодыми сотрудниками и студентами университета объездили всю республику, открывая и исследуя все новые и новые археологические памятники [2,56-57]. Как руководитель экспедиции Хуттальского отряда, он начал работу в 1952 году в долине Вахша и Кулябской области. Через год он уже со своими учениками Э. Гулямовой, Т. Зеймаль, А. Бабаевым, В. А. Рановым работал в Хульбуке и на Кухна - Кале. Чуть позже к этой группе присоединились М. А. Бубнова, Ю. Я. Якубов, А. Л. Абдуллаев, В. С. Соловьев.

Таким образом, каждый год проводились многочисленные экспедиции с привлечением новых молодых исследователей и открытием новых и новых памятников. Особо следует отметить 60-70-е годы, когда стали проводиться крупные раскопочные работы под руководством Б. А. Литвинского, где он руководил вскрытием каждого кургана на могильниках, каждого помещения на городищах и поселениях. Прекрасная эрудиция и широкий кругозор позволили ученому-археологу провести комплексное изучение археологических памятников, ему принадлежат структуралистские методы при анализе древней религии, широкое использование семиотической методики и другие новации в археологии, впервые применённые в регионе. В секторе археологии были сформированы отряды, занимавшиеся специализированными направлениями, согласно этапам исторического развития.

За 20 лет работы в Таджикистане Б. А. Литвинский основал новую отрасль в науке республики – археологию, им были организованы систематические археологические исследования, воспитана целая плеяда известных ученых-археологов. По его инициативе с 1953г. начинается публикация ежегодных отчетов полевых исследований, вначале в «Докладах АН Таджикской ССР», а затем в отдельном ежегодном сборнике «Археологические работы в Таджикистане» [4, 297], который в этом году издает свой 44-й выпуск.

Б. А. Литвинский внес существенный вклад в исследование памятников эпохи бронзы, памятников кочевников, изучение античных городов и античной культуры, средневековых поселений и культуры этого времени, исследование памятников буддизма, его истории и культуры, историко-культурных связей Средней Азии и других стран зарубежного Востока, изучение этнографии и истории религии, изучение истории горного дела средневековой Средней Азии, исследование средневекового города и городской культуры, древней и средне-вековой архитектуры Средней Азии, создание обобщающих исторических трудов. В частности, он был автором и редактором первого школьного и вузовского учебника «Истории Таджикистана», который с 1959 г. неоднократно переиздавался на разных языках [6].

Анализируя его научную деятельность, В. А. Ранов отмечал, что Борис Анатольевич по роду своих занятий был археологом с высокой профессиональной подготовленностью, исследователем многих крупных археологических памятников Таджикистана, но по своим склонностям он более историк, чем археолог. И именно это счастливое сочетание двух близких профессий и сделало Б.А. Литвинского одним из самых значительных исследователей древнего периода истории Средней Азии [5, 22].

Выступая 23 октября 2009 года на расширенном заседании Ученого Совета Института востоковедения РАН, Президент Республики Таджикистан многоуважаемый Эмомали Рахмон, высоко оценил роль и вклад академика Б.А. Литвинского в развитие таджикской исторической науки, археологии, в разработку фундаментальных проблем истории таджикского народа и подготовку целой плеяды известных специалистов. Именно эти заслуги академика Б. А. Литвинского были оценены правительством Таджикистана, и 2 февраля 2009 года ученый был награжден государственной наградой Республики Таджикистан - орденом «Шараф» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акрамов Н. М. Муаллим и муаллима//Прошлое Средней Азии. - Душанбе: Дониш, 1987. -272 с.
2. Бобомуллоев С. История изучения археологических памятников Южного Таджикистана (XX- начало XXI). - Душанбе: «Истеъдод», 2010. - 272 с.
3. Выписка из постановления общего собрания АН Тадж. ССР//Личное дело академика Б. А. Литвинского/Материалы отдела кадров НАН Таджикистана.
4. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. 60-лет (1951-2011 гг.). Душанбе, 2014. - 448 с.
5. Искандаров Б. И., Ранов В. А. Вклад Б. А. Литвинского в изучение древнего прошлого Средней Азии//Прошлое Средней Азии. - Душанбе: Дониш, 1987. - 287 с.

6. Литвинский Б. А., Мухторов А., Казачковский В. А., Обидов И. История таджикского народа. Учебник для 8-10 классов, 1-7 изд. – Сталинабад-Душанбе, 1959 - 1965. - 217 с. (на тадж, русск, узб. языках); История Таджикской ССР: Учебное пособие для ВУЗов. -Душанбе, 1965.

7. Пирумшоев Х. Гордость исторической науки//Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа (Сборник избранных статей). Ч.1. – Душанбе, 2014. -528 с. -С. 409 - 421.

8. Прошлое Средней Азии. - Душанбе: Дониш, 1987. - 272 с.

9. Ранов В. А. Изучение каменного века Таджикистана//Доклад АН Тадж. ССР. – Сталинабад. 1953. –Вып. 9. –С. 20-23.

10. Хушкадамова Х. Известному российскому таджиковеду вручена высокая награда Таджикистана//Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар», 3 февраля 2009. - www-khovar-tj-atmist/.

НАҚШИ АКАДЕМИК Б. А. ЛИТВИНСКИЙ ДАР ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ИЛМИ БОСТОНШИНОСИИ ТОЧИК

Макола дар заминаи маърузаи илмии муаллиф дар Конференсияи байналмилалии илмии «Археология ва таърихи қадими Осиёи Пеш ва Марказӣ», ки ба ифтихори 100-солагии Б. А. Литвинский 17-уми апрели соли 2023 дар Институти шарқшиносии Академияи илмҳои Россия ироа гардида буд, таълиф шудааст. Дар он нақши академик Б. А. Литвинский дар ташаккул ва рушди бостоншиносии тоҷик, таъсиси шуъбаи бостоншиносӣ, омода намудани аввалин бостоншиносони маҳаллӣ, ба роҳ мондани таҳқиқоти муназзам ва пайвастаи археологӣ дар Тоҷикистон, кашфи ёдгориҳои нодир мавриди таҳлил қарор гирифтаанд. Таъкид ба он мешавад, ки кашф ва омӯзиши шумораи зиёди ёдгориҳои нодир бостоншиносии кишвар асосан марбут ба ном ва ҷаъолияти ин олими шинохта мебошанд.

Таҳлили ҷаъолият ва осори илмии Б. А. Литвинский нишон медиҳад, ки дар шахсияти ӯ илми тоҷик таърихшинос, таърихнигор ва бостоншиносро соҳиб буд. Дар баробари қорҳои бостоншиносӣ Б. А. Литвинский дар таълиф ва ба нашр расонидани осори бунёди оид ба таърихи ҷомеаи халқи тоҷик, аз ҷумла ду нашри асари «Таърихи халқи тоҷик», омода намудани аввалин китобҳои дарсӣ барои муассисаҳои таълимӣ, ташкил ва ба роҳ мондани нашри пайвастаи солномаи «Қорҳои бостоншиносӣ дар Тоҷикистон», баррасии масъалаҳои мубрами назариявии таърихи тоҷикон, масоили этникӣ ва этногенези тоҷикон нақши бориз гузоштааст.

Калидвожаҳо: *илм, таърих, бостоншиносӣ, Тоҷикистон, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ, академик Б. А. Литвинский, экспедитсияҳои бостоншиносӣ, ҳафрийёт, ёдгориҳои таърихӣ, таърихи халқи тоҷик.*

ВКЛАД АКАДЕМИКА Б. А. ЛИТВИНСКОГО В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Статья написана на основе научного доклада автора, на Международной научной конференции «Археология и древняя история Передней и Центральной Азии», посвященной 100-летию Б. А. Литвинского, которая проходила в Институте востоковедения РАН 17 апреля 2023 года. В нем анализируется роль академика Б. А. Литвинского в становлении и развитии таджикской археологии, создании отдела археологии, подготовке первых местных археологов, налаживании систематических и непрерывных археологических исследований в Таджикистане, открытии редких

памятников. Подчеркивается, что открытие и изучение большого количества необыкновенных археологических памятников страны во многом связаны с именем и деятельностью этого известного ученого.

Анализ деятельности и научных трудов Б. А. Литвинского показывает, что в его лице таджикская историческая наука имела одновременно ученого-историка, историографа и археолога. Наряду с археологическими работами Б. А. Литвинский непосредственно участвовал в подготовке сводных фундаментальных работах по истории таджикского народа, в том числе два издания «Истории таджикского народа», являлся редактором и автором одного из первых учебников для учебных заведений, организовал и обеспечивал постоянное издание ежегодника «Археологические работы в Таджикистане». Активно участвовал в изучении и решении важных теоретических вопросов истории таджикского народа, этнических вопросов и этногенеза таджиков.

Ключевые слова: наука, история, археология, Таджикистан, Институт истории, археологии и этнографии, академик, Б. А. Литвинский, археологическая экспедиция, раскопки, исторические памятники, история таджикского народа.

CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN B. A. LITVINSKY IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF TAJIK ARCHAEOLOGICAL SCIENCE

The article is based on the author's scientific report at the International Scientific Conference «Archaeology and Ancient History of Western and Central Asia», held in honor of the 100th anniversary of B. A. Litvinsky was presented at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences on April 17, 2023. The role of academician B. A. Litvinsky in the formation and development of Tajik archaeology, the creation of the Department of Archeology, the training of the first local archaeologists, the establishment of systematic and continuous archaeological research in Tajikistan, the discovery of rare monuments. It is emphasized that the discovery and study of a large number of rare archaeological monuments of the country are largely connected with the name and activities of this famous scientist.

Analysis of the activities and scientific works of B. A. Litvinsky shows that he had the knowledge of a Tajik historian, historian and archaeologist. Along with the works of archaeologist B. A. Litvinsky wrote and published fundamental works on the history of the Tajik people, including two editions of the «History of the Tajik People», prepared the first textbooks for educational institutions, organized and began the permanent publication of the yearbook «Archaeological Work in Tajikistan». A prominent role was played by the analysis of important theoretical issues in the history of the Tajiks, ethnic issues and ethnogenesis of the Tajiks.

Key words: science, history, archeology, Tajikistan, Institute of History, Archeology and Ethnology, academician B. A. Litvinsky, archaeological expedition, excavations, historical monuments, history of the Tajik people.

Маълумот дар бораи муаллиф: Убайдулло Насрулло Каримзода – директори Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониши АМИТ, доктори илм-ҳои таърих, профессор. Телефон:(+992) 938500010; E-mail: nasrullokarimovich@mail.ru

About the author: Ubaydullo Nasrullo Karimzoda - Director of the Institute of History, Archeology and ethnography named after A. Donish NAST, Doctor of Historical. Tel: (+992) 93-850-00-10; E-mail: nasrullokarimovich@mail.ru

УДК: 75. 057 (575.3)

**АХМАД МАХДУМ ДОНИШ – ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ОСНОВАТЕЛЕЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ КАЛЛИГРАФИИ МАВЕРАННАХРА¹****РАДЖАБОВ А.,****Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша**

Книжная культура таджиков, как и их литература, имеет многовековую историю. Будучи одним из древнейших этносов Центральной Азии, таджики проживали в южных оазисах этого региона, в таких известных крупнейших городах, как Бухара, Самарканд, Мерв, Балх, Герат и другие. Сведения о богатом письменном наследии таджикского народа, отражены в многочисленных письменных историко-литературных памятниках, начиная с древней Авесты до известных трудов, написанных на пехлевийском и персидском языках. В них имеются обширные сведения об истории народа, о государствах, династиях, культурных центрах, научных школах и художественных ремеслах, а также о классических книжных традициях таджикского народа [8,31-33].

Поскольку таджикско-персидская литература имеет с древних времен письменную основу, то это позволяет дополнить арабские средневековые источники по музыке новыми данными по истории каллиграфии народов восточных областей мусульманского мира. Изучение источников, которые хранятся в письменных хранилищах современного Таджикистана и Узбекистана и за ее пределами, дает возможность узнать о высокой культуре иранских народов (таджиков), как в древности, так и в средневековье – вплоть до конца XIX века. Особенно ценной является имеющаяся в них информация о многих выдающихся личностях, проживавших в городских центрах Центральной Азии (особенно Мавераннахра и Хорасана) [1,45-46].

В настоящей статье предлагается знакомство с еще одним выдающимся представителем таджикской интеллигенции конца XIX века Ахмадом Махдумом Донишем (1827-1897 гг.). Он выделялся своей многогранной деятельностью в качестве таджикоязычного (сам Дониш упоминает А. Р.) писателя (*navisanda*), поэта (*shoir*), музыканта (*musigidon*, *mutrib*) и ученого (*olim*), а также каллиграфа (*xattot*, *xushnavis*), книгосоздателя (*kitoboro*) и архитектора (*me'mor*, *muhandis*), художника (*musavvir*). Ахмад Махдум Дониш оставил неизгладимый след в культуре не только таджиков, но и всех среднеазиатских(мавераннахрских) народов [11, 26-27].

Фундаментальное изучение жизни и творчества Ахмада Махдума Дониша и подготовка к изданию его наследия имеют целью еще раз ознакомить широкий круг читателей его таланта, как яркого представителя таджикской (сам Ахмад Махдум Дониш пишет об этом в своей автобиографии А. Р.) культуры в Бухарском эмирате. Его творчество давно уже привлекает к себе внимание отечественных и западноевропейских исследователей. И это неслучайно, поскольку Ахмад Махдум Дониш является одним из последних основателей классической школы каллиграфии в Бухаре

¹ Мақола дар асоси лоихаи «Таърих ва назарияи санъати халқи тоҷик» рақами қайди давлатӣ 0121ТҶ 1221 навишта шудааст.

(Мавераннахре). На протяжении всей своей жизни он активно участвовал в культурной и общественной жизни Мавераннахра. Так, Ахмад Махдум Дониш не только оформлял книги, но и писал стихи (мы впервые подготовили его диван и опубликовали, Ахмади Дониш, Девон, Душанбе: Дониш, 2020 А. Р.) он написал более 20 книг, посвященные самым различным областям истории, науки и культуры. Его роль в культурной жизни Бухары (Мавераннахра) была значительна, поскольку им было сформировано в Бухаре собственное научно-литературное общество (*махфили Ахмад Махдум*). Вклад Ахмада Махдума Дониша в развитие научной, художественной и музыкально-литературной жизни города признается всеми, кто изучал культуру и историю Бухары [5,31].

Среди ученых, которые обращались к личности Ахмада Махдума Дониша и изучали его богатое и разнообразное наследие, были не только таджикские, но и русские и зарубежные исследователи (С. Айни, Е. Бертельс, А. Мирзоев, С. Улугзаде, З. Раджабов, Р. Хадизаде, Башири и др.). Но без сомнения наиболее значительный вклад в изучение жизни и творчества Ахмада Махдума Дониша как писателя, поэта (*shoir, navisanda*), историка (*muarrix, ta'rixdon*) и общественного, государственного деятеля (*maxdum, urog*), ученого (*olim*), астронома (*sitorashinos*), мастера-художника (*musavvir*), архитектора (*me'mor, muhandis*), каллиграфа (*xattot, xushnavis*), книгоиздателя (*kitoboro*) внес выдающийся таджикский писатель и ученый Садриддин Айни (1878-1954 гг.). Можно сказать, что Садриддин Айни является основоположником данной темы, которую он начал освещать в 30-40-е годы XX века) [2,12].

Мысль о необходимости заново воскресить имя Ахмада Махдума Дониша и его вклада в культуру, приобщив, таким образом, его наследие к числу сокровищниц классической таджикской культуры и сделав наследие великого ученого и творца доступным для широкого круга его почитателей, была основной идеей, которую ставил перед собой устод Садриддин Айни. Он воссоздал поэтапно биографию Ахмада Махдума Дониша, осветил его многогранную деятельность и установил его последователей - учеников. Кроме того, Садриддина Айни дал высокую оценку творчеству Ахмада Махдума Дониша, как одного из ярчайших представителей таджикской культуры XIX века, подчеркивая, что Ахмад Махдум Дониш явился реальным свидетелем той эпохи, в котором жил и творил мыслитель. Опубликованные на таджикском языке работы Садриддин Айни в значительной мере построены на цитировании исторических оригиналов - различных письменных источников, в том числе и произведений самого Ахмада Махдума Дониша. Эти сведения имеют первостепенную важность для наших и будущих исследований) [7,58].

Профессиональный уровень и объем знаний Ахмада Махдума Дониша Бухорои (1827-1897 гг.) позволяет смело отнести его к последним выдающимся таджикским энциклопедистам Мавераннахра. По своему происхождению и воспитанию он принадлежал к среднему сословию городских жителей, то есть к слою просвещенных ремесленников и высокообразованных людей Бухары. В этом великом старинном городе Ахмад Махдум Дониш рос и воспитывался. Из его биографии известно, что он учился в медресе, изучая все науки и традиционные, по тем временам, ремесла [каллиграфию (*xatu xushnavisi*), книгоиздание (*kitoboroi*), архитектуру (*me'mori, muhandisi*), музыку (*musigi, mutribi*)].

Здесь он также овладел в совершенстве арабским языком, и он пишет: «Я приобрел все эти познания, которых лишена значительная часть людей, не из книги, в результате долгих размышлений над каждым явлением, путем доискивания причин происхождения этих явлений. Вы знаете, что в нашей библиотеке было лишь несколько взятых на прокат книжечек по астрологии, на арабском языке и на фарси, а книг по лексике, искусству и богословию не было. Когда же мне захотелось овладеть официальными науками, которые в наше время состояли из хутбы и начальных глав других дисциплин, я обратился к частным и вакфным библиотекам, но не успевал я приступить к повторному чтению книги, как владельцы отбирали ее у меня...» [4,507-508].

В Бухаре Ахмад Махдум Дониш сформировался и как литератор (*adib*), и как художник-каллиграф (*xattot-musavvir*), и как поэт и писатель (*shoir, navisanda*), музыкант, знаток музыки (*mutrib, musigidon*), как ученый (*olim*) высокого уровня. Наряду с увлечением историей и литературой, он особенно прославился в качестве каллиграфа (*xatot, kitoboro*) и художника (*musavvir*). Ахмад Махдум Дониш приобрел известность виднейшего создателя книг (*kitaboro*) своего времени, а также проявил себя как архитектор (*me'tor-muhandis*). В своем труде «Наводир ал-вакое' (Редкостные события)» пишет: И вот как-то он назвал мое имя (эмир Насрулла А.Р.) и сказал: «Нет равных ему в искусстве рисования. Его волшебный калам соперничает с кистью Мони и Бехзада. Он также в совершенстве составляет письма, как официальные, так неофициальные». Эмир назвал меня и велел переписывать простым почерком книги по медицине и истории и определил за каждую рукопись десять дирхемов. Когда мой учитель - да простит его Аллах- покинул этот мир, эмир назначил меня на его должность и установил мне жалование в тысячу дирхемов. С раннего утра до вечера эмир заставлял меня просиживать во дворце и советовался со мной покойный учитель. Зодчие и художники приступали к работам лишь по моим указаниям» [8,33-36] он отмечает, что искусству письма – каллиграфии Ахмад Махдум Дониш сперва учился у отца и матери (*padar, modar* - оба были грамотными людьми) («Перед тем, как поступить в школу, я, благодаря своим способностям, научился дома, вместе с другими детьми, у своей матери азбуке, чтению и письму и даже рифмовал стихи, хотя в них и не было смысла. Я хорошо помню, как я писал и чертил каламом или карандашом геометрические фигуры на обмазанных глиной стенах»).

Впоследствии он самостоятельно расширил свои навыки в совершенствовании искусства каллиграфии, рисования. «Я жил у отца и был вынужден заниматься изучением арабского языка и единственным способ зарабатывать деньги была переписка книг. Я начал с переписки дивана Бедиля, так как к этому времени у меня уже неожиданно обнаружился красивый почерк, хотя я ни у кого не учился и не занимался самостоятельно. Я не располагал и не мог обратиться к другому занятию и зарабатывать деньги на базаре или в торговых рядах...». Ахмад Махдум Дониш не брал уроки у реальных мастеров каллиграфии, но он самостоятельно изучал работы предшествовавших мастеров, представителей разных школ Мавераннахра и Хорасана. Так он стал незаменимым мастером-ремесленником по искусству рисования и чертежам – *чадвалкаши* (*jadvalkashi*) и мастером, овладевшим навыком «золото-

бита и волочильщика золотой нити» *zarku, zarkash*). Особенно ценились работы Ахмада Махдума в искусстве создания книги. «Я после школы занимался перепиской и переписывал в месяц одну рукопись Бедиля из двадцати четырех- тридцати частей. За такую рукопись платили от двадцати до тридцати танга. Большую часть я откладывал про запас, а меньшую - тратил на себя». В это время он стал непревзойденным мастером каллиграфии, работающим в таких известных почерках, как *сулс, наста'лик, зулф и тугро (suls, nasta'lig, zulf, tugro)*.

Согласно источникам и автобиографическим работам самого Ахмада Махдума Дониша, после завершения медресе, он работал в канцелярии бухарского эмира Насруллы (1826-1860 гг.). Ахмад Махдум Дониш пишет: «Я начал заниматься этим ремеслом и всеми правдами, и неправдами в течение одного года изучил целиком это искусство. Я научился каламамом и циркулем выделывать все, на что были способны искусные мастера, и даже выработал свои правила и внес новшества в это искусство. Я хорошо чертил поля и заставки, красиво рисовал небо, дома, сады, животных, людей, птиц, рыб, степи и поля, горы, и реки в самых различных видах и положениях, умел высекать надписи на стенах домов разными почерками, как-то: сулс, райхан, зулф.

Целью всех моих стараний было то, чтобы превзойти других на тот случай, если бы эмиру захотелось построить медресе или ханаку и возникла бы необходимость в людях, искусных в названных ремёслах. Или же в случае, если эмиру захотелось бы заказать разукрашенную рукопись, чтобы исполнителем оказался я, и тем самым получил бы свою долю богатства...».

И в это время, наряду с выполнением разных работ в исполнительском аппарате эмира, по поручению и заказу правителя Ахмад Махдум Дониш оформил ряд произведений классиков таджикско-персидской литературы (Хафиза, Саади, Джалалатдин Балхи, Бедиля, Назима Хирати и других). Ахмад Махдум Дониш оставил после себя великолепные образцы работ в разных художественных стилях каллиграфии. Его письмо отличалось разнообразием цветовой гаммы, различными цветовыми сочетаниями и обильным применением золота (*halkori, zarkubi, jadvalkashi*). Все это придает его работам необычный сверкающий колорит. И он пишет: «Я умел прекрасно писать всеми почерками, но в последствии перестал ими пользоваться, ограничившись самым простым почерком, применяемым при письме, ибо цель в совершенствовании почерка – это или обучение других этому ремеслу или желание стать каллиграфом правителя. И то и другое было противно моей натуре, так как я не желал ссориться с глупцами или за кусок хлеба служить подлецам» [8,31].

Неслучайно устод Садриддин Айни в своих литературных и научных работах преподносит Ахмада Махдума Дониша как самого яркого представителя бухарской школы каллиграфии и книжной миниатюры XIX века. Писатель характеризует также в целом культуру оформления книги в Бухаре, как наиболее развитое искусство. Большинство людей той эпохи, как и Ахмад Махдум Дониш, считали себя образованными, если они владели искусством красивого письма. И каллиграфия была одним из излюбленных занятий интеллектуалов того времени.

Искусство художественной каллиграфии было связано с почитанием таджиками книги, как источника знания, а написание текста стало ее украшением. Еще на рубеже X – XI веков появилась пословица, которая воспроизводилась в письменных

текстах: «Письмо – это половина знания» («*xatt nisfi donish ast*»). Поэтому Ахмада Махдума Дониша стали окружать ученики, и он обрел не только известность, но и последователей [3,278-279].

Высоко ценил мастерство Дониша в качестве каллиграфа его современник – поэт и литературовед Афзал Махдум Пирмасти в своем труде «Антология поэтов» (*Tazkirat-ush-shu'ro*), когда писал: «Он /Дониш/ – из числа добродетельнейших и почтенных учёных мужей, с ранних дней детства и с началом юношеского взросления постоянно направлял свои мысли на высокие помыслы, на постижение различных наук посредством разума и созерцательного опыта. Он также чрезвычайно был сведущ в ремесле золотобита (*zarkubi*) и волочильщика золотой нити (*zarkashi*), каллиграфии (*khatoroi*), став художником высокого уровня (*tasvirgari, musavviri*). В наши дни по уровню мастерства в стилях «зулф», «наста'лик» и «сулс», а также в рисовании, ему нет равных. Представляется, что в Бухаре, где работал Ахмад Махдум, он являлся единственным мастером художественного письма в стилях «наста'лик», «зулф», «рейхан» и «сулс», что не было мастера наподобие ему, который исполнял бы столь орнаментальные почерки письма» [6,18-19].

Ахмад Махдум Дониш собрал и оформил художественно ряд поэтических сборников (диванов) классиков таджикско-персидской литературы. А свой трактат по музыке «Рисолаи Шашмаком» (1847) он написал, оформив текст в стиле каллиграфии *насталик* [*nasta'lig*] [9,82].

Ахмад Махдум Дониш не только в каллиграфии, но в изобразительной миниатюре раскрывался как незаурядный, выдающийся живописец XIX века. Например, его миниатюры к поэме Назима Хирати «Юсуф и Зулейха», как и в портрете прославленного таджикско-персоязычного поэта Бедила, и в сатирическом портрете миршаб [*mirshab*-надзиратель, градоначальник Бухары Мирза Анвара Кукнари] исчезла статика, появилось внутреннее движение, которое усиливалось живым и динамичным изображением персонажей. Художник (поэма «Юсуф и Зулейха» Назима Хирати, Диван Мирза Бедила) книги в самых разных жанрах: историческом, лирическом, бытовом. Поэтому для своей эпохи, по выражению устода Садриддина Айни, Ахмад Махдум Дониш «не только совершенствовал, наполнял новой жизнью старые темы, персонажи, но и создавал много новых своих высоко оригинальных тем, когда не находил их в прошлой традиции, но когда они были ему необходимы». Так, Ахмад Махдум Дониш обогатил таджикскую книгу новыми конкретными темами, ввел в нее эпизоды из повседневной жизни Бухары.

Хотя Ахмад Махдум Дониш был непревзойденным мастером искусства каллиграфии в Мавераннахре, еще не все его работы в этой области изучены и опубликованы. До сих пор не опубликованы его работы, выполненные в стилях каллиграфии «насах», «таб'лик», «зулф», «настаб'лик».

Ахмад Махдум Дониш, будучи творческим лицом проявлял новаторство и в сфере развития техники письма при оформлении книг (*kutuba-kiteba*), что рассматривается в работе Мирмухаммада Идрисходжа Роджи-и Бухорои (1880-1920 гг.) (*Tazkirat-ut-xatanin*- Тезкире о каллиграфии). Это имело большое практическое значение для развития книжной культуры Бухары XIX – начала XX вв. Ахмад Махдум Дониш создал свою школу каллиграфии, и в ней воспитывался ряд мастеров высокого класса такие, как Махдуми Абдулкарим, Махдуми Фатхи, Махдуми Мухаммад

и др. Ученики Ахмада Махдума Дониша тоже оставили яркий след в истории развития каллиграфии XIX – начало XX вв. О роли и вкладе Ахмада Махдума Дониша в своем тезкире Идрисходжа Роджии Бухорои так пишет:

Зи мирони бузургу мирзода,
 Зи махдумони сохибистифода.
 Вале дар зайл устодони котиб,
 Набошад номашон бурдан муносиб.
 Ваҳиди комилон Махдуми Аҳмад,
 Ки давлат дар камолаш буд сармад.
 Хаташ бар сафҳаи силки лолӣ,
 Найи килкаш зи шаққи на(у)кс холӣ.
 Зи тиббу ҳандаса шеъру нучумаш,
 Мусаххар бар сари мулки улумаш.
 Дар ин фанҳост зи тасниф машхур,
 Ки чашми нотавонбинон аз ӯ дур.
 Ба сурат чун қаландар лоуболест,
 Ба сират лек Афлотунмисолест.
 Кашид охир зи девони казо по,
 Ба боғе сарвосо дошт маъво.
 Дил осояд зи Иброҳиму Исҳоқ,
 Вале Исҳоқ дар ин фан бувад тоқ.
 Ду дар хатти чали ачливу хаффо,
 Ба ҳар як беҳтар аз дигар тавоно.
 Чу буданд низ аҳли шеъру тақрир,
 Рабуданд имтиёз аз килки таҳрир.
 Ба шеър аввал вале машҳури даврон,
 Ба хат сонӣ зи шеър афзун зи Қуръон.
 Бувад аз хатти қуръонии Исҳоқ,
 Мушаққар таъби хатбозони офоқ.
 Зи хайли котибони даҳр мумтоз,
 Надидам дар китобат боди анбоз.

Поскольку Ахмад Махдум Дониш был незаменимым мастером своего дела, то его работы пользовались большим спросом. Их приобретали за высокие цены большое число покупателей из числа правителей, элиты, интеллектуалы из Бухары, Мерва, Чарджуйя, Ташкента, Самарканда, Хивы, Маргилана и т.д.). О его мастерстве очень высоко отзывались его современники – поэты, литературоведы: Афзал Махдум Пирмасти, Иса Махдум, Мухаммадсиддик Хашмат (сын эмира Музаффар), Махдум Садр Сарир, Хамидходжа Савти и др.

Следует отметить, что в эпоху Ахмада Махдума Дониша трактатов по истории и теории каллиграфии было написано немного. Известно, что в XV – XVII вв. был написан ряд трактатов по истории и теории каллиграфии, таких авторов, как Низам ад-Дин Султани (более известный, как Султан Али Машхади, 1433-1520 - «*Risala-i khattoti*» – «Трактата о каллиграфии»), а также Сиддикхан Хашмат, Садри Зийа. И еще несколько трактатов анонимных авторов. Судя по сведениям из письменных источников, то такие почерки, как *tavgi*, *tugro. rogo*?, *kiteba*, получили дальнейшее развитие в XV – XVII веках, но в XIX веке Ахмад Махдум и его ученики применяли их

в новом формате. Так, Ахмад Махдум в период своей работы в канцелярии эмира Насруллаха, широко применял эти почерки в административной переписке, для приписок в приказах, корреспонденциях и прежде всего, для создания монарших грамот *tavginavisi* (*Roji-i Buxoroi*, *Tazkirat-ut-xatatin*).

Однако основное развитие искусства каллиграфии в Мавераннахре этого периода связывают с почерками насталик и зулф (*nasta'lig*, *zulf*), которые связывают с творчеством Ахмада Махдума и его учеников.

Подводя итог, можно сделать вывод, что Ахмад Махдум Дониш и его школа внесли весомый вклад в развитие науки, литературы, изящных искусств (каллиграфии, создания книг) в Бухаре и Мавераннахре в XIX веке. Творческий путь этого выдающегося представителя бухарских интеллектуалов можно разделить на два периода. Первый (1848-1860) — это его служба при эмире Насруллахе, когда Ахмад Махдум Дониш интенсивно работал и в науке, и в литературе, и в музыке, и в каллиграфии. Второй период в жизни Ахмада Махдума Дониша (1860-1885) выделяется после прихода к власти эмира Музаффера (1850-1885 гг.). В это время в деятельности Ахмада Махдума Дониша усиливаются европейские вкусы и веяния, которые не могли не оказать влияния на его научно-литературную деятельность. Начиная со второй половины XIX в. кардинально изменяется его мировоззрение. Ахмад Махдум Дониш становится беспощадным критиком системы правления мангытских эмиров и все больше уделяет внимания вопросам религии. Именно в этот период в его миниатюрах, особенно в портретах начали проявляться черты реализма, даже натурализма (ряд портретов с изображением местных чиновников-миршаба и казия, носит явно сатирический характер).

Что касается искусства каллиграфии, то Ахмад Махдум Дониш продолжал демонстрировать высокое мастерство в оформлении книг красивыми почерками. Ахмад Махдум Дониш и его ученики по праву могут быть причислены к бухарской школе каллиграфии. Они освоили много стилей каллиграфии и внесли весомый вклад в развитие этого искусства в Средней Азии в XIX веке [10,53].

Активная деятельность Ахмада Махдума Дониша в качестве основателя классической каллиграфической школы XIX в. в Бухаре говорит не только о масштабе его личности, но и открывает для исследователей новые данные о культурной жизни Мавераннахра при мангытских правителях. Память о выдающемся деятеле культуры Бухары, Ахмаде Махдуме Донише, сохраняется сегодня в Таджикистане. Так, именем Дониша в советское время в республике было названо ведущее академическое исследовательское учреждение, школы, улицы, скверы, книжное издательство. В 2017 г. в г. Душанбе была проведена международная научная конференция, посвященная 190-летию великого ученого, литератора, энциклопедиста, каллиграфа и художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айни С. Ёддошто. Ҷ.-4. -Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1954. -211 с.
2. Ахмад Махдуми Дониш ва хориқаи таърихии фарҳанги тоҷикон (маҷмуаи илмӣ). Мухаррири масбул А. Раҷабов. - Душанбе: Дониш, 2017. -555 с.
3. Додхудоева Лариса. Художественное творчество Ахмада Дониша в контексте ориентализма и оксидентализма//Ахмад Махдуми Дониш ва хориқаи таърихии фарҳанги тоҷик. -Душанбе: Дониш, 2017. - 555 с.

4. А. М. Дониш. Наводир-ул-вақоеъ. Китоби 2. - Душанбе: Дониш, 2017. - 953 с.
5. Мирзоев А. Аҳмади Дониш. - Душанбе: Дониш, 2017. - 115 с.
6. Мирмуҳаммад Идрисхоча Рочии Бухороӣ, Тазкират-ут-хатотин, Бухоро, 1889 (нусхаи шахсии А. Раҷабов). - 46 с.
7. Пирмастӣ Афзал Махдум, Тазкират-уш-шуаро, 1336 х. [ҷопи сангӣ]. - 187 с.
8. А. Раҷабов. А.М. Дониш - хаторо, китоборо ва мусаввир. –Д., Дониш, 2020. - 162 с.
9. Раҷабов А. Назаре ба сарчашмаҳои хаттии мусиқии замони Аҳмад Махдуми Дониш. - Душанбе: Дониш, 2017. - 180 с.
10. Раҷабов А. Аҳмад Махдуми Дониш ва фарҳанги мусиқии замони ӯ (нигоҳи таърихӣ, сарчашмашиносӣ ва назарӣ). - Душанбе: Дониш, 2022. - 301 с.
11. С. Улуғзода. Аҳмади Дониш. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1946. - 88 с.

АҲМАД МАХДУМИ ДОНИШ - ЯКЕ АЗ ОХИРИН АСОСГУЗОРони МАКТАБИ КЛАССИКИИ ХАТТОТИИ МОВАРОУННАҲР

Фарҳанги китобии тоҷикон мисли адабиёти он таърихи бостонӣ дорад. Тоҷикон аз қадимтарин қавмҳои бумии Осиёи Марказӣ буда, дар марказҳои бузурги фарҳангии шаҳрҳои Бухоро, Самарқанд, Марв, Балх, Ҳирот ва ғайраҳо зиндагӣ мекарданд. Аз ҷумла, забон, адабиёти тоҷику форс заминаи устувори хаттӣ доранд, ин имкон медиҳад, ки маъхазҳои асримиёнагии доир ба таърихи хатту хушнавӣ – китоборӣ амиқтар омӯхта шаванд.

Омӯзиши сарчашмаҳои, ки дар захираҳои хаттии Тоҷикистону Ўзбекистон ва берун аз марзи он маҳфузанд, гувоҳӣ медиҳанд, ки фарҳанги бойи хатту китоборӣ тоҷикон чи дар асрҳои миёна (аз он ҷумла, то охири асри XIX) нисбатан кам таҳқиқ шудаанд.

Дар мақолаи мазкур саҳму ҷойгоҳи намоёндаи барҷастаи тоҷик, алломаи Машриқзамин Аҳмад Махдуми Дониш (1827 - 1897) на фақат ҳамчун нависанда, шоир, мусиқидон, энциклопедист, олим, инчунин хаттот, китоборо, меъмуру рассоми камназир дар таърихи фарҳанги тоҷикон - Мовароуннаҳр бар пояи сарчашмаҳои хаттӣ ба риштаи таҳқиқ кашида шудааст.

Калидвожаҳо: *Аҳмади Дониш, энциклопедист, шоир, нависанда, муаррих, мусиқидон, мактаб, Мовароуннаҳр, хаттот, хушнавӣ, классик, китоборо.*

АҲМАД МАХДУМ ДОНИШ – ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ОСНОВАТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ КАЛЛИГРАФИИ МАВЕРАННАХРА

Книжная культура таджиков, как и их литература, имеет многовековую историю. Будучи одним из древнейших этносов Центральной Азии, таджики проживали в южных оазисах этого региона, в таких известных крупнейших городах, как Бухара, Самарканд, Мерв, Балх, Герат и другие. Поскольку таджикско-персидская литература имеет с древних времен письменную основу, то это позволяет дополнить арабские средневековые источники по музыке новыми данными по истории каллиграфии народов восточных областей мусульманского мира.

Изучение источников, которые хранятся в письменных хранилищах современного Таджикистана и Узбекистана и за ее пределами, дает возможность узнать о высокой культуре иранских народов (таджиков), как в древности, так и в средневековье – вплоть до конца XIX века.

В настоящей статье рассматривается роль и место Ахмада Махдума Дониша (1827-1897 гг.), как одного из последних основателей классической школы каллиграфии Мавераннахра.

Ключевые слова: *Ахмади Дониш, энциклопедист, поэт, писатель, историк, знаток музыки, Мавераннахр, каллиграфия, каллиграф, книгоиздатель.*

AHMAD MAKHDUM DONISH - ONE OF THE LAST FOUNDERS OF THE CLASSICAL SCHOOL OF CALLIGRAPHY OF MAVERANNAHR

The book culture of Tajiks, like their literature, has a long history. Being one of the oldest ethnic groups in Central Asia, the Tajiks lived in the southern oases of this region, in such well-known major cities as Bukhara, Samarkand, Merv, Balkh, Herat and others. Since the Tajik-Persian literature has had a written basis since ancient times, this makes it possible to supplement the Arabic medieval sources on music with new data on the history of calligraphy of the peoples of the eastern regions of the Muslim world.

The study of sources that are stored in the written repositories of modern Tajikistan and Uzbekistan and beyond, makes it possible to learn about the high culture of the Iranian peoples (Tajiks), both in antiquity and in the Middle Ages - up to the end of the 19th century.

This article discusses the role and place of Ahmad Makhдум Donish (1827-1897) as one of the last founders of the classical school of calligraphy of Maverannahr.

Key words: *Ahmadi Donish, encyclopedist, poet, writer, historian, music connoisseur, Maverannahr, calligraphy, calligrapher, book creator.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Аскаралӣ Рачабов** – доктори илмҳои таърих, профессор, мудири Шуъбаи таърихи санъати Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониш. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. Тел. (+ 992) -93- 988-64-88; (+3772) 221-28-06 (корӣ). E- mail: askarali.44@mail.ru

Information about the author: **Askarali Radzhabov** - doctor of historical sciences, professor, head of the art history department of the Institute of history, archeology and ethnology named after Ahmadi Donish, address: 734025, Dushanbe city, Rudaki avenue, 33. Tel. (+992) -93-988-64-88; (+3772) 221-28-06 (work). E-mail: askarali.44@mail.ru

УДК-911.3 (575.3) «08/09»

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ «АЛЬ-БУЛДАН»-А (КНИГА СТРАН) Я‘КУБИ В ОПИСАНИИ ГЕОГРАФИИ ВЕЛИКОГО ХОРАСАНА¹

Некруз САФАРЗОДА,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Труды средневековых географов Востока, большинство авторов которых были таджиками, являются ценным сокровищем в истории мировой науки. Одним из них является труд «аль-Булдан» Ибн Вазиха Я‘куби – знаменитого географа IX века. Я‘куби (дата смерти ок. 897) принадлежал к знатному роду, близкому к Аббасидам, и сам некоторое время служил при дворе Тахиридов Хорасана (821–873). Поэтому исследование его сочинений имеет особое значение в выяснении некоторых важных вопросов средневековой истории таджикского народа, и в целом Великого Хорасана.

Я‘куби упоминается в исторических трудах под разными именами и проз-вищами. Его полная фамилия – Ахмад ибн Аби Я‘куби ибн Вазих Я‘куби Исхак ибн Джафар ибн Вахаб ибн Вазих, Катиби Аббаси Исфакхани. В большинстве случаев в различных источниках в его фамилии упоминается также Багдади и Мисри, в связи с чем некоторые предполагали, что речь идет о разных личностей [3,151; 5, 141; 14, 1126]. В частности, Саалиби и Якут упоминали его как поэта под именем Ахмад ибн Вазих. Во многих научных работах [1;2;3;9] Я‘куби называют арабским географом, однако, по достоверным источникам, он был таджиком (иранцем) родом из Исфакхана [5, 9–10; 10, 136].

Имя Я‘куби в такой форме не встречается ни в одном историческом источнике. Имя Ахмада ибн Вазиха стало известно как Я‘куби, после того как его труды были исследованы и опубликовано европейскими учёными.

Дед Ахмада Я‘куби – Вазих (Вадих) был служащим при дворе халифа Мансура Абулаббас Саффаха (750–754 гг.), и при власти последнего стал правителем Армении, Азербайджана, а затем и Египта [3,151]. Когда второй аббасидский халиф Абу Джафар Мансур (754 –775 гг.) начал строительство Багдада город был основан 30 июля 762 г), он поручил надзор за работами, связанные с каждым из четырех районов, находившихся с внешней стороны городской стены, одному инженеру и нескольким другим лицам. Сектор от «Баб-аль-Куфа» до «Баб-аль-Шам» и от «Шари аль-Анбар» до квартала Харба ибн Абдуллы было поручено Сулайману ибн Маджалиду и помощнику халифа Вазиху (третьему прадеду Я‘куби и инженеру Абдуллаху ибн Михразу. То есть дед Я‘куби был одним из строителей-основателей Багдада, и по этой причине одна из улиц Багдада в то время называлась «Вазих», а один из его кварталов – «Вазих и его дети» [5, 8].

Сам Я‘куби родился в Багдаде и большую часть жизни прожил в Армении, а затем в Хорасане. Он также некоторое время жил в Индии и Палестине, а последние

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа» (III – начало XX вв.), номер государственной регистрации 0121TJ 1211.

годы своей жизни провел в Египте и Магрибе под покровительством династии Тулунидов (868-905) [3, 151; 7, 475; 14, 1152].

Дата смерти Я'куби упоминается в различных исторических источниках по-разному – 897, 900, 903, 905 гг. [3, 151; 5, 11-12; 7, 544]. В большинстве источников и трудов по истории дата его смерти указан 897 год, что в основном цитируется из сочинений Я'куби [12]. Однако 905 год ближе к реальности, поскольку в приложении его труда «аль-Булдан» помещен стихотворение Я'куби об упадке Тулунидского государства в Египте, произошедшем в 905 году, [5, 153–154]. То есть, если бы Я'куби не был свидетелем упадка Тулунидского государства, его высказывания по этому поводу было бы невозможно.

Как и большинство средневековых ученых, Я'куби имел множество работ, не дошедших до нашего времени. Номенклатура его произведений определен по его же высказываниям в сохранившихся произведениях или на основе сведений других писателей. По имеющимся сведениям, известными трудами Я'куби были: «Победы Тахира ибн Хусейна и его деяния», «География Византийской империи», «История африканских завоеваний», «Ахбар аль-умамиль-Салафа», «аль-Масалик ва-ль-мамалик», что, по мнению некоторых, была отдельной книгой кроме «аль-Булдан»-а, «Мулюк-ар-Рум», которую Я'куби написал в Армении и до 882 года, «Машакилят-ан-нас ли заманихим», которая была издана в Бейруте в 1962 году, «История Я'куби», «аль-Булдан», которого Якут упоминал по имени «Асма-аль-Булдан» [1, 5; 5, 12–13; 10]. Если учитывать слова самого автора, которые говорит в предисловие книги: «...это книга является кратким изложением сведений о странах», – то правильное название труда «Мухтасар-аль-ахбариль-Булдан» (Краткое изложение о странах) [5, 17].

Книга «аль-Булдан» не дошла до нас в полном объеме. В частности, важная ее часть, включавшая сведения о Басре, Центральной Аравии, Индии, Китае, Руме (Византии) и Армении не сохранилось. В переводе труда указаны места, где текст сочинения утерян [5, 13, 107].

«Аль-Булдан» Я'куби – самая старая географическая книга, написанная на арабском языке, дошедшая до наших времен. Относительно даты сочинения труда, нет единого мнения, принятого всеми исследователями. Анализ в данном случае выходит за рамки нашей статьи, поэтому мы принимаем относительно распространенное в этом отношении мнение, согласно которому год сочинения произведения считается 891–892 г. Эта дата соответствует путешествию Я'куби в Армению, Хорасан, Индию и Египет, что кажется логичным. Также аргументом принятия даты сочинения «аль-Булдана» в 891–892 годах могут быть слова самого автора – Я'куби, который пишет: «Прошло пятьдесят пять лет с тех пор, как Самарра [столица Аббасидов в 836–892 гг] была построена и заселена до даты сочинения «аль-Булдана» [5, 13, 40].

Часть книги, связанная с Магрибом, была опубликована в 1860 году усилиями голландского востоковеда и историка Михаэлом Ян де Гуге (1836–1909) и это была первая в мире статья, опубликованная о Я'куби. Вся книга была впервые опубликована в 1861 году голландским учёным Джайнболлом. Второй раз в 1891 году, книга была издана в полном виде в составе сборника географических трудов по усилиям М. де Гуге в Лейдене [1,5].

На основе одной из двух европейских изданий, с кратким предисловием и без оглавления «аль-Булдан» был издан в типографии «Хайдария» города Наджаф (Ирак), который по сути являлся четвертым изданием этого труда. В 1937 году французским востоковедом Гастон Витом (1887–1971) «аль-Бульдана» был переведен на французский язык и опубликован.

Рукопись, на основе которой в Европе был издан «аль-Булдан» относится к 1229 году. По словам И. Ю. Крачковского, единственную известную рукопись «аль-Булдана» привез с Востока профессор Петербургского университета А. Мухлинский (1808–1877), она сейчас хранится в Мюнхене. Вторая рукопись принадлежит востоковеду Ф. Керну (1874–1921), которое хранится в Берлинской государственной библиотеке, и до сих пор не исследована [3, 151].

В 1964 году иранский учены Мухаммад Ибрахим Аяти перевел «аль-Булдан» Я‘куби на персидский язык. Для перевода им были выбраны первое и второе издания Де Гуге и издание Наджафа. Персидский перевод книги был переведен на кириллицу (таджикский) автором данной статьи в 2022 году и использован при сочинении настоящей статьи [5].

Общее содержание, освещение темы и основные вопросы своей работы были очень хорошо объяснены Я‘куби во введении. Читая его, читатель «аль-Булдана» уже понимает ценность произведения и степень доверия к сочинениям автора, а также использованным им источникам и документам. И. Ю. Крачковский в своем труде почти в полном объеме излагает предисловие Я‘куби [3, 151-152], однако мы ограничимся кратким описанием необходимого нам его содержания.

В этой части работы Я‘куби указывает, что за время своих многочисленных путешествий и жизни он собрал большое количество географических, исторических, этнографических, экономических, и т.п. сведений и написал «аль-Булдан». Ему по опыту стало известно, что человек не может достичь конца познания и дел, поэтому если кому-то известны сведения, которые он не упомянул в своей работе, он должен знать, что целью автора не было охватить все. Как говорит сам Я‘куби: «И сказал мудрец: Мое стремление к знаниям не с целью того, что я хочу достигать его крайних пределов и глубокого дна, а в том, чтобы познать, чего не следует знать и что недостойно мудрому» [5,16–17].

«И я упомянул названия стран, регионов и областей, а также то, что есть в каждой стране из городов, краев и областей, и всех, кто из арабских племен и народов Аджама поселился там, живет и имеет преимущество и власть. Также упомянул расстояние между странами и городами, и того кто из полководцев ислама их покорял эти места, и история того, в каком году и в какое время это было, и размер дани, и ее равнины и горы, и ее пустыня и ее реки, и ее погода в в степени тепла и холода, и ее воды и питьевая вода» [5,17-18].

Около четверти содержания «аль-Булдана» посвящено Багдаду и Сарманраю [5, 19-52]. По словам Я‘куби: «...Я начал с Ирака, потому что это центр мира, и я упомянул Багдад, потому что он расположен в центре Ирака, и это также великий город, который с точки зрения широты и величия и благоустройства, процветания, изобилие воды и приятного воздуха уникальна на востоке и западе земли. И еще причина в том, что там поселились люди из разных стран и городов, и они переселились туда со всех дальних и ближних стран, и все люди, которые живут вокруг предпочли его

своим родинам. Следовательно, нет людей с какой-то страны, которые не имели бы там свой квартал, торговлю или не посещали бы его [Багдад]. Еще, потому что, здесь жили мои предки и один из них имел дело с его строительством» [5, 19].

Таким образом, сведения о Багдаде очень важны для изучения исторической географии Хорасана, поскольку его упоминание о районах, населенных хорасанцами, указывает на роль наших предков в политике и военной сфере, культуре и науке и других областях жизни центра Аббасидского халифата и на некоторые важные события, связанные с историей Хорасана того же периода.

В частности, Я'куби при описании районов и окрестностей Багдада упоминает «Ворота Хорасана». Им также описан квартал «Баб-аш-Шам», где его дед Вазих был среди ответственных за его строительство. Упомянув большой базар и его окрестности в квартале «Харб ибн Абдуллаха Балхи» Я'куби пишет: «...и теперь в Багдаде нет более широкого или большего района, или с большим количеством проходов и рынков, чем этот район, и его жители – народы Балха, Мерва, Хуталья, Бухары, Ишибаба, Иштаханджа, Кабулшаха и Хорезма» [5, 32].

При описании другой столицы Аббасидов – Сарманра (Самарра), Я'куби также упоминает об участках Афшина Уструшани, усрушанцев, хорасанских полководцев и их сподвижников, а при описании квартала под названием «Хаир» говорит: «и разные люди из числа ферганских полководцев и усрушанцев, иштоханцев и жителей из других районов Хорасана там поселялись» [5, 44, 47].

Эти изложения Я'куби указывают на два факта. Во-первых, в Багдаде и Самарре таджики (хорасанцы) из разных районов проживали в одном квартале и прилегающих улицах. Во-вторых, во времена Я'куби наряду с Балхом, Мервом и Кабулом видимо такие области как Бухара, Фергана, Усрушана, Хуталь, Исфиджаб и Хорезм административно являлись частью Хорасана.

Другим интересным и важным сведением Я'куби в этой части его труда является упоминание об изолированном квартале проживания тюрок, где пишет: «...и он отделил земельные участки тюрок от других народов держал их в удалении этих от них, чтобы не было возможности их смешивания с другими народами...» [5, 43].

Эти слова Я'куби указывают на то, что в тот период тюркские народы почти не имели родственных отношений с другими мусульманами, в том числе с коренными народами Мавераннахра и Хорасана. Также, эти сведения в «аль-Булдане» опровергают предположения о том, что коренные жители таких древних областей Трансоксании как Ферганы и Согда имели тюркское происхождение или были родственны к тюркам.

Я'куби, как и другие средневековые географы, делит землю на четыре части: восток, юг, север и запад, и начинает описание после Багдада и Самарры с провинции Джибаль (Персидский Ирак, Ирак-аль-Аджам). Первым районом Хорасана, по мнению Я'куби является Кумис, центральным городом которого был Дамган. Налоги (харадж) этого района причисляются как часть налогов Хорасана. Он также упоминает Табаристан среди областей Хорасана, однако указывая на его относительную независимость, не говорит, что подати этой области причисляются к Хорасану или нет [5, 61–62].

В отличие от Я'куби, Ибн Хордадбех упоминает регионы Табаристан и Кумис в разделе описания Джибалия. Налоги двух первых областей также упоминаются им в

том же разделе [6, 39]. Истахри упоминает Кумис и Горган в разделе, посвященном Дейлему и Табаристану [11, 214-224].

Такое различие возможно является признаком административно-территориальных изменений, которые часто происходили в Аббасидском халифате в связи с разными обстоятельствами [18, 136, 137].

В описании Кумиса и Табаристана Я'куби в частности пишет: «И Кумис город большой и славный, и название [центрального] города его – Дамган, и город этот – первый из городов Хорасана... И жители его – из народов Аджамы, великие мастера, являются самыми искусными людьми в пошиве дорогих кумисных шерстяных одежд. А сумма его сборов достигает двух миллионов пятисот тысяч дирхамов, без учета того, что входит в состав хорасанского сбора.

А область, что находится вблизи реки Дейлем со стороны Хорасана, после Рея ведет в Табаристан, а город Табаристана – это Сария... А до второго города Табаристана, то есть того самого города, который называется «Амуль», два манзиля (станции), а город Амуль находится на реке Дейлем. А Табаристан – независимая область, это великолепная страна, и ее царя зовут «Сипахбед», и это земля Мазияра... это имеющий много озер и стабильных рек, и ее люди – знать и семьи царей Аджамы, и это самый красивый народ [5, 61, 62].

Далее описаны другие города и районы Хорасана – Нишапур, Горган, Тус, Серахс, Мерв, Бушендж и Бадгис с указанием суммы их сбора. По словам Я'куби: «Нишапур – это обширный регион со множеством округов, включая Табасаин, Кухистан, Неса, Абивард, Абаршахр, Джам, Бахарз и Тус, а большой город Туса называется Нукал, а Зувзан и Асфараин находятся на пути в Горган.... Нишапур был завоеван Абдуллою ибн Амиром ибн Курайзом во время халифата Османа в тридцатом году хиджры. Его население представляет собой смесь арабов и аджамов, а питьевая вода поступает из источников и рек. А его сбор достигает четырех миллионов дирхамов, и она включена в сбор Хорасана и подчиняется ему во всем [5, 63, 64].

В этом разделе книги есть сведения о том, что «жители Мерва являются «знатью из дихканов Аджамы», и упоминается о совершении грабительских набегов тюрками на крепостей городов, которые находятся вблизи великой пустынной дороги: «...в каждой стоянке есть крепость, где жители того места укрываются от набегов тюрков, потому, что тюрки часто совершают ночные нападения на некоторые из этих мест... Мерв, который является важнейшей провинцией Хорасана.. и люди Мерва – это знать из числа дехканов Аджамы, а также люди из арабов из (племен) азда и тамима и других, живут в нем.

И здесь жили правители Хорасана, и первым из правителей кто поселился там, был М'амун, а затем и те, кто позже был назначен наместником Хорасана, пока Абдуллах ибн Тахир не поселился в Нишапуре.

А питьевая вода населения Мерва – из протекающих источников и из рек. И его налоги включены в состав сборов Хорасана, и здесь изготовятся знаменитые хорасанские костюмы» [5, 64].

Таким образом, сведения Я'куби указывают на то, что, население Мерва и подчиненных ему районов были таджиками, а тюрки всякий раз, когда считали нужным для грабежей, совершали набеги на села и районы, граничащие с пустыней и находящиеся вблизи основного караванного пути.

Также область Герата, которая являлась административной единицей и одним из центров Хорасана упоминается не отдельно, а в продолжении описания Мерва. Однако, упоминает Бушандж (Пушанг) в отдельности и пишет: «это область Тахира ибн Хусейна... И население ее представляет собой смесь народов Аджамы, арабов там не много» [5, 65]. Возможно, отдельное описание Бушанджа связано с тем, что в эпоху Тахира одним из центров Хорасана был Бушандж, а не Герат. Вероятно, такое положение город Бушандж приобрел за то, что был родиной династии Тахиридов.

Далее излагается более подробная информация о Систане (Сеистане), его правителях и периода подчинения Хорасану. Говорится, что 10 миллионов дирхамов сбора Систана распределялась между войском, стражами и пограничниками этого региона [5, 68, 70].

Якуби упоминая Керман в части описания областей Хорасана, пишет, что она граничит с Макраном и Индией на востоке, давая подробности следующим образом: «А Керман находится на правой стороне Систана вместе с Джузджаном, и самый большой город Кермана – Сирджан, и это укрепленный и великолепный город, который является родиной храбрых героев, и его города и крепости включают Байменд, и Ханнаб, и Кухистан, и Карастан, и Магун(и) Тамаскан, и Сарвистан, и замок Бам, и Мануджан, и Нармашир [5, 71]. В других географических трудах этого периода Керман описывается как отдельная провинция, граничащая с Хорасаном на юго-западе [6, 40; 11, 161].

Якуби описывает область Балха более подробно, где встречается как исторические, так и географические сведения. В частности, Якуби упоминает горные районы современного юга и центра Таджикистана до границ Китая и Туркестана среди подчиненных Балху областей и называет их Верхним Тохаристаном. О Балхе пишет следующее: «а город Балх – самый большой город Хорасана, и там жил царь Хорасана Шах Тархан. И это великий город, который имеет две стены, стена сзади... а в предыдущие времена стен было три... у него двенадцать ворот, и сказано, что город Балх – это середина Хорасана, и оттуда до Ферганы тридцать стоянок на восток, до Рея тридцать стоянок на запад, до Систана тридцать стоянок в направлении Киблы, и до Кабула и Кандагара тридцать стоянок, и до Кермана тридцать стоянок и до Кашмира тридцать стоянок, и до Хорезма тридцать стоянок, и до Мултана тридцать стоянок... А «Наубахар», который является жилищем Бармакидов, находится на окраине города, и от ворот города до ворот напротив него один фарсахов (прим. 6 км), следовательно, площадь города составляет три мили на три мили. А у Балха семьдесят четыре минбара (кафедры), они есть даже в небольших городах [5, 72, 73]. Интересная информация в этом разделе книги заключается в том, что районы Кеш, Нахшаб, Кубодиан, Вахш, Хульбук, Ахарун, Рашт, Кумад и Памир упоминаются как подчиненные районы Балхской области Хорасана.

Якуби нигде не использует название Мавераннахр. В самом конце описания областей Бухары, Самарканда, Уструшаны, Ферганы, Худжанда, Чача и Исфиджаба говорится, что они находятся вблизи главной дороги и подчиняются Самарканду. В частности, Якуби называет Исфиджаб «окраиной Самаркандской провинции», за пределами которого начинается «страна тюрков» [5, 78-79]. Эти сведения Якуби указывают на то, что во время правления Тахиридов Мавераннахр не была отдель-

ной и независимой от Хорасана административно-политической единицей. Саманиды на самом деле были наместниками Тахиридов в некоторых ключевых регионах Мавараннахра, в которых правили.

Далее идет раздел, о наместников Хорасана, в котором кратко освещаются важнейшие политические события в Хорасане со времен правления халифа Усмана ибн Аффана (644 - 656 гг.) до начала приходи к власти Амра ибн Лейса (879 г.). Географического описания городов и районов Хорасана в этом разделе нет. Упоминается только покорение некоторых регионов в связи с политическими событиями, в том числе в результате походов наместников Хорасана. Однако, если сравнить с другими заглавиями, которые затрагивает в своей работе Я'куби, то такую отдельную главу он посвятил только про наместников и правителей Систана и Хорасана. Его сведения в этой части книги действительно ценны для выяснения событий, которые имеют отношение с историей Великого Хорасана.

В конце раздела есть сведения о правлении Тахиридов в Хорасане, где говорится: «Таким образом, семья Тахира – правителей Хорасана находились у власти пятьдесят пять лет, за время которого пятеро из членов этой династии правили Хорасаном... Сумма годового сбора со всех регионов Хорасана, кроме одной пятой подати, которую отправили с приграничных регионов, составила сорок миллионов дирхамов, и род Тахира тратили все это так, как считали нужным, и вдобавок к этим еще тринадцать миллионов дирхамов были отправлены им из Ирака кроме подарков» [5, 92].

По словам И. Ю. Крачковского по степени научной достоверности географический труд Я'куби занимает тоже место, которые имеют географические труды классической школы X века. В нем не встречаются «*mirabilia*» (удивительные, чудесные) сведения, которые часто замечаются в работах других авторов [3, 154].

В других географических трудах упоминаний о Я'куби не так много, но такие известные географы, как Идриси, Якут и Абульфида, цитируя слова Я'куби, считали его доводы достоверными.

В заключение отметим, что одна из особенностей «аль-Булдана» Я'куби в описании географии Великого Хорасана состоит в том, что он дает читателю общее и относительно полное представление о каждом районе и регионе этого края. Автор не ограничивается описанием путей и расстояний между городами, а излагает свои сочинения в научно-популярном стиле, который со своеобразным аргументированием и обоснованностью на рациональные доказательства отличается от других географических работ и имеет превосходство над некоторыми из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bibliotheca geographorum arabicorum. Ed. M.-J. de Goeje. T. 1–8. Lugduni Batavorum, 1870–1894.
2. Бартольд В. В. Работы по исторической географии и истории Ирана//Соч. Т. 7. -М., Наука, 1971. – 661 с.;
3. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, том 4, Арабская географическая литература. - М., 1957, – 928 с.
4. Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии//Соч. -Т.2. Ч.1. -М., ИВЛ, 1963. – 1024 с.

5. Аҳмад ибни Абиъқуб ибни Возеҳ ал-Яъқубӣ. Ал-Булдон. Тарҷимаи доктор Муҳам-мадиброҳими Оятӣ. Баргардонкунанда аз хатти форсӣ ба кириллӣ Некрӯз Сафарзода. Сарредаксияи илмӣ Энсиклопедияи миллии тоҷик, - Душанбе, 2022. –220 с. ISBN 978-99986-0-013-6.
6. Ибни Хурдодбех Убайдуллоҳ ибни Абдуллоҳ. Масолик ва мамолик. Тарҷумаи Саъид Хокранд. Баргардонкунанда аз хатти форсӣ ба кириллӣ Некрӯз Сафарзода. Сарредаксияи илмӣ Энсиклопедияи миллии тоҷик, Душанбе, - 2022. –232 с. ISBN 978-99986-0-012-9.
7. Аҳмад ибни Исҳоқи Яъқубӣ (Ибни Возеҳи Яъқубӣ. Таърихи Яъқубӣ. Ҷилди II. Мутарҷим Муҳаммад Иброҳими Оятӣ. Ширкати интишороти илмӣ ва фарҳангии «Меҳрон». -Техрон, 1387. – 644 с.
8. The Encyclopedia of Islam. Vol. 4. Edited by: Lewis, Menage, Pellat, Schacht, E. j. Brill, Leiden, 1986, P. 839.
9. Табарӣ Муҳаммад ибни Ҷарир. Таъриху - р - русул вал мулук. Дар 8 китоб. – Душанбе, 2014.
10. Ёкути Ҷамаии Бағдодӣ. Тарҷумаи «Муъҷаму - л - булдон». Китобхонаи онлайнӣ Tarikheslam.com@gmail.com. Ҷилди 1, –1064 с; ҷилди 2 –990 с.
11. Истаҳрӣ Абуишҳок Иброҳим. Масолик ва мамолик. Тарҷумаи Муҳаммад ибни Асад ибни Абдуллоҳи Тустарӣ. Ба кӯшиши Эраҷи Афшор. - Техрон, 1373 х.ш. –580 с.
12. Муқаддасӣ Муҳаммад ибни Аҳмад. Аҳсану-т-тақосим фӣ маърифати-л-ақолим. Тарҷумаи Алинақии Мунзавӣ. - Техрон, 1361 х. ш.
13. Абулҳасан Алӣ ибни Ҳусайни Масъудӣ. Муручу-з-заҳаб ва маъодину-л-ҷавҳар. Ҷилди дуввум. Тарҷумаи Абулқосими Поянда. Бунгоҳи тарҷума ва наشري китоб. Чопи дуввум, 1356 х. ш., - 617 с.
14. Алиакбари Деххудо. Луғатнома, ҷ-2, чопхонаи «Маҷлис», 1325 х.ш., -304 с.
15. Нафис Аҳмад. Хадамоти мусулмонон ба ҷуғрофиё. Тарҷумаи Ҳасан Лоҳутӣ. Бунёди пажӯҳишҳои остони Қудси Разаӣ. Маҷҳад, 1367 х. ш., - 31 с.
16. George Sarton. Introduction to the history of science. v.1, from Homer to Omar Khayyam. Carnegie institution of Washington, 1927. – 858 pp.].
17. Амиршоҳӣ Нурмуҳаммад. Давлатдорӣи тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. - Душанбе, 1998. – 1008 с.
18. Сафарзода Н. Аҳаммияти «Масолик вал мамолик»-и Ибни Хурдодбех дар таҳқиқи ҷуғрофиёи таърихӣи давлати Тоҳириён. Муаррих (мачаллаи илмӣ - назариявӣ), № 4 (32) 2022. –С. 133–140.
19. Босворт К. Э. Мусулманские династии. - М.: Наука, 1971. – 324 с.
20. История таджикского народа. Т.П. Эпоха формирования таджикского народа. Под редакцией академика Н. Негматова. -Душанбе, 1999. -790 с.
21. Ибни Асир. Ал-Комил фи-т-таърих. Дар 13 ҷилд. Баргардони Ҷамид Ризо Ожир. Техрон: Асотир, 1382. -Ҷ. 7-9.

БАЪЗЕ ВИЖАГИҶОИ «АЛ - БУЛДОН»-И ЯЪҚУБӢ ДАР ТАВСИФИ ҶУҒРОФИЁИ ХУРОСОНИ БУЗУРГ

«Ал-Булдон»-и Ибни Возеҳи Яъқубӣ яке аз асарҳои ҷуғрофиёӣи муътабарӣи асри IX аст. Муаллиф (соли вафоташ тақр. 897) аз ҷумлаи афроди наздик ба хонадони Аббосӣ ва ходимони дарбори Тоҳириён (821–873) буд. Яъқубӣ рисолаи худро бо таъя ба манобеи муътамад навишта, таълифи онро соли 891 ба анҷом расонидааст. Асар фарогири маълумоти муҳим дар бораи мамлакатҳо, вилоятҳо ва шаҳрҳои онҳо, тааллуқоти қавмӣи шаҳрҳои мухталиф, роҳҳо, масофаи миёни шаҳру рустоҳо, маъданҳо ва истихроҷи онҳо, ҳаҷми хирочи ҳар сарзамин ва ғайра мебошад. Тафовути асосии асари Яъқубӣ аз дигар осори ҷуғрофиёӣ дар маълумоти илмӣ доштан ва бо қиссаи асотир омехта набудани он аст.

Калидвожаҳо: *Тоҳириён, Хуросон, кура (ноҳия), роҳҳои корвонгузар, ҷуғрофиё, вилоят, Мовароуннахр, Систон, Чибол, Кирмон, хилофат, марзҳои давлатӣ, хироч.*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ «АЛЬ-БУЛДАН»-А (КНИГА СТРАН) Я‘КУБИ В ОПИСАНИИ ГЕОГРАФИИ ВЕЛИКОГО ХОРАСАНА

«Аль-Булдан» Ибн Вазиха Я‘куби является одним из наиболее известных географических трудов IX века. Автор (год смерти ок. 897) был близким человеком семьи Аббасидов и работал чиновником при дворе Тахиридского государства (821–873). Я‘куби написал свой трактат на основе достоверных источников и завершил его в 891 году. Работа включает важные сведения о странах, регионах и их городах, этнической принадлежности жителей городов времен автора, дорог, расстояниях между городами и селами, полезных ископаемых и их добыче, размерах налогов за каждую землю и т.д. Основное отличие работы Я‘куби от других географических работ состоит в том, что она содержит научные сведения без их смешивания с рассказами и легендами.

Ключевые слова: *Тахириды, Хорасан, кура (район), караванные пути, география, регион, Мовераннахр, Систан, Джибаль, Кирман, халифат, государственные границы, налог (харадж).*

SOME FEATURES OF «AL-BULDAN» (BOOK OF COUNTRIES) YAKUBI IN THE DESCRIPTION OF THE GEOGRAPHY OF GREAT (GREAT) KHORASAN

«Al-Buldan» by Ibn Wazih Yaqubi is one of the most famous geographical works of the 9th century. The author (died c. 897) was close to the Abbasid family and worked as an official at the court of the Tahirid state (821–873). Ya'qubi wrote his treatise based on reliable sources and completed it in 891. The work includes important information about countries, regions and their cities, the ethnicity of the inhabitants of the cities of the author's time, roads, distances between cities and villages, minerals and their extraction, the amount of taxes for each land, etc. The main difference between Yakubi's work and others geographical works is that it contains scientific information without mixing it with stories and legends.

Key words: *state, Khorasan, kura (district), caravan routes, territory, geography, province, Maverannahr, Sistan, Jibal, Kerman, caliphate, state borders, kharaj.*

Сведения об авторе: **Сафарзода Некруз Шоди** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Ак. Раджабовых, 7. Тел.: (+992) 985-88-08-10. E-mail: nekruz_tj@mail.ru.

Information about the author: **Safarzoda Nekruz Shodi** – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish NACT. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Ak. Rajabovs, 7. Mobile phone: (+992) 985-88-08-10. E-mail: nekruz_tj@mail.ru.

УДК 792.07 (575. 3)

**ПАТРИАРХ ТАДЖИКСКОГО ТЕАТРОВЕДЕНИЯ И
ТЕАТРАЛЬНОЙ КРИТИКИ¹**(посвящается 100-летию со дня рождения Н.Х. Нурджанова)¹**КАБИЛОВА Б.,****Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ**

«К критике во все времена относились с неприязнью и даже враждебно. Не случайно она сегодня исчезла вовсе».

Н. Х. Нурджанов

18 декабря 2023 года исполнилось 100 лет со дня рождения Низама Хабибуллаевича Нурджанова, ученого-этнографа, искусствоведа, с международной известностью, доктора искусствоведения, Заслуженного деятеля искусств Таджикистана, Лауреата государственной премии им. Рудаки, Лауреата Международной премии «Книга года» в Иране, члена Союзов писателей и Союза театральных деятелей Таджикистана, члена ЮНЕСКО по народному творчеству. Н. Х. Нурджанов стоял у истоков искусствоведческой науки Таджикистана, и по его инициативе был создан сектор (впоследствии отдел) истории искусств при Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, которым он руководил с 1953 по 1988 годы, и которому в 2023 году исполнилось 70 лет [1, 251-265].

О том, что Низам Хабибуллаевич Нурджанов по праву является первым таджиком-этнографом, известно [6,31]. Между тем, он внес огромный вклад в сложный процесс становления и развития искусствоведческой науки в Таджикистане [2, 201-207]. Сложность заключалась в том, что в республике не было специалистов, поскольку ни один вуз Таджикистана не готовил профессиональных искусствоведов. Молодой сектор за короткое время превратился в большой профессиональный коллектив, который и сегодня является главным научным центром в республике по изучению всех видов и сфер искусства с квалифицированными специалистами по вопросам изобразительного и прикладного искусства, музыке, театру, кино, архитектуре.

В многогранной деятельности профессора Нурджанова особое место занимает критика, которая, как известно, заключается в умении прямо и беспристрастно смотреть на те или иные события, своевременно оценить то, что происходит. На протяжении всей своей творческой жизни Н. Х. Нурджанов активно публиковал статьи в газетах и журналах в течение каждого театрального и концертного сезонов, таким образом, воспитывая в читателе вкус к художественному, прекрасному. Без сомнения, он был в своей области специалистом №1.

В многогранном творчестве профессора Н. Х. Нурджанова критика является важным направлением, и эта область требует специального исследования. Хорошо

¹Статья написана в рамках проекта «История и теория искусства таджикского народа», государственный регистрационный номер 0121ТJ1221.

понимая природу театрального искусства, Нурджанов был тем критиком, в монографиях, статьях, рецензиях, обзорах которого писалась история таджикского театра. Будучи первым таджикским профессиональным критиком, он внес значительный вклад в историю театрального искусства в Таджикистане.

Все мы знаем, что критик – это человек, который профессионально анализирует и оценивает то или иное произведение, а его критические обзоры должны носить еще и просветительский, разъясняющий характер. «Критика, - читаем в словаре Даля – это розыск и суждение о достоинствах и недостатках какого-либо труда, особенно сочинения; его разбор, оценка» [9], хотя часто встречается и другое мнение: «критиковать – для многих значит ругать». Между тем, критика для Нурджанова была не только одним из направлений его творчества, но и призванием и самоцелью, поскольку говорить правду о том, что хорошо, и что плохо в искусстве и есть критика. И Нурджанов всегда говорил правду, какой бы жесткой она ни была для тех, кому она предназначалась. Для него было неважно, что последует за его критикой, ведь, по словам Сократа, «если говорить правду, тебя возненавидят люди, если говорить неправду – тебя возненавидят боги». Ученый стремился своими статьями сделать общество лучше, нравственней, а игру актеров профессиональней. Критика Нурджанова была основана на знании правил, с одной стороны, и на профессиональном долге, с другой.

Он критиковал аргументировано, не выходя за рамки этики, нередко становясь той фигурой, которая стоит между актером и простым зрителем. Анализируя игру актеров, Нурджанов критиковал, прежде всего, работу режиссеров, которым порой не хватает фантазии и воображения, эрудиции и кругозора, следовательно, на сцене имеет место приблизительность действия, приблизительная достоверность игры актёра. «Нельзя сказать, - писал Н. Нурджанов, - что у нас не кипят страсти, не сталкиваются темпераменты. Смотришь на сцену, там герои мечутся, как будто волнуются, страдают, кричат, но в целом спектакль не затрагивает зрителя, нет в нём живых органических переживаний, подлинно человеческих чувств, правды непосредственных эмоций, отсутствует психологическая разработка роли, нет глубины мысли и пытливого анализа текста. Иногда в спектаклях логическое рациональное начало преобладает над чувством. Некоторые наши актёры, маскируясь под «современную манеру», нередко используют экономные средства выразительности, бывают сдержанными, а внутренне - пустыми. Вместо того, чтобы исследовать сложнейшие душевные процессы, глубоко проникнуть в подтекст роли, они просто пребывают на сцене, со странной интонацией произносят слова, делают необычные акценты и в результате утрачивают глубинное постижение образа. Конечно, такие актёры не могут потрясти зрителя своим пониманием роли, не завораживают его. Зритель не сопереживает, не сочувствует герою, не плачет вместе с ним» [5,75]. Ведь согласно одному из главных принципов системы Станиславского – бесспорной основе актерского мастерства, признанной во всем мире – жизненной правде на сцене – существует прямая связь между эмоциями актера и ощущениями зрителя: чем больше актер чувствует свою игру и точнее передает переживания героя, тем больше зритель верит происходящему на сцене [10].

Напротив, неумение и нежелание режиссеров ставить задачи перед актерами, сама игра актеров с неумением вести себя на сцене, низкая культура речи – все это,

безусловно, снижает уровень спектакля, с одной стороны, и уровень театральной культуры в целом, с другой. И, говоря о последней, Нурджанов в первую очередь призывал к творческому содружеству драматурга, режиссера, актеров, композитора, художника, технических работников и др.

Так, в одной из своих рецензий он писал: «Отсутствие ансамбля, единого стиля игры, бедное и неряшливое художественное оформление, резкий звук магнитофонной записи, крик на сцене, суэта в массовых сценах, резкие движения или бессмысленное трюкачество, игра на зрителя, отсутствие вкуса в костюмах и всего того, что называется «форма артиста», всё это снижает культуру спектакля, загрязняет его, делает художественно незавершённым, мало эстетичным.

Нашим спектаклям недостаёт отработанности, стилевой цельности. А ведь строгое соблюдение норм и чистоты жанра - показатель высокой художественной культуры театра, развития хорошего вкуса. В театрах художественность стала дефицитом, так как она органически связана с профессиональной культурой актёра и режиссёра» [5,77]. Именно творческое содружество профессиональных мастеров может повысить его этическую и воспитательную роль, как это было в лучших национальных спектаклях в период становления таджикского театра.

Перечень рецензий Н. Х. Нурджанова после просмотра (нередко многократного) тех или иных спектаклей на сценах театров г. Душанбе внушительен. Кроме того, рецензии на спектакли отличаются от рецензий на другие виды искусства, так как не только содержат анализ и оценку, но и воспроизводят спектакль. Действительно, когда читаешь книги или статьи Н. Х. Нурджанова, мысленно представляешь, что происходит на сцене, настолько ученый подробно анализирует каждый спектакль: от драматургии, режиссерской трактовки до сценического и музыкального оформления и игры актеров. Предметом его анализа является реальность, отраженная через литературное и театральное произведение, и критик, расшифровывая спектакль, обязан объяснить связь реальности и фантазии творцов. Иногда первичное событие и конечный художественный продукт слишком далеки друг от друга. В таком случае в рецензии необходима четкость – что хотели сказать авторы и как в итоге сказали. Это невозможно осуществить без описания спектакля и рассуждения о нем. Читателя вряд ли убедит чисто информационный текст, скорее заинтересует текст художественно-публицистический.

Критика до Нурджанова в лице самих деятелей культуры и журналистов, весьма смутно разбиравшихся в театральных делах, была ограниченной. По словам М. Табарова, она оказалась бессильной осмыслить те новые процессы, которые вызрели в таджикской культуре с появлением Мухаммеджана Касымова, Асли Бурханова, Гулчехры Бакаевой, Ахада Сулейманова, Миркарима и Абдурахмана Саидовых, Софьи Туйбаевой, Туфы Фазыловой, Гаффара Валаматзаде и Лутфи Захидовой. И чтобы понять и достойно оценить то новое, что принесли своим появлением в искусство эти артисты, нужно было выработать новые подходы, изменить существующие эстетические критерии [8,180].

Эта задача стала под силу тому, кто был хорошо знаком с истоками таджикской культуры и при этом знал историю мирового театра. И таким человеком оказался Низом Хабибуллаевич Нурджанов. «Он обосновал социально-исторический взгляд

на художественное творчество, - отмечает М. Табаров, - он судил о значении произведения искусства с точки зрения того, насколько оно достоверно и глубоко отражает реальную действительность, сколь оно соответствует его потребностям [8, 181].

Поддержка настоящих, подлинно художественных произведений и, наоборот, честный ответ низкопробным опусам – вот, что характеризовало Нурджанова как ученого-критика. Отличительной его чертой было и то, что он неукоснительно следил, чтобы любое его произведение имело отражение реальной жизни, возможно, это и есть истинный патриотизм, когда боль за происходящее вырастает из понимания фундаментальных образов, характерных для таджикского народа.

Феномен Нурджанова заслуживает особого внимания и потому, что он, несмотря на идеологию и политику советского государства, а также на ожесточенную цензуру, все же доказательно отстаивал роль таджиков в Среднеазиатском регионе, в том числе, в области театрального и музыкального искусства. В первом томе «Истории таджикского советского театра» он писал: «В период с 1917 по 1924 г., когда Узбекистан и Таджикистан входили в состав Туркестанской республики, и в период с 1924 по 1929 г., когда Таджикистан входил в Узбекскую ССР как автономная республика, основными центрами развития новой социалистической культуры наряду с Ташкентом были Самарканд и Бухара, в которых преобладало таджикское население.

В этих древнейших городах были воздвигнуты величественнейшие памятники архитектуры, создавались замечательные произведения прикладного, музыкального и хореографического искусства; здесь жили и творили гениальные таджикские ученые, поэты, писатели – Рудаки, Ибн Сино, Сайидо, Ахмад Дониш, Айни и др.; здесь по существу, образовался современный таджикский литературный язык... И, разумеется, таджикская интеллигенция этих культурных центров древней таджикской государственности до появления своего профессионального театра принимала самое активное участие в создании и укреплении узбекского советского театрального искусства. ... Неоценима роль таджикской интеллигенции в развитии узбекской культуры тех лет» (4, 24-25).

А в дальнейшем, уже в годы независимости, он, критикуя театроведов из Узбекистана, доказывал принадлежность художественного наследия таджиков не по территориальному вхождению Бухары в состав Узбекистана, а по национальному происхождению. В его фундаментальных работах, таких как «Театральная и музыкальная жизнь столицы государства Саманидов», двухтомный «Традиционный театр таджиков», «Олами беканори рақси тоҷик» и многих других он смело, на фоне опубликованного исторического материала, который выбирался критиком как подтверждающий фон для решения существующих проблем в области таджикской культуры, красной нитью проводил мысль о том, что таджики являются носителями древней культуры.

Так, во введении к книге «Театральная и музыкальная жизнь столицы государства Саманидов» автор писал: «Многие ученые, не располагая конкретным материалом, делали скоропалительные и поверхностные выводы. Они приписывали культуру одного народа другому, не имея на это никаких объективных оснований. От-

сюда много ошибочных рассуждений, неверных заключений, корни которых глубоки. И необходимо это объяснить» [6,5].

Так, на основе достоверных фактов, собранных во время экспедиций в Бухарскую область, Нурджанов пытался пояснить читателю истинную суть своего замысла, верность своей позиции. При этом он обращался к первоисточникам, что очень важно для ученого, и здесь, конечно, большую роль сыграла его первая профессия этнографа.

Нурджанов оставил яркий след в истории таджикской культуры. Он относился к тому поколению людей, когда они мужали очень рано, чувствовали свою ответственность за все, что происходило вокруг них. Его наследие поражает своей масштабностью и широкоохватностью. Его самозабвенная отдача мысли об искусстве вызывает уважение и восхищение, а также помогает оценить все этапы развития отечественной культуры.

Он постоянно стремился к пропаганде подлинного, совершенного в эстетико-художественном отношении искусства и к борьбе с пошлым, антихудожественным творчеством. Многие отмечают в работах ученого его язык, оригинальный стиль изложения, неповторимый почерк исследователя.

Как отмечал профессор Нурджанов, критика сегодня исчезла вовсе. Искусствоведов, театроведов, музыковедов, киноведов, занимающихся наукой, педагогической работой и выступающих в роли критика в прессе, почти не осталось. И сама печать безразлична к этой профессии. Голоса, оценки тех специалистов, которых осталось единицы, никто не слышит [3].

Справедливости ради отметим, что проблемы театрального искусства остались прежними, и составить целостную панораму театрального процесса в республике сложно, поскольку критиков такого масштаба как Низам Хабибуллаевич Нурджанов сегодня нет. Он был личностью в науке и искусстве, глубоко осознавал потребности развития общества на каждом этапе, указывал пути и средства для осуществления задач, стоящих перед деятелями культуры и искусства. Следовательно, творчество Н. Х. Нурджанова, с одной стороны, требует отдельного исследования в контексте театрально-критической мысли в Таджикистане, с другой – критические статьи ученого являются бесценным источником для изучения истории таджикского театра XX – начала XXI веков.

Н. Х. Нурджанов прожил долгую и насыщенную яркими событиями жизнь. При нем и без него пришла и ушла целая плеяда мастеров театральной сцены, которые были ему благодарны за ценные советы со знанием дела. В этой связи уместно высказывание М. Табарова о том, что Нурджанов был критиком-учителем: «Его духовное влияние испытали на себе крупнейшие таджикские актеры, режиссеры и другие деятели таджикского искусства. Высокая авторитетность суждений Низома Хабибуллаевича состоит в том, что он отлично знает не только законы искусства, но и жизнь. И это дает ему право учить» [8, 182].

Светлая память о профессоре Н. Х. Нурджанове будет жить в его трудах и добрых делах, а его профессиональная деятельность служить наглядным примером гармоничного сочетания в одном лице ипостасей ученого и критика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отдел истории искусств//Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада До-ниша Академии наук Республики Таджикистан. 60 лет. – Душанбе, 2014. – С.251-265.
2. Кабилова Б. Роль профессора Н. Х. Нурджанова в становление и развитие искусствовед-ческой науки Таджикистана//70-сол дар роҳи омӯзиши таърихи миллат. - Душанбе, 2021. – С. 201-207.
3. Нурджанов Н. Без культуры нет жизни//Бизнес и политика, 30 ноября 2001.
4. Нурджанов Н. История таджикского советского театра (1917-1941 гг.). – Душанбе, 1967.
5. Нурджанов Н. Сцена, зритель и репертуар//Памир, -1982. -№8. -С. 74-78.
6. Нурджанов Н. Театральная и музыкальная жизнь столицы государства Саманидов. – Ду-шанбе, 2001.
7. Писарчик А. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). – Душанбе, 2002.
8. Табаров М. Классик театральной критики//Табаров М. События.
9. <https://gufo.me/dict/dal/критика>
10. Пять принципов системы Станиславского//[https://partacademy.ru/5-principov-sistemy -stanislavskogo#popup: cornerform](https://partacademy.ru/5-principov-sistemy-stanislavskogo#popup:cornerform).

ПАТРИАРХ ТАДЖИКСКОГО ТЕАТРОВЕДЕНИЯ И ТЕАТРАЛЬНОЙ КРИТИКИ (посвящается 100-летию со дня рождения Н. Х. Нурджанова)

Статья посвящена видному ученому Низаму Хабибуллаевичу Нурджанову – первому этно-графу таджику, первому таджикскому искусствоведу, театроведу и театральному критику, внес-шему огромный вклад в сложный процесс становления и развития искусствоведческой науки в Таджикистане. Хорошо понимая природу театрального искусства, Нурджанов был тем критиком, в монографиях, статьях и рецензиях которого писалась история таджикского театра. Будучи пер-вым таджикским профессиональным критиком, он внес значительный вклад в историю театраль-ного искусства в Таджикистане. Творчество Н.Х. Нурджанова, с одной стороны, требует отдель-ного исследования в контексте театрально-критической мысли в Таджикистане, с другой – кри-тические статьи ученого являются бесценным источником для изучения истории таджикского театра XX – начала XXI веков.

Ключевые слова: история, театр, театральное искусство, театральный критик, история таджикского театра, искусствоведение.

ПАТРИАРХИ ТЕАТРШИНОСИИ ТОЧИК ВА ТАНҚИДИ ТЕАТРИ (бахшида ба 100 - солагии рӯзи таваллуди Н. Х. Нурҷонов)

Макола доир ба фаъолияти илмии олими барҷаста Низом Ҳабибуллоевич Нурҷонов – авва-лин мардумшинос, санъатшинос, театршиноси тоҷик бахшида шудааст, ки дар раванди мурак-каби ташаккул ва рушди илми санъатшиносӣ дар Тоҷикистон саҳми бузург гузоштааст. Низом Нурҷонов моҳияти санъати театро хуб дарк намуда, ҳамзамон мунаққиде буд, ки дар моногра-фия, макола ва тақризҳои доир ба таърихи театри тоҷик таҳқиқот намудааст. Ӯ ҳамчун аввалин мунаққиди касбии тоҷик дар таърихи санъати театрии Тоҷикистон саҳми босазо гузоштааст.

Фаъолияти илмии Н. Ҳ. Нурҷонов, аз як тараф, дар заминаи афкори нақди театри дар Тоҷики-стон таҳқиқи алоҳидаро тақозо мекунад, аз тарафи дигар, мақолаҳои интиқодии олим барои омӯзиши таърихи театри тоҷик асри XX ва оғози асри XXI сарчашмаи бебаҳо мебошанд.

Калидвожаҳо: таърих, театр, санъати театри, театршинос, таърихи театри тоҷик, таърихи санъат.

PATRIARCH OF TAJIK THEATER STUDIES AND THEATER CRITICISM
(dedicated to the 100 th anniversary of the birth of N. H. Nurjanov)

The article is devoted to the prominent scientist Nizam Nurjanov, the first Tajik ethnographer, art historian, theater expert, and theater critic, who made a significant contribution to the formation and development of art history science in Tajikistan. Fully understanding the nature of theatrical art, Nurjanov was the critic whose monographs, articles, and reviews chronicled the history of the Tajik theater. As the first professional Tajik critic, he made a significant contribution to the history of theatrical art in Tajikistan. The work of N.H. Nurjanov, on the one hand, requires a separate study in the context of theatrical critical thought in Tajikistan, and on the other hand, his critical articles are an invaluable source for studying the history of the Tajik theater from the 20th to the early 21st centuries.

Key words: *history, theater, theatrical art, theater critic, history of the Tajik theater, art history.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Қобилова Баҳринисо Тўйчиевна - доктори илмҳои таърих, сарҳодими шӯбаи таърихи санъати Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониши АМИТ. Суроға: 734025, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. E-mail: bahri60@mail.ru

Information about the author: Kabilova Bakhriniso Tuychievna - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Art History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after. A. Donish NANT. Address: 734025 Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: bahri60@mail.ru

УДК 737.1(575.3)

**ТАҲҚИҚИ СИККАЗАНӢ ВА МУОМИЛОТИ ПУЛИИ
ДАВЛАТИ СОМОНИЁН ДАР ИТТИҲОДИ ШУРАВӢ¹**

ШАРИФЗОДА А. Қ.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониш

Бо ғалабаи инқилоби Октябри соли 1917, таъсисёбии Иттиҳоди Шуравӣ ва дар ҳайати он ташкилшавии ҷумҳуриҳои шуравӣ чамъоварӣ, таҳқиқ ва муаррифии сиккаҳои сомонӣ, ки дар асрҳои пешин вучуд дошт, идома ёфта, комил ғашт. Ҳарчанд дар давраи аввали таъсисёбии давлати Шуравӣ бинобар эҳтиёҷоти зиёди иқтисодӣ теъдоди зиёди сиккаҳои сомониӣ аз Россия ба даст омада гудохта шуда, аз филизи онҳо пули Шуравӣ зарб мешуд, дар умум сиёсати давлати Шуравӣ барои ҳифзу таҳқиқ ва муаррифии мероси таърихӣ созгор буд.

Анъанаи пешқадами сомонишиносии Россияи подшоҳӣ дар замони Шуравӣ идома ёфт. В. В. Бартолд (1865- 1930), Р. Р. Фасмер (1888 -1938), М. Е. Массон (1897-1986), А. А. Биков (1896 -1977) ва чанде дигарон ҳалқаи пайванди ин ду давраи таърихӣ дар таҳқиқи сикказанӣ ва муомилоти пулӣ дар давлати Сомониён мебошанд. Яке аз муҳимтарин кашфиёти бостоншиносии марбут ба сикказаниӣ Сомониён дар Мовароуннаҳр – кашфи мехкадаи Сомониён дар харобаҳои шаҳри Самарқанди асрҳои VIII-XIII, ки бо номи Афросиёб машҳур аст, ба ҳисоб меравад. Зеро

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи илм ва техникаи халқи тоҷик аз давраи қадим то замони ҳозира», рақами кайди давлатӣ 0121ТJ1273 навишта шудааст.

то ин вақт бино ё қолаби сиккарезии ягон мехкадаи Сомониён кашф нашуда буд. Боқимондаи мехкадаи мазкурро В. Л. Вяткин кашф намуда, ӯ доир ба ин мавзуъ соли 1926 дар мақолаи «Матрица и штамп из Самарканда» иттилоъ медиҳад.

Аз навиштаи В. Л. Вяткин маълум мешавад, ки хангоми ковишҳои бостоншиносӣ дар яке аз мавзӯҳои ба ғӯристони эронӣ ҳамаҷавори Афросиёб сиккаҳои мисии муғулии як тарафшон зарбнашуда, сипас сиккаҳои муғулии зарбшуда ошкор мешаванд. Ба фикри ӯ сиккаҳои зарбнашуда дар муомилоти пулӣ истифода намешуданд ва аз ин В. Л. Вяткин барои ҷойгир будани боқимондаи мехкадае дар ин мавзӯ ғумонбар шуда, ковишро давом медиҳад. Ӯ хангоми ҳаффории яке аз тепаҳо кунҷи бинои аз хишти хом сохташударо мекушояд, ки деворҳои он бо гачи тунук андовида шуда буданд. Аз партовгоҳ ва фарши ин бино варақаҳои гачие кашф мешаванд, ки дар онҳо нақши жарфои сиккаҳои катибадор намудор буданд. Аз кунҷи бино муҳри филизии сикказанӣ ёфт мешавад, ки дар он номи мехкада - Самарқанд ва соли зарб – 630 ҳ.қ./ 1234-35 ҳақ шуда буд.

Сипас аз фарши ин ҳуҷра қолаби гачии сиккаҳои сомонӣ кашф мегардад. Ин кашфиёт аз мехкада-сиккаҳона будани бинои мазкур дарак меод. Қолаби гачӣ аз ду лавҳаи баробари ҳаҷмашон 15.7x9 см иборат буд ва қисми дохилии онҳо нақш ва катибаҳои 7 сиккаи сомонӣ ба хубӣ намудор буданд. В. Вяткин қолаби мазкурро таҳқиқ намуда, катибаҳои онро хонда, мушаххас намуд, ки ин қолаби дирҳамҳои самарқандӣ соли 287 ҳ.қ. аз Аҳмад ибни Исмоил мебошад [3, 75]. Ин яке аз муҳимтарин кашфиёти В. Л. Вяткин буд, ки дар сиккашиносӣ аҳамияти ҷаҳонӣ дорад. Чун ин кашфиёт ӯ дар яке аз мақолаҳои пешин баррасӣ шуда буд, ин ҷо аз таҳлили такрорӣ он худдорӣ менамоем [16, 31].

Яке аз муҳаққиқони барҷастаи таърихи Осиёи Миёна М. Е. Массон, ки дар таҳқиқи сиккаҳои сомонӣ ва муомилоти пулии Сомониён саҳми назаррас гузоштааст, аввалин шуда дар Осиёи Миёна ба тадриси сиккашиносӣ шуруъ намуда, таҳқиқ ва бақайдгирии маводи нумизматиرو ба роҳ мемонад. Ҳарчанд ӯ асосан дар Туркманистон ва Узбекистон қору фаъолият намуда бошад ҳам, ба таърихи халқи тоҷик ва ёдгориҳои Тоҷикистон тавачҷуҳи хос дошт. Соли 1928 мақолаи М. Е. Массон таҳти унвони «Монетные находки в Средней Азии в 1917-1927 г.г.» рӯи ҷопро дид [9]. Муаллиф дар аввали мақола дар ҳолатҳои гуногун ёфт шудани сиккаҳоро дар Осиёи Миёна зикр намуда, таъкид менамояд, ки бо сабаби гарм будани бозори антиқафурӯшӣ дар давраи тоинқилобӣ истеҳсоли сиккаҳои қалбакӣ низ ривоч ёфта, дар баёни аҳолии шаҳрҳои марказӣ чун Бухоро, Самарқанд ва Хива истилоҳҳои алоҳидаи ифодакунандаи сиккаҳои давраҳои гуногун ташаккул меёбад. Чунончи ба сиккаҳои юнонӣ, селевкӣ ва юнону бохтарӣ «дакёнусӣ», ба сиккаҳои сосонӣ «Хусрави Анӯшервон», ба дирҳаму динорҳо «арабӣ», ба сиккаҳои исломии давраи томуғулӣ - салҷуқӣ «санҷарӣ», «темурий» ба сикаҳои замони Темурланг ва ба сикаҳои шайбонӣ «абдуллоҳхонӣ» гуфта мешуд. Тибқи навиштаи М. Е. Массон дар ин бозори антиқафурӯшӣ ба сиккаҳои сомонӣ, илоқхонӣ ва муғулӣ диққат дода намешуд [9, 283]. Муаллиф илова менамояд, ки ҳарчанд барои антиқафурӯшон ва заргарон ҷои ёфти сиккаҳо чандон муҳим набошад ҳам, яке аз шартҳои асосии таҳқиқоти сиккашиносӣ бақайдгирии сиккаҳо бо аниқ намудани ҷои кашфи онҳо мебошад.

Тибқи навиштаи Массон соли 1920 аз роҳрави Кони Ғӯт, ки дар водии Исфараи Фарғона ҷойгир аст, як фалси Нуҳи II ибни Наср ёфт мешавад, ки он соли 34? ҳ.қ.

зарб шудааст. Массон номи зарробхонаро зикр намекунад [9, 287]. Соли 1926 дар харобаҳои Афросиёб хангоми кандани гӯр 26 дирҳами сомонӣ кашф шуд. Ин дирҳамҳо соли 357 ҳ.қ. дар Самарқанд бо амри Мансури I ибни Нуҳ бароварда шудаанд. Соли 1922 аз гӯри Хоча Аҳмад дар силсиламақбараҳои Шоҳи Зинда фалси зарби соли 256 ҳ.қ. Насри I ибни Аҳмад ёфт мешавад. Массон зарробхонаи ин сиккаро ном намебарад ва сабаби инро ҳам зикр намекунад.

Сиккаҳои бухорхудотӣ аз ҷумлаи сикаҳои роиҷи замони Сомониён мебошанд. Тибқи навиштаи Массон соли 1924 аз Ош се сикка ва соли 1926 аз мавзеи Оби Машҳади Самарқанд 17 сиккаи бухорхудотӣ кашф гардид [9, 287]. Муҳаққиқ дар повараки ҳамин саҳифа қайд менамояд, ки дирҳамҳои сомонӣ дар қисми аврупоии ИҶШС нисбат ба Осиёи Миёна хеле зиёд ёфт мешаванд ва ғайр аз коллексияи нумизматики Осорхонаи асосии Осиёи Миёнагӣ (ҳозира Осорхонаи давлатии таърихи Ўзбекистон) дар дигар осорхонаҳо ва коллексияҳо 10 сиккаи сомонӣ ҳам ёфт намешавад.

Дар замони Шуравӣ кашфи нави ганчина ва сиккаҳои алоҳидаи сомонӣ ба таҳқиқи ин мавзӯ тақдир чиддӣ медихад. Ҷунончи тирамоҳи соли 1935 хангоми бунёди кӯпрӯк дар маркази шаҳри Исфара ба гуфти мӯйсафедони маҳаллӣ аз дохили гӯри 1000-сола як ганчинаи сиккаҳои дар матоъ печондашуда ёфт гардид. Як миқдори сиккаҳои ин ганчина байни сокинони Исфара тақсим шуда, бахши боқимондаи он бо ташаббуси Кумитаи ҳизбии шаҳри Исфара тавассути Базаи тоҷикистони Академияи илмҳои СССР ба фонди Эрмитаж ворид карда шуд [1,87]. Ганчинаи мазкурро сиккашиноси машҳур А. А. Биков бо як маҳорати баланд ва дақиққорӣ касбӣ таҳқиқ намудааст. Дар натиҷа маълум мешавад, ки дар таркиби ин ганчина фалспораҳо ва 63 фалс, аз ҷумла 3 фалси аббосӣ, 33 фалси сомонӣ, 1 сиккаи муайяннашуда ва 26 фалси судашуда мавҷуд аст. Қадимтарин фалси ин ганчина соли 143 ҳ.қ./760-61 ва фалси аз ҳама баъд байни солҳои 289-295 ҳ.қ./902-907 зарб шудааст. А. А. Биков набудани сиккаҳои тохириро дар таркиби ин ганчина таъкид намуда, аниқ менамояд, ки фалсҳои муайяншуда дар 4 меҳкада – Ахсикат, Бухоро, Самарқанд ва Шош зарб шудаанд. Аз 32 фалс 5-тоаш дар Ахсикат, яктоаш дар Бухоро, 22-тоаш дар Самарқанд, 6-тоаш дар аш-Шош бароварда шуда, номи меҳкадаи дутоаш номуайян менамояд. Ҳарду сиккаи номи меҳкадаашон судашуда сомонӣ мебошанд [1, 96]. Фалсҳои ганчинаи Исфара дар охири асри IX ва солҳои аввали асри X зарб шуда, онро дар ибтидои асри X дар гӯр пинҳон намуданд [1, 87]. А. А. Биков пинҳон намудани ганчинаи фалсҳоро дар вақти наздикшавии бурҳони нуқра як зуҳури нодир меҳисобад ва ин ганчинаро қадимтарин ганчинаи сиккаҳои мисии қуфӣ аз Осиёи Миёна ёфтшуда ва имконияти муҳимми таҳқиқи фалсҳои аввали асри X медонад. Вай дар байни фалсҳои гумшудаи ганчина набудани фалси зарби Уструшанро зикр карда, дар баробари ин мавҷуд будани фалси ин меҳкадаро дар байни сиккаҳои муайяннашуда имконпазир мешуморад [1, 96-97]. Дар баррасии ганчина Биков ҷунин нуқтаи муҳимро иброз медорад, ки меҳкадаҳои ин ганчина – Ахсикат, Бухоро, Самарқанд ва Шош дар масоҳати аз ҳам начандон дур ҷойгир мебошанд. Ба гуфти ӯ ин далели ин аст, ки фалсҳои сомонӣ дар минтақаҳои на чандон дур аз ҷои зарбашон ҳамчун воситаи муомилоти пулӣ истифода мешуданд ва онҳо дар ҳудуди кишваре менамояд, ки барои он ин сиккаҳо бароварда шудаанд [1,97]. Ин фикри ибрознамудаи Биков барои таҳқиқи масъалаҳои топографии фалсҳои сомони дур аз

чоӣ зарбшудаашон ҷойгирбуда (масалан, фалсҳои сомониӣ зарби меҳкадаҳои Суғду Фарғона дар баъзе осорхонаҳои шаҳри Душанбе ва вилояти Хатлон) хеле муҳим мебошад. Сипас Биков мансубияти хронологии фалсҳои ганҷинаи Исфараро ба таври зерин ба даҳсолаҳо ҷудо менамояд:

Солҳои 140-150 х.қ. - 1 адад, солҳои 251-260 х.қ.- 1 адад, солҳои 261 -270 х.қ. - 2 адад, солҳои 271 – 280 х.қ. - 0, солҳои 281- 290 х.қ. – 13 адад, солҳои 291-295 х.қ – 3 адад ва фалсҳои санаашон муайяннашуда – 16 адад, дар маҷмуъ 36 адад фалс [1, 97-98].

Биков таркиби ганҷинаи мазкурро баррасӣ намуда, изҳор медорад, ки амирони нахустини Сомонӣ, аз ҷумла Исмоили Сомонӣ ҳар сол ба таври мунтазам фалс намебароварданд. Фалсҳои Аҳмад ибни Исмоил дар вақти навиштани ин мақолааш барои Биков номаълум буданд. Аз ин ҷост, ки ба фикри ӯ Аҳмад ибни Исмоил тамоман фалс намебаровард ё ба миқдори хеле кам фалс бароварда, ба фалсҳои зарби амирони пешин иқтифо менамуд [1, 98]. Гузашта аз ин ӯ дар таркиби ганҷинаи Исфара ду сиккаи зарби соли 270 х.қ./883-84-и халифа Муътамидро ошкор менамояд. Ин ду сикка дар матнашон дирҳам номида шудаанд, аммо аз таҳқиқи озмоишгоҳии В. Н. Кононов ошкор мешавад, ки дар таркиби ин ду сиккаи дирҳам номидашуда, нуқра тамоман вучуд надорад. Вобаста ба ин Биков дирҳамҳои қалбакии асри IX будани ин ду сиккаро имконпазир медонад. Ба фикри ӯ дар Мовароуннаҳр то соли 279 х.қ./892 амирони Сомонӣ танҳо фалс мебароварданд. Дирҳаму динор аз номи халифаҳои Аббосӣ зарб мешуд [1,100]. Ба ин назари Биков наметавон розӣ шуд, зеро то соли 279 х.қ./892 дар Мовароуннаҳр аз номи амирони Тоҳирӣ низ дирҳам бароварда мешуд. Биков дар баррасии ин дирҳами мисӣ масъалаи ҷигунагии ниғаҳдорӣ ва истифодаи муҳрҳои сикказани халифаҳои Аббосӣ ва амирони Сомониро мавриди баҳс қарор дода, доир ба ин мавзӯ набудани иттилоӣро таъкид менамояд. Аз ин ҷо маълум мешавад, ки Биков аз кашфиёти В. Вяткин ва мақолаи нашрнамудаи ӯ дар соли 1926 беҳабар мондааст. Биков дар ин мақола ба техникаи зарби сиккаҳо аҳамияти ҷиддӣ дода, мавҷуд набудани иттилои кофиро доир ба ин мавзӯ дар сарчашмаҳои хаттӣ қайд менамояд. Ӯ дар айни ҳол сиккаҳоро сарчашмаи асосии таҳқиқи ин мавзӯ меҳисобад.

Биков бо таҳқиқи фалсҳои сомониӣ ганҷинаи Исфара баъзе саҳифаҳои таърихи сиёсии Сомониёнро равшан менамояд. Аз ҷумла, ӯ дар таркиби ин ганҷина 5 фалсро ошкор намуд, ки онҳо соли 284 х.қ./897-98 дар Аҳсикат аз номи Исҳок ибни Аҳмад, ки бародари Исмоили Сомонӣ ва дар мубориза бар зидди Насри I муттаҳиди ӯ буд, зарб шудаанд. Биков аввалин шуда чунин иброз намуд, ки Фарғона мулки инъомии Исҳок ибни Аҳмад мебошад ва ӯ то соли 295 х.қ./907 ҳокими Фарғона менамояд. Бояд гуфт, ки яке аз фалсҳои нодири ин ганҷина аз номи Муҳаммад ибни Исҳок зарб шуда, матни ин фалс чандон хуб боқӣ намонда буданд. А. А. Биков ба ин фалс аҳамияти вижа дода, шахсияти амири зикршуда - Муҳаммад ибни Исҳокро аз осори Табарӣ, Ибни Асир, Ёқут, Наршаҳӣ ва Мирхонд ҷустуҷӯ менамояд, аммо ба гуфти ҳудаш иттилое намеёбад ва ҳатто Сомонӣ будани ин фалсро шубҳанок мешуморад [1,105]. Ӯ фалси мазкурро пурра тавсиф намуда, санаи зарби онро зоҳиран соли 249 х.қ./863-64 меҳонад. Дар асл ин фалс соли 299 х.қ./911-912 зарб шудааст ва ҳолати бади он ба Биков имконият намедихад, ки санаи зарби онро дуруст бихонад [6, 18]. Муҳаммад ибни Исҳок писари Исҳок ибни Аҳмад мебошад, ки Фарғона чанд вақте мулки

инъомии ӯ буд ва ин ҳокими Сомонӣ монанди падараш дар сиккаҳояш номи амири Сомониро зикр намекард [15]. Инчунин Биков ба ин нукта аҳамият медиҳад, ки дар фалси Шоши зарби соли 255 х.к./869 ду нафар - Муҳаммад ва Наср ибни Аҳмад амир номида шудаанд. Ӯ ин Муҳаммадро писари Нух ибни Асад меҳисобад [1, 107]. Дар умум ин мақолаи А. А. Биков яке аз беҳтарин таҳқиқоти сиккаҳои сомонӣ дар Иттиҳоди Шуравӣ буда, бо таҳқиқи ганҷинаи Исфара навъҳои нави сиккаҳои сомонӣ, мулки инъомӣ ва нисбатан мустақил будани Фарғона ва на дар тамоми қаламрави Сомониён, балки дар минтақаҳои худ ё наздик дар муомилот будани фалсҳои сомониро ошкор менамояд.

Баҳори соли 1943 профессор И. П. Петрушевский як сиккаи куфиро барои муайян кардан ба А. Ю. Якубовский пешниҳод менамояд. Ӯ ин сиккаро таҳқиқ карда, натиҷаашро соли 1945 чоп намудааст. А. Ю. Якубовский дар аввал ҳолати хуби сикка ва вазни онро зикр карда, сипас матни арабии катибаҳои ҳарду тарафи сиккаро оварда, сониян тарҷумаи русии онҳоро пешниҳод намуд. Маълум мешавад, ки он фалси сомонӣ буда, 4, 34 грамм вазн дошта, соли 265 х.к./878-79 дар сиккаҳонаи аш-Шош бо амри Яъқуб ибни Аҳмад зарб шудааст. Ӯ менависад, ки то ҷое маълум аст, дар адабиёти сиккашиносӣ номи Яъқуб ибни Аҳмад зикр наёфтааст. Аммо ин номро Мирхонд дар байни ҳафт писари Аҳмад ибни Асад зикр карда, Наршаҳӣ ҳам аз ӯ дар тасвири муборизаи байни Насри I ва Исмоили I чун ҳокими Шош ном мебарад. Якубовский медонист, ки дар фонди нумизматики Эрмитаж сиккае бо номи Яъқуб ибни Аҳмад нест ва бинобар ин ӯ ба коллексияи Осорхонаи таърих ва санъати Ўзбекистон дар Тошканд муроҷиат менамояд. Ӯ бовар дошт, ки аз Тошканд чунин сикка ҳатман ёфт мешавад. Зеро ба гуфтаи ӯ фалсҳои сомонӣ, умуман на ҳамчун пул ва на ҳамчун мол аз кишвар ба хориҷ бароварда намешуданд. Вай аз байни сиккаҳои сершумори ин осорхона ҳамагӣ як сиккаро бо номи Яъқуб ибни Аҳмад пайдо мекунад. Фалси пайдокардаи ӯ 3,69 грамм вазн дошта, ҳолаташ нисбат ба фалси аввала бадтар буда, баъзе ҳарфҳояш суда гардида, соли 265 х.к. // 878-79 дар Шош зарб шудааст [19, 104]. Якубовский дар поварақ қайд менамояд, ки дар хондани рақами 5- хамса ба ӯ Е. Массон ёрӣ расондааст. Ба фикри ӯ ин ду фалси сомонӣ аҳаммияти вижа доранд. Яқум, онҳо гувоҳанд, ки Яъқуб ибни Аҳмад ибни Асад ибни Сомон ҳокими Шош мебошад. Ин аз навиштаи Наршаҳӣ, ки ба навиштааш ҳокими Самарқанд Насри I ибни Аҳмад ба бародараш Яъқуб ибни Аҳмад нома навишта, аз ӯ ёрӣ мепурсад, ошкор мешавад. Дуюм ин сиккаҳо ба давраи ҳукмронии Нух ибни Асад то ҳукмронии Исмоил ибни Аҳмад, яъне аз соли 204 х.к./819 ва то соли 279х.к./892-893 мансуб буда, барои таҳқиқи давраи барвақтаи таърихи сиёсии ин хонадон аҳаммияти вижа доранд.

Якубовский сипас дар асоси сиккаҳои Эрмитаж ва осорхонаи зикршудаи Тошканд чадвали сиккаҳои барвақтаи сомониро тартиб додааст. Ӯ дар ин чадвал 54 сиккаи сомониро ҷо додааст, ки қадимтарини он соли 203 ё 206 х.к. бо амри Нуҳи I ибни Асад (номи сиккаҳона номаълум) зарб шудааст. Ин сиккаро бори аввал Френ соли 1813 аз коллексияи Рото тавсиф намуда буд. Аз сиккаи баъдина соли 272 х.к. дар Шош ва Самарқанд зарб шудааст. Аз 52 сикка 17 сиккааш бо амри Аҳмад ибни Асад дар солҳои 244 х.к. (4 адад), соли 245 х.к. (8 адад), соли 246 х.к. (5 адад), соли 247 х.к. (1 адад) соли 25? (1 адад) ва аз ин 19 сикка як сикка дар Аҳсикат ва боқимонда дар Самарқанд зарб шуда, 8 сикка дар Эрмитаж ва 11 сикка дар Тошканд маҳфузанд. Боқимонда 32 фалс бо амри Насри I ибни Аҳмад солҳои 253 х.к. (2 адад), 254 х.к. (2

адад), соли 255 х.к. (1 адад), соли 256 х.к. (6 адад), соли 265 х.к. (1 ё 2 адад), соли 266 х.к. (2 адад), соли 268 х.к. (1 адад), соли 270 х.к. (1 адад), соли 271 х.к. (6 адад), соли 272 х.к. (9 адад) дар сиккахонаҳои Самарқанд (28 адад) ва Шош (6 адад) зарб шудаанд. Ду адад фалси боқимонда соли 265 х.к./878-879 дар Шош бо амри Яъқуб ибни Аҳад зарб шудаанд, ки ба соли 1945 яке дар коллексияи шахсӣ, дигар дар осорхонаи Тошканд маҳфуз буданд. Ҳамин тавр, аз 54 сиккаи тавсифнамудаи Якубовский 44 сикка дар шаҳри Самарқанд, 8 сикка дар Шош, як сикка дар Аҳсикат зарб шуда, мехкадаи як сикка номаълум мондааст. Муаллиф ба таъкид мегӯяд, ки дар ин мақолааш мавзуи баромади сулолаи Сомониёнро баррасӣ нахоҳад кард. Ба ин нигоҳ накарда ӯ баромади Сомониёнро аз Балх ва Самарқанд гуфта, бо таъя ба ахбори Муқаддасӣ ва Ёкут аз Самарқанд баромадани онҳоро боэътимодтар медонад [19, 105]. Ӯ зарур мешуморад, то муайян созад, ки баъди заиф шудани ҳукумати Аббосиён ва мустиқлияти нисбии Хуросону Мовароуннаҳр дар давоми 50 соли ҳукмронии хонадони Тоҳириён аз соли 821 то соли 873 дар идоракунии Мовароуннаҳр Сомониён чӣ нақш доштанд [19, 106]. Ба гуфти вай сарчашмаи таҳқиқи ин мавзӯ, аз як тараф иттилои ками сарчашмаҳои арабӣ ва порсӣ аз тарафи дигар сиккаҳо ва дар айни ҳол фалсҳо мебошанд. Ӯ қайд менамояд, ки Сомониҳо то замони Исмоили Сомонӣ то соли 273 х.к./886-887 ҳуқуқи зарби дирҳамро надоштанд ва навиштаҳои Диффермерӣ дар эродҳои тарҷумаи «Равзату-с-сафо»-и Мирхонд, Тизенхаузен ва В. В. Бартолдро барои давраи аввали ҳукмронии Сомониён муҳим меҳисобад. Якубовский дар асоси иттилои Наршаҳӣ, Яъқубӣ ва Ҳамзаи Исфаҳонӣ масъалаи иштироки фаёли Сомониёнро дар паҳши шӯриши Рофеъ ибни Лайс, бо супориши халифа Маъмун аз ҷониби волии Хуросону Мовароуннаҳр – Ғассон ибни Аббод ҳокимони шаҳрҳои алоҳида таъйин шудани фарзандони Асади Сомониро баррасӣ намудааст. Дар умум Ю. Якубовский соли 204 х.к./819-20-ро санаи оғози Ҳукумати Сомониён дар Осиёи Миёна меҳисобад. Баъди баррасии иттилои сарчашмаҳои хаттӣ Якубовский ба сиккаҳо рӯ овард. Ба гуфтаи ӯ қадимтарин сиккаи сомонии то соли 1945 маълум фалс Нух ибни Асад мебошад ва мутаассифона номи мехкадаи он суда шуда буд. Якубовский ин сиккаро боарзиштарин сарчашма меномад. Чунин сикка то Якубовский мавриди таҳқиқ қарор гирифта, санаи зарби сиккаи мазкурро Френ дар соли 1813 соли 206 х. к. ва Тизенхаузен дар соли 1853 соли 203 х. к. хонда буданд. Судагии сикка ва хуб боқӣ намондани матни он боиси ба тарзи мухталиф хондани рақами охири санаи зарби ин сикка шудааст. Якубовский тарзи хондани Френро дуруст ҳисобида, қайд мекунад, ки агар санаи зарби фалсро соли 203 х.к. хонем, дар ин сурат лозим мешавад, ки навиштаи Ибни Асирро дар бораи соли 204 х.к./819-820 ҳоким таъйин шудани фарзандони Асади Сомонӣ ва суханони Яъқубиро оид ба соли 204 х.к./819-820 воли таъйин шудани Ғассон инкор намоем. Инчунин ӯ ба назар гирифтани қавли Ҳамзаи Исфаҳониро дар бораи соли 203 х.к. воли таъйин шудани Ғассон ёдовар мешавад. Ӯ афсӯс меҳӯрад, ки санаи сиккаи Нух ибни Асадро ба таври дақиқ – 203 ё 206 х.к. хондан имконнопазир мебошад. Якубовский пешниҳод менамояд, ки соли 204 х.к./819-20-ро бо имкони як сол пеш, яъне соли 203 х.к. ҳамчун санаи аввали ба ҳокимият расидани Сомониён ҳисобидан лозим аст [19, 107].

Соли 205 х.к./820-21 Маъмун ба ҷойи Ғассон асосгузори давлати Тоҳириён Тоҳир ибни Ҳусайнро воли таъйин мекунад ва ӯ ҳам вилоятҳои зери ҳукумати чор бародари Сомониро тасдиқ менамояд. Талҳа ибни Тоҳир (822-828) низ Сомониёнро

хамчун ҳокимони мулкҳои алоҳида ниғаҳ дошт. Аммо халифа Маъ-мун дар замони Талҳа сипаҳсолор Аҳмад ибни Халидро, ки бо Талҳа қаробат дошт, ба сифати ҳам-волӣ пешниҳод намуд ва ин сипаҳсолор ба Мовароуннаҳр, Уструшана ва Фарғона равон мешавад ва халифа ин инъомотро тасдиқ менамояд. Халифа дар Уструшана ва Фарғона эътибори зиёде надошт. Дар Фарғона бар зидди Аҳмад ибни Асади Сомонӣ исён бармехезад ва ҳокими Сомонӣ маҷбур мешавад, ки Фарғонаро тарк намояд. Аҳмад ибни Халид Уструшанаро тобеъ ва Фарғонаро ором менамояд. Баъди ин Аҳмад ибни Асад ба Фарғона бармегардад.

Вижагии ин таҳқиқи Якубовский аз он иборат аст, ки ӯ барои равшан намудани таърихи сиёсии Сомониён дар давраи аввали ҳукуматашон иттилои аз сиккаҳо ошкорнамударо бо ахбори сарчашмаҳои хаттӣ муқоиса намуда, хулосаи мантиқӣ мебарорад. Тибқи навиштаи ӯ дар замони Тоҳириён Сомониён волиёни дараҷаи дуюм буданд ва ҳуқуқ доштанд танҳо сиккаи мисӣ бароранд. Дар шаҳру вилоятҳо ҳоким таъйин шудани Сомониёни аввалро ӯ як шакли мулки инъомӣ медонад [19, 107-108]. Ба қавли ӯ Сомониён дар ибтидо ҳам ҳокимони тавоно буданд, лашкар чамъ намуда, дар амалиётҳои ҳарбӣ иштирок мекарданд. Тоҳириён ба қорҳои вилоятҳои дигари Эрон дар Хуросон машғул шуда, ба афзоиши тавоноӣ ва сарвати Сомониён ҳалал ворид намекарданд. Дар умум тамоми Суғд мулки Нух ибни Асад буд ва ӯ ба хазинаи халифа 326 ҳазор дирҳам хироч мепардохт. Фарғона, ки мулки Аҳмад ибни Асад буд, 280 ҳазор дирҳами муҳаммадӣ, мулкҳои Яҳё ибни Асад – Чоч 607 ҳазор дирҳами мусайябӣ ва Уструшан 50 ҳазор дирҳам, аз ҷумла, 48 ҳазор дирҳами муҳаммадӣ ва 2 ҳазор дирҳами мусайябӣ хироч месупориданд [19, 108]. Бояд гуфт, ки аз ин ҳокимони Сомонӣ ягон нафари онҳо ба таври мустақил ба халифа хироч пардохт карда наметавонишанд ва ҳамаи онҳо хирочро тавассути Тоҳириён мепардохтанд. Якубовский дуруст қайд мекунад, ки ҳарчанд аз рӯи миқдори хироч мулки Яҳё ибни Асад - Шош ва Уструшана аз Самарқанд дида бойтаранд, аммо мулки Нух ибни Аҳмад (Самарқанд) дар оғози ҳокимияти Сомониён ба шумори мулки асосӣ ва марказӣ буд. Ба фикри Якубовский Абдуллоҳ ибни Тоҳир халифа Муътасимро чашми дидан надошт ва мекушид, то сиёсати мустақилона дошта бошад. Абдуллоҳ ба Самарқанд ба Нух ибни Асад нома менависад ва Нух ба Абдуллоҳ ибни Тоҳир ҷавоб медиҳад, ки Мовароуннаҳр 300 ҳазор деҳ дорад ва аз ҳар деҳ як сарбози савора ва як пиёда мебарояд. Яъне Нух таъкид мекунад, ки аз халифа тарсидан лозим нест ва дар умум аз Мовароуннаҳр (ба қавли Ибни Ҳавқал аз Мовароуннаҳру Хуросон) 600 ҳазор лашкар фароҳам меояд. Ӯ Нух ибни Асадро ҳокими пуриқтидор ва силахшӯр меҳисобад ва бо таъя ба ахбори Самъонӣ аз юриши ӯ бар зидди туркони Исфичоб дар соли 225 х.к./839-40 ёдовар мешавад. Якубовский бо назардошти ин, ки Исфичоб дар ҳамсоғии Шош ҷойгир буд, тахмин мекунад, ки дар ин юриш лашкари Шош низ иштирок менамояд. Бо амри Нух дар Исфичоб барои пешгирии Ҳафтрӯд аз ҳучумҳои ғоратгаронаи туркони оғуз девори қалони истехкомӣ сохта мешавад. Ба қавли Якубовский ҳарчанд Нух барои таҳкими Сомониён ҷидду ҷаҳд намуд, аммо пойдевори иқтидори Сомониёнро Аҳмад ибни Асад гузоштааст на Нух. Аҳмад ибни Асад ҳафт писар – Наср, Яҳё, Яъқуб, Наср, Асад, Исмоил, Исҳоқ ва Ҳамид ва аз 40 сол бештар ҳокимият дошт. Ба гуфтаи Мирхонд баъди марги Нух ибни Асад Талҳа ибни Тоҳир вилояти Самарқандро ба бародарон Яҳё ибни Асад ва Аҳмад ибни Асад арзонӣ медорад. Якубовский инро хато мешуморад. Зеро Нуҳи I ибни Асад соли 840 Исфичобро забт

карда, соли 841 фавтида буд. Талҳа ибни Тоҳир ханӯз соли 828 ё 830 фавтид. Бинобар ин, на Талҳа балки Абдуллоҳ ибни Тоҳир ин намояндагони хонадони Сомониро ҳокими Самарқанд таъйин намуд. Аҳмади I ибни Асад зидди бародари худ – Яҳё мубориза бурда, дар натиҷаи ин муборизаи дохилӣ соли 855/56 Насри I ибни Аҳмад ҳокими Самарқанд таъйин гардид. Якубовский ба ин хулосаи худ тавассути иттилои сиккаҳо таҳким мебахшад. Аз 19 фалси Аҳмади I ибни Асад, ки то соли 1945 ба Якубовский маълум буданд, 18 сикка зарби Самарқанд ва танҳо як сикка зарби Аҳсикат мебошанд. Аз ин фалсҳо чор сиккааш соли 244 х.к./858-859 ва 13 сиккаи дигараш соли 245 х.к./859-60 бароварда шудаанд. Ба фикри Якубовский то марги худ (227 х.к./841/42) дар Самарқанд фалс баровардани Нухи I ибни Асад далели ҳуқуқи истисноии ӯ ҳамчун сардори сулола мебошад. Ӯ ин фикри худро бо кашф нашудани сиккаҳои Яҳё ибни Асад асоснок менамояд [19, 110]. Соли 1954 Е. А. Давидович ҳам ин хулосаро ҷонибдорӣ кардааст [6, 38-39]. Вале дар асл чунин нест. Аниқтараш то ин вақт кашф нашудани фалсҳои Яҳё ибни Асад ин ду олими шинохтаро ба чунин хулоса водор менамояд. Аввалин фалси Яҳё ибни Асад соли 1966 аз маҳаллаи Гули Бозори шаҳри Тошканд кашф шуда, онро Э. В. Ртвеладзе ва Л. Л. Ртвеладзе таҳқиқ ва chop намуданд. Фалси мазкур бо амри Яҳё ибни Асад дар Бинкат зарб шуда, дар он санаи баровардаш зикр нашудааст [13, 30]. Дертар фалсҳои зарби Шоши солҳои 214 х.к. ва 233 х.к. Яҳё ибни Асад ҳам ба chop расиданд [2, 281 -282]. Кашфи ин сиккаҳо ҳуқуқи истисноии Нух ибни Асадро дар байни се бародари дигар шубҳанок гардонд.

Тибқи навиштаи Якубовский Яҳё дар Шош монд, Аҳмад аз Фарғона ба Самарқанд омада, дар он чо то маргаш аз номи худ фалс мебаровард. Насри I ибни Аҳмад ҳарчанд ҳокими Самарқанд буд, то марги падараш сикка зарб намезад. Ба қавли Якубовский қадимтарин фалси маълуми Насри I фалси зарби соли 253 х.к./867 мебошад. Ҳокими Самарқанд таъйин шудани Насри I маънои заиф шудани нуфузи Яҳё ибни Асадро дошт. Ҳагто баъди марги Яҳё, ки соли 855/56 ба вуқӯ пайваст, Аҳмад ибни Асад Шош ва Уструшанаро низ ба қаламрави мулки хеш ҳамроҳ кард. Ӯ Шош ва Уструшанро ба писари дигараш Яъқуб ибни Аҳмад бахшид. Аҳмад дар пиронсолии худ тавонист, ки идораи тамоми Мовароуннаҳрро ба ҷуз Бухоро ба дасти намояндагони хонадони худ гирад. Яъқуб, ки ҳокими дуҷуми Сомонии Шош буд, дар Бинкет қарор гирифт ва солҳои тӯлонӣ ҳокими Шош боқи монд. Ҳангоми низоъ ва задухӯрди байни бародарон Насри I ва Исмоили I, аввалӣ ба Яъқуб нома навишта аз ӯ ёрӣ пурсид. Якубовский дирҳами зарби Самарқанди соли 273 х.к./886-87 Насри I ибни Аҳмадро, ки дар Осорхонаи таърих ва санъати Тошканд маҳфуз буд, қадимтарин дирҳами сомонӣ доништа, қайд менамояд, ки Насри I барои истиқлоли Сомониён муборизаро оғоз намуда, онро Исмоили I давом дод. Ба фикри Ю. Якубовский «чолиб ва аз назари таърихӣ муҳим аст, ки эълони расмии Истиқлол аз Хуросон ва Сафғориён (на аз хилофат) на тавассути Исмоил, балки пеш аз ӯ тавассути Наср ибни Аҳмад сурат гирифтааст» [19, 112]. Ин мақолаи Якубовский ҳам аз чумлаи беҳтарин пажӯҳиш дар давраи аввали таърихи сиёсии Сомониён тавассути таҳқиқи маводи нумизматӣ ва мероси хаттӣ мебошад.

Соли 1948 мақолаи Е. М. Массон бо номи «Неопубликованные монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные до 1947 года» ба chop расид. Ӯ дар ин мақолааш доир ба кашфи якчанд сиккаи сомонӣ иттилоъ додааст.

Тибқи навиштаи Массон соли 1945 аз қисми ҷанубии кӯҳи Қарамазор Ҳангоми ҳафриёти боқимондаи хонаи кормандони кон муҳандис М. И. Морозов як сиккаи мисӣ ёфт. Массон ин сиккаро таҳқиқ карда, муайян кард, ки он соли 347 ҳ.қ./958-59 дар Бухоро бо амри Абдулмалик ибни Нух зарб шудааст. Соли 1931 аз мазеи Кӯктоши наздикии шаҳри Сталинобод (ҳозира Душанбе) ганҷинаи сиккаҳо ва ашёи ороишӣ ёфт шуда, як қисми он ба Осорхонаи таърихии шаҳри Тошканд ворид карда шуд. Ин ганҷинаро соли 1945 Т. Миргиязов коркард намуд. Дар байни дирҳамҳои ин ганҷина як дирҳами зарби самарқандӣ Нух ибни Наср ва дирҳами амири Андароба Саҳлон ибни Махтум (зарби Андароба) мавҷуд буд. Дирҳамҳои боқимонда қарахонии зарби Бухоро ва Сағонӣён буданд [11, 52-54]. Дар як ганҷина мавҷуд будани дирҳамҳои сомонӣ ва қарахонӣ муҳим аст. Е. М. Массон дар дигар пажӯҳишҳои хеш ҳам ба сикказанӣ ва сиккаҳои сомонӣ аҳаммияти ҷиддӣ додааст. Ӯ ҳатто ба тавсифи як сиккаи ёфтшудаи сомонӣ иҷтиноб намекард. Ӯ чунин тибқи навиштаи ӯ соли 1920 В. Э. фон Эгерт аз Кони Ғӯт як фалси сомонии зарби соли 343 ҳ.қ. марбут ба Нух ибни Насро меёбад. Аммо Массон зарробхонаро зикр намекунад. Ин сиккаро ба Осорхонаи асосии осиймиёнагӣ ворид намуд [12, 37].

Бояд гуфт, ки то соли 1955 дар Иттиҳоди Шуравӣ доир ба сикказанӣ ва муомилоти пулии Сомонӣён ягон таҳқиқоти ин мавзӯро ба таври умумӣ фарогиранда анҷом наёфта буд. Чунин таҳқиқотро Е. М. Массон анҷом дод. Дар ин сол мақолаи муфассали ӯ бо номи «К вопросу о дирхемах Мусайяби» нашр шуд. Муаллиф дар аввали ин мақола аз таърихи таҳқиқи сиккаҳои бухорхудотӣ ҳарф зада, аз Д. Х. Френ, П. И. Лерх, И. Штиккел, В. Г. Тизенхаузен ёдовар шуда, иттилои муаллифони асриёнагӣ – Истаҳрӣ, Ибни Фазлон, Наршаҳӣ, Ибни Хурдодбех, Макдисӣ ва Ёкутро доир ба сиккаҳои роиҷи замони Сомонӣён баррасӣ намудааст. Е. М. Массон нахустин шуда сикказанӣ ва муомилоти пулии Сомонӣёнро ба таври умумӣ таҳқиқ, таҳлил ва натиҷагирӣ кард. Ӯ доир ба навъҳои гуногуни сиккаҳои Сомонӣён ва чигунагии қурб ва гардиши онҳо маълумот дода, сиккаҳои мусайябӣ ва муҳаммадиро мавриди баррасии бештар қарор додааст ва зарби ин ду навъ сиккаи бухорхудотиро ба се давраи ҷудоғона тақсим намуд. Е. М. Массон дар хулосаи мақолааш ба барқарорсозии топографияи сиккаҳои сомонӣ ва таҳқиқи химиявии онҳо таъкид менамояд. Тибқи хулосаи мавсуф дар умум сикказанӣ ва муомилоти пулӣ дар давлати Сомонӣён ягона ва собит набуд [10, 175 -196].

Яке аз мавзӯҳои муҳими сикказанӣ ва муомилоти пулии Сомонӣён ин нақши сиккаҳои сомонӣ дар тичорати байналмилалӣ ва роҳҳои ба Аврупо ворид шудани дирҳамҳои сомонӣ буд. Аз олимони Шуравӣ В. Л. Янин ин мавзӯро аз ҳама бештар таҳқиқ намуда, асари ба низоми пулию вазнии Русияи давраи то муғулӣ бахшидаи ӯ соли 1956 нашр мешавад [20]. Ӯ муайян менамояд, ки дар шаш даҳсолаи аввали асри X дирҳамҳои сомонӣ дар тичорати байни Шарқу Ғарб ҷойгузини дирҳамҳои аббосӣ мешаванд. Дар асри X суръати содирот ва теъдоди дирҳамҳои сомонӣ ба Аврупо нисбат ба асри IX хеле афзуд. Дар солҳои 70-уми асри X суръати содироти дирҳамҳои сомонӣ ба Аврупо бо сабаби тақвияти бурҳони нуқра бо суръат паст гардид [20, 122]. Яқин барои муайян намудани тарзи муомилоти дирҳамҳои сомонӣ дар Аврупо таҳқиқоти метрологии муҳимро анҷом дод. Ӯ вазни дирҳамҳоро таҳқиқ карда, ба чунин хулосаи меояд, ки дирҳамҳои Исмоил ибни Аҳмад, Аҳмад ибни Исмоил ва дирҳамҳои нимаи якуми ҳукмронии Насри II ибни Аҳмад 2.7 – 3.1 грамм ва

2,7 -3.2 грамм вазн доштанг ва ин имконият меод, ки дирхамҳои сомони чунин вазндоштаро дар сеяки аввали асри X дар Аврупо дона –дона истифода баранд [20, 122]. Дар ганчинаҳои дирхамҳои сомони мансуб ба давраи баъдинаи асри X, ки аз Аврупо ёфт шудаанд, масалан вазни дирхамҳои Нуҳи II ибни Наср аз 2.6 грамм то 4,6 грамм буд, ки фарқияти вазн хеле зиёд аст. Янин фарқияти зиёди вазни дирхамҳо ва сершумории дирхампораҳо ба инобат гирифта, чунин хулоса мекунад, ки дар ин давра муомилоти вазнии дирхамҳо ба вучуд меояд [20, 136-140]. Дар асри X тичорат бо Сомониён сарчашмаи асосии ба Россия ворид шудани нукра буда, дирхамҳои сомони дар ташаккули низомии вазнии сикказании славянҳо таъсири бевосита расонидааст [20, 203-205]. Шоистаи таъкид аст, ки соли 1954 доир ба сикказани ва мулкҳои феодалии Сомониён дар Исфичобу Фарғона мақолаи муфассали Е. А. Давидович чоп шуд, ки он ба мавзӯи маҳдуд бахшида шуда буд. Аммо бо назардошти ҳамаи осори илмии Е. А. Давидович метавон гуфт, ки ӯ дар Иттиҳоди Шуравӣ аз ҳама беҳтар мавзӯҳои гуногуни марбути сикказани ва муомилоти пулии Сомониёнро таҳқиқ кардааст. Аз олимони тоҷик Д. Довутов низ доир ба ин мавзӯ таҳқиқоти муҳимро анҷом додааст. Чун доир ба ҷиғунагии таҳқиқи ин мавзӯ аз ҷониби Е. А. Давидович ва Д. Довутов мақолаҳои муаллиф чоп шудаанд, дар ин ҷо мо аз такрори матлаб худдорӣ менамоем [15, 16]. Академик Б. Ғафуров ҳам ба мавзӯи мазкур мароқ зоҳир карда, бо таъя ба таҳқиқоти олимони сиккашинос дар китоби «Тоҷикон» андешаҳои мушаххаси худро иброз намудаанд, ки ин мавзӯ дар мақолаи алоҳидаи муаллифи ин сатрҳо инъикос ёфтааст [15, 16].

24 апрели соли 1973 деҳаи Козянкии вилояти Витебски Беларусия ганчинаи калони сиккаҳои кӯфӣ ёфт шуд ва миқдори зиёди сиккаҳои ин ганчина тасарруф шуданд. Аз ин ганчина 7 ҳазору 690 дирҳами он маълум шуд ва 7 ҳазору 599 адади он дар Осорхонаи кишваршиносии Полотск маҳфуз аст. Ганчинаи мазкурро муаррихи шинохтаи белорус В. Н. Рябсевич таҳқиқ ва чоп намуд. Ӯ аз таркиби ин ганчина 1 дирҳами умавӣ, 349 дирҳами аббосӣ, 36 дирҳами саффорӣ, 6 ҳазору 847 дирҳами сомони (!) ва дигар навъ дирхамҳо ошкор намуд [14, 1974]. Дар таркиби ин ганчина дирхамҳои шаш амири Сомони – Исмоил ибни Аҳмад, Яҳё ибни Аҳмад, Исҳоқ ибни Аҳмад, Аҳмад ибни Исмоил, Насри II ибни Аҳмад ва Нуҳи II ибни Наср мавҷуд буд. Аз меҳкадаҳои сомони Тоҷикистон дар ин ганчина танҳои дирхамҳои Хуттал мавҷуд аст, ки онҳо солҳои 290, 292, 296, 297, 308, 312, 322 ҳ.к. дар давраи аморати Исмоили I, Аҳмади II ва Насри II зарб шудаанд. Инчунин дар таркиби ганчинаи мазкур 2 адад дирҳами зарби соли 284 ҳ.к.-и Хуттал бо зикри амири он – Ҳорис ибни Асад муайян шудааст.

Дар замони Шуравӣ рушди ҳафриёти бостоншиносӣ ба таҳқиқи сиккаҳои сомони таъсири амиқи мусбат мерасонад. Ҳатто аз ёдгориҳои дурдасту баландкӯҳ низ сиккаҳои сомони кашф мешаванд. Масалан, ба гуфтаи М. А. Бубнова дар шаш давраи ҳафриёти мавзеи Бозордараи Помир 23 сикка кашф шудааст. Аз ин миқдор ду сиккаро соли 1963 геологҳо ёфта буданд. Аз 23 сикка дутоаш сиккаи сомони буда, тибқи таҳқиқи Е. А. Давидович яқтои он соли 987 дар Бухоро ва дигараш дар Фарғона зарб шудаанд. М. А. Бубнова фалс ё дирхам будани сиккаҳои сомониро зикр накарда, хулосаи ба назари мо шубҳанокро пешниҳод менамояд. Муҳаққиқ дар санагузории Бозордара ин сиккаҳои сомониро ба назар нагирифта, изҳор менамояд, ки сиккаҳои сомони дар аввали асри XI ҳамроҳи сиккаҳои қарахонӣ дар гардиш буданд.

Аз ин ҷост, ки мавсуф аввали таърихи Бозордараро ба ибтидои асри XI мансуб ме-донад. Аммо ин хулосаи М. А. Бубнова чандон саҳеҳ ба назар намерасад. Зеро сиккаҳои зикрнамудаи ӯ дар шакли як ганчинаи том ёфт нашудаанд [3,62]. Бахусус сиккаҳои сомони зарби Бухорои соли 898, ки онро соли 1963 геологҳо ёфта буданд. Кашфи сиккаҳои сомонӣ аз Бозордара метавонад далели ин бошад, ки ҳаёт дар ин ҷо дар ду даҳаи охири асри X, яъне дар замони Сомониён оғоз шудааст.

Илова бар мақолаҳои дар боло таҳлилу баррасӣ шуда, дар ҷумҳуриҳои назди Балтик, Осиеи Миёна ва дигар ҷумҳуриҳои Шуравӣ аз соли 1922 то соли 1991 доир ба мавзуи мадди назар як қатор таҳқиқот анҷом ёфтааст, ки дар айни замон баррасии онҳо аз зарфияти ин мақола берун аст.

Муҳимтарин вижагии таҳқиқи ин мавзӯ дар Иттиҳоди Шуравӣ ҳамин аст, ки дар натиҷаи вусъати ҳафриёти бостоншиносӣ ганчина ва сиккаҳои нав ошкор гашт, топографияи сиккаҳои сомонӣ хеле фароҳ шуд, меҳкадаҳо-зарробхонаҳои нави сомонӣ кашф шуд ва ҷамъовариҳои онҳо дар осорхонаҳои навтаъсис биафзуд. Ҳарчанд таҳқиқоти олимони Шуравӣ дар ин мавзӯ аслан маҳдуд ба Мовароуннаҳр буда, тамоми қаламрави Сомониёнро фаро намегирифт ва бар хилофи асри XIX доир ба сиккаҳои сомонӣ ягон асари бунёдии академӣ таҳия ва ҷоп нашудааст, олимони Иттиҳоди Шуравӣ пеш аз ҳама барои ҳалли масъалаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоии замони Сомониён сиккаҳоро дар муқоиса бо мероси марбути хаттӣ ҳамчун сарчашмаи муҳими таърихӣ мавриди таҳқиқ қарор дода, дар ин қор ба дастовардҳои назаррас ноил шуданд.

АДАБИЁТ

1. Биков А. А. Новый клад медных куфических монет из Таджикистана//Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. – Ленинград, Т. I, 1956. – С. 87 – 112.
2. Богбедӣ М. Сиккаҳои Эрон дар давраи исломӣ. Аз оғоз то баромадани Салҷуқӣён. – Тейхрон, 1397 – 745 с.
3. Бубнова М. А. Древние рудознатцы Памира. – Душанбе, 1993. – 174 с.
4. Вяткин В. Матрица и штамп из Самарканда//Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы – Ташкент, В. I, 1926. С. 71-76.
5. Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, - Москва, 1972. - 425 с.
6. Давидович Е. А. Ферганские Саманиды по нумизматическим данным//Эпиграфика Востока. - Москва, Ленинград. - Вып. XI. 1956. С. 14–26.
7. Давидович Е. А. Вторая монета Саманида Нуха ибн Асада//Эпиграфика Востока. - Москва, Ленинград. - Вып. IX. 1956. - С. 38-39.
8. Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Центральной Азии (Ранее средневековье. Саманиды, Караханиды, Джаниды)// История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, Вып. 1, 1984. – С. 186 – 205.
9. Монетные находки в Средней Азии в 1917-1947 гг. 1928
10. Массон Е. М. К вопросу о черных дирхамах Мусейяби//Труды Института истории и археологии. Материалы по археологии Узбекистана. –Ташкент, Вып. 7, 1955. - С. 175 – 196.
11. Массон Е. М. Неопубликованные монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные до 1947 года//Маълумотномаи Филиали Тоҷикистони Академияи фанҳои СССР. – Сталинобод, Ҷ. VI. – С. 52-54.
12. Массон Е. М. Рудник погребели. - Фрунзе, 1971. - 48 с.
13. Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л. Первый фельс Йахийи ибн Асада//Эпиграфика Востока. – Москва, Ленинград. IX, 1972. – С. 30-31

14. Рябцевич В. Н. Козьянковский клад//Археологические открытия 1973 года. – Москва, 1974. – 560 с.

15. Шарифзода А. Сикказанӣ ва инъомоти феодалии Сомониён дар осори А.Е. Давидович//Муаррих. – Душанбе, №1 (37), 2024. – С. 117-127

16. Шарифзода А. Таҳқиқи сиккаҳои сомонӣ дар Тоҷикистон//Муаррих. – Душанбе, № 3(31), 2022. - С. 64 -77.

17. Шарифзода А. Мунк – зарробхонаи нави замони Сомониён//Муаррих. – Душанбе, №2 (34), 2023. - С. 31-38.

18. Шарифзода А. Баррасии масоили сикказанӣ ва муомилоти пулии давлати Сомониён дар осори академик Бобочон Ғафуров//Академик Бобочон Ғафуров – бузургтарин муҳаққиқ ва муаррифгари таърихи халқи тоҷик. – Душанбе, 2023. – С. 410 - 430

19. Якубовский А. Ю. Об одном раннесаманидском фельсе (Из ранней истории Саманидского дома)//Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – М. -Л. XII. 1945. - С. 103 – 112.

20. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – Москва, -1956. – 207 с.

ТАҲҚИҚИ СИККАЗАНӢ ВА МУОМИЛОТИ ПУЛИИ ДАВЛАТИ СОМОНИӢН ДАР ИТТИҲОДИ ШУРАВӢ

Бо ғалабаи Инқилоби Октябри соли 1917, таъсисёбии Иттиҳоди Шуравӣ ва дар ҳайати он ташкилшавии ҷумҳуриҳои шуравӣ таҳқиқи сикказанӣ ва муомилоти пулӣ дар давлати Сомониён, ки дар асрҳои пешин вучуд дошт, идома ёфта, комилтар гашт.

Дар ин давра аз олимони Шуравӣ Е. М. Массон, А. А. Биков, А. Ю. Якубовский, Е. А. Давидович, Э. В. Ртвеладзе, В. Н. Рябцевич, В. Л. Янин, Б. Н. Кочнев, Д. Довутов ва чанде дигарон бевосита мавзӯи мақрури таҳқиқ намуданд.

Муаллиф ба ин натиҷа расидааст, ки муҳимтарин вижагии таҳқиқи ин мавзӯ дар Иттиҳоди Шуравӣ ҳамин аст, ки дар натиҷаи вусъати ҳафриёти бостоншиносӣ ганҷина ва сиккаҳои нав ошкор гашт, топографияи сиккаҳои сомонӣ хеле фарох шуд, меҳкадаҳо-зарробхонаҳои нави сомонӣ кашф шуд ва ҷамъоварии онҳо дар осорхонаҳои навтаъсис биэфзуд. Ҳарчанд таҳқиқоти олимони Шуравӣ дар ин мавзӯ аслан маҳдуд ба Мовароуннаҳр шуда, тамоми қаламрави Сомониёро фаро намегирифт ва бар хилофи асри XIX доир ба сиккаҳои сомонӣ ягон асари бунёдии академӣ таҳия ва ҷоп нашуд, олимони Иттиҳоди Шуравӣ пеш аз ҳама барои ҳалли масъалаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоии замони Сомониён сиккаҳоро дар муқоиса бо мероси марбути хаттӣ ҳамчун сарчашмаи муҳими таърихӣ мавриди таҳқиқ қарор дода, дар ин қор ба дастовардҳои назаррас ноил шуданд.

Калидвожаҳо: *Давлати Сомониён, сикказанӣ, муомилоти пулӣ, Иттиҳоди Шуравӣ, Е. М. Массон, А. А. Биков, А. Ю. Якубовский, Б. Ғафуров, Е. А. Давидович, Э. В. Ртвеладзе, В. Н. Рябцевич, Д. Довутов, Ганҷинаи Исфара, Ганҷинаи Козняк, Мовароуннаҳр, меҳкадаҳо, масъалаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоӣ.*

ИССЛЕДОВАНИЕ МОНЕТНОГО ДЕЛА И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ САМАНИДОВ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

С победой Октябрьской революции 1917 года, образованием СССР и создания в его составе советских республик исследование монетного дела государство Саманидов, существовавший в прежние века, продолжалось и совершенствовалось.

Эту тему непосредственно исследовали в этот период советские ученые Е. М. Массон, А. А. Биков, А. Ю. Якубовский, Е. А. Давидович, Э. В. Ртвеладзе, В. Н. Рябцевич, В. Л. Янин, Б. Н. Кочнев, Д. Довутов и ряд других.

Автор приходит к выводу, что важнейшая особенность исследования данной темы в советский период состояла в том, что в результате расширения археологических раскопок были открыты новые клады и монеты, топография саманидских монет значительно расширилась. Были

обнаружены новые монетные дворы Саманидов, увеличилась коллекции музеев за счет новых нумизматических поступления.

Исследования советских ученых на эту тему ограничивается Мавераннахром, поэтому не охватывает всю территорию Саманидов. Вопреки традициям XIX века, ни одной фундаментальной академической монографии, посвященной саманидским монетам, не было издано. Советские ученые, прежде всего, в контексте изучения политических, экономических и социальных вопросов времени Саманидов, исследовали монеты как важнейший исторический источник в сравнении с соответствующим письменными источниками и добились значительных успехов.

Ключевые слова: *Государство Саманидов, монетное дело, денежное обращение, Советский Союз, Э. М. Массон, А. А. Быков, А. Ю. Якубовский, Б. Гафуров, Е. А. Давидович, Е. В. Ртвеладзе, В. Н. Рябцевич, Д. Довутов, Исфаринский клад, Козьяковский клад, Моваруннахр, монетные дворы, политические, экономические и социальные вопросы.*

RESEARCH OF COINAGE AND MONEY CIRCULATION IN THE SAMANIDS STATE IN THE USSR

With the victory of the October Revolution of 1917, the formation of the USSR and the creation of Soviet republics within it, the study of in the Samanids coinage, continued and improved.

This topic was directly studied during this period by Soviet scientists E.M. Masson, A.A. Bikov, A.Yu. Yakubovsky, E.A. Davidovich, E.V. Rtveladze, V.N. Ryabtsevich, V.L. Yanin, B.N. Kochnev, D. Dovutov and others.

The author comes to the conclusion that the most important feature of the study of this topic in the Soviet Union is that as a result of the expansion of archaeological excavations, new treasures and coins were discovered, the topography of Samanid coins expanded significantly. New Samanid mints were discovered, museum collections increased due to new numismatic receipts.

Research by Soviet scientists on this topic is limited to Maverannahr, and therefore does not cover the entire territory of the Samanids. Contrary to the traditions of the 19th century, not a single fundamental academic book devoted to Samanids coins was published. Soviet scientists, primarily in the context of studying political, economic and social issues of the Samanid epoch, studied coins as an important historical source in comparison with the corresponding written sources and achieved significant success.

Key words: *Samanid state, coinage, money circulation, Soviet Union, E. M. Masson, A. A. Bykov, A. Yu. Yakubovsky, B. Gafurov, E. A. Davidovich, E. V. Rtveladze, V. N. Ryabtsevich, D. Dovutov, Isfara treasure, Koznyakovsky treasure, Movarunnahr, mints, political, economic and social issues.*

Сведения об авторе: Шарифзода Абдували Курбоналӣ – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Тел.: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Information about the author: Sharifzoda Abduvali Qurbonali - Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

УДК 930. 1 (092) (575. 3)

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ О
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ АБДУКОДИРА МУХИДДИНОВА**

САИДЗОДА И.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В период образования и развития Таджикской советской республики появилось много профессиональных государственных деятелей таджикского народа, роль и место которых в современной историографии являются малоизученными. Среди многих известных таджикских государственных деятелей, которые основали и развивали Советский Таджикистан, особое место занимает видный государственный деятель Абдукодир Мухиддинов.

Путь к образованию Таджикистана был не легким. Первым государственным деятелем той эпохи пришлось для этого бороться много лет приложить немало усилий. Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон отмечает, что «в развитие государства таджиков и в основании её столицы свой вклад внесли многие политические руководители, такие как, Нусратулло Махсум, Абдукодир Мухиддинов, Шириншо Шотемур, Чинор Имомов, Абдурахим Ходжибоев, Яхья Афзали» [11,141].

Абдукодир Мухиддинов являлся одним из наиболее способных, интеллектуально развитых руководителей Республики Таджикистан 20– 30–х годов XX века. Период его жизни и деятельности совпали с периодом, который являлся сложным не только для таджикского, но и для всех народов бывшего Советского Союза. Так как, этот период совпал с периодом репрессий, наряду с тем, что являлся переходным, был трагичным в судьбе многих ее партийных и государственных деятелей [15, 29].

Хотя, о его государственной деятельности и жизни написано немало статей, тем не менее, всё ещё остаются недостаточно изученными вклад и значение деятельности Абдукодира Мухиддинова в строительстве государственности Таджикистана.

Многие исследователи отмечают, что по сей день вклад А. Мухиддинова в строительстве нового Таджикистана остается недооцененным. Нет научно обоснованных работ по деятельности этого государственного деятеля. Народный поэт Таджикистана Мумин Каноат справедливо отмечает, что «...Абдукодир Мухиддинов стремился не к единению людей одной местности или одного города, а к единению и возрождению всего персоязычного мира. Вполне уместно поставить его имя в ряды героев таджикского народа» [6,4].

Тем не менее, разные периоды жизни и деятельности Абдукодира Мухиддинова освещались в трудах историков и журналистов, таких как, С. Айни, Ш. Муллоджонов, Р. Масов и Ш. Султанов, Н. Хотамов, Б. Эргашев, У. Гаффоров, И. Усмонов, А. Набави, Е. В. Давлятова, Дж. Наботов, Д. Махмудов и Д. Хайдаров.

В трудах С. Айни приводятся ценные данные о личности и жизни А. Мухиддинова [1]. С. Айни широко освещает политическую деятельность последнего в Бухарском эмирате.

Отрывочные сведения о А. Мухиддинове, занимавшего разные политические посты после свержения эмирского режима в Бухаре запечатлены в исследованиях Р. Фиша и Р. Хашима [16,45]. Следует отметить, что в вышесказанных трудах авторы не ставили перед собой изучение жизнедеятельности А. Мухиддинова, поэтому в них изложены некоторые факты из его деятельности.

Первая статья, посвященная жизни и деятельности А. Мухиддинова, написана Б. Эргашевым [16,78]. Автор в своей статье не упустил из виду весьма опасный период политической карьеры А. Мухиддинова, когда он действовал вопреки интересам эмирского режима. Данная работа также освещает важнейший этап в политической деятельности А. Мухиддинова, когда он был на посту председателя Совета Народных Комиссаров Таджикской АССР.

Политическая деятельность А. Мухиддинова освещена в совместной статье Р. Масова и Ш. Султанова [6]. Данная статья по значимости является первостепенной для нашего исследования, так как она охватывает весь период жизнедеятельности А. Мухиддинова и показывает заслуги последнего, а также трагическую судьбу этого видного политического деятеля. «Тот, кто не соглашался с общим мнением по государственным или национальным вопросам, – пишут авторы, – превращались во врага народа. Не смог избежать этого и А. Мухиддинов. Его свободомыслие, самостоятельность, несогласие с официальной политикой руководства по многим вопросам социалистического строительства привели к тому, что он стал одним из первых жертв начавшихся массовых репрессий 1930-х годов. Будучи одним из самых последовательных, грамотных и честных руководителей нашей республики, он стал заложником той системы, в создании которой сам же принимал участие» [6,56].

Роль и место А. Мухиддинова в процессе национально-территориального размежевания подробно раскрыта в монографии Р. Масова «История топорного разделения» [9]. В частности, академик Р. Масов пишет, что «в процессе рассмотрения территориальных споров и восстановления исторической справедливости А. Мухиддинов принимал самое деятельное участие. Сохранились его докладные записки, статьи, в которых он с глубоким знанием истории таджикского народа и на основе других неопровержимых аргументов доказывает и настаивает на объединение всех таджикских территорий в единую самостоятельную независимую республику [9, 90]. В работе имеются ценные сведения о деятельности А. Мухиддинова.

В 1989 году в периодической печати была опубликована статья Иброхима Усмонова и Джумахона Наботова. «А. Мухиддинов. Фикрҳои мо дар бораи забони адабии тоҷикӣ» [13]. Данная статья проясняет свет во взглядах А. Мухиддинова по дальнейшей судьбе таджикского языка.

Немаловажное значение в изучение жизни и деятельности А. Мухиддинова имеет и статья Дж. Наботова «Роль Абдукадира Мухиддинова в пропаганде таджикского языка», выпущенная в сборнике материалов молодежной конференции в Душанбе [12, 59–61].

Известный историк У. Гаффаров в своей статье обращает внимание на роль и место Абдукадира Мухиддинова в создании таджикской государственности [3].

В другой статье данного автора под названием «Акси садо» [2] освещается политическая поддержка А. Мухиддинова и его дружеские отношения с С. Айни. «Абдулкадир Мухиддинов – пишет автор, не отказывал в финансовой помощи С. Айни».

С сентября 1915–го по апрель 1916 года С. Айни работал кассиром на заводе отца Абдулкодира Мухиддинова. Владелец фабрики Мухиддин Мансур, будучи образованным человеком, создал все условия для С. Айни, чтобы он не отвлекался от своего литературного творчества. В это же время С. Айни изучал нравы фабричных рабочих, которые впоследствии были описаны в повести «Одина» [2].

Далее автор приводит воспоминание трудового и партийного ветерана М. Нурмухаммадова: «После революции во главе партийцев, выросли сильные большевистские кадры. К сожалению, большая часть из них была провозглашена врагами народа и лишена всех юридических и политических заслуг. Мы должны восстановить их добрые имена. В 1933 году я арестовал Абукодира Мухиддинова. Они его убили. Прошло несколько десятилетий, и наконец, он был оправдан...» [3].

В 1993 году Е. Давлятовой была выпущена статья под названием «Абдулкадыр Мухитдинов - выдающийся общественно - политический деятель 20-х годов» [3]. Автор данной статьи с особым энтузиазмом анализирует политическую деятельность А. Мухиддинова. В статье также приведен короткий анализ источников по теме. Автору статьи удалось показать политический вес и роль А. Мухиддинова в первые годы советской власти.

В последние годы в периодической печати появился ряд статей Д. Махмудова и Д. Хайдарова [5], касательно роли А. Мухиддинова в образовании первой таджикской газеты, развитие мировоззрения А. Мухиддинова и его противостояния пантюркизму, роли семейства Мухиддиновых в образовании и развитии местной периодической печати, о помощи А. Мухиддинова С. Айни, о периоде джадидской деятельности семейства Мухиддиновых, о судьбе А. Мухиддинова после Октябрьской революции, о политической деятельности А. Мухиддинова и др.

Национальные интересы таджикского народа и заслуги А. Мухиддинова проанализированы в статье А. Набави [10]. Автор в своей статье уделил особое внимание письму А. Мухиддинова «Товарищу И. В. Сталину». Письмо Сталину было опубликовано в среднеазиатском партийном журнале «За партию» (1928, № 9/13).

Другие статьи написаны таким же образом, и они имеют прямое отношение А. Мухиддинова к вопросам таджикского языка, культуры, литературы, их развитию и процветанию» [10, 97].

В изучение данного вопроса особо следует отметить исследования Дж. Наботи. Автор собрал много архивных данных по данному вопросу. Дж. Наботи отмечает, что: «участие А. Мухиддинова в создании и строительстве таджикской государственности в период 1924 – 1929 годов является достойной заслугой перед таджикским народом. Огромную роль А. Мухиддинов сыграл в публикации известного произведения устода Садриддина Айни – «Образец таджикской литературы», которое внесло новые подходы и методы в развитии таджикского языка. Также огромен вклад А. Мухиддинова в развитие социально–экономиче-

ской, гуманитарной сферах жизни таджикского народа, что стало залогом будущего создания Таджикской Советской Социалистической Республики в составе СССР» [8].

Наиболее подробная информация о А. Мухиддинове дается в научной статье Н. Б. Хотамова [15]. Оценивая личность А. Мухиддинова, автор пишет: «Он и в новый период неустанно боролся за справедливость. Однако в итоге сам стал жертвой несправедливости сталинской эпохи. В 1958 г. Абдукадыр Мухиддинов посмертно был реабилитирован и восстановлен в компартии» [15, 27].

Таким образом, изучение жизни и деятельности видного государственного деятеля начала XX века – А. Мухиддинова имеет огромное значение и вызывает постоянный интерес у исследователей - историков Таджикистана. Пройденный путь А. Мухиддинова требует дальнейшего анализа и обобщения на основе еще не введенных в научный оборот материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. С. Айни. Таърихи инкилоби Бухоро//С. Айни. – Душанбе: Адиб, 1987. – 247 с.
2. У. Ғаффоров. Акси садо/У. Ғаффоров//Омӯзгор. – 1989. – 7 ноябр.
3. У. Ғаффоров. Абдуқодир Мухиддинов//Тоҷикистон. –1990. –№ 9. –С. 8-9.
4. Е. В. Давлятова. Абдулкадыр Мухитдинов – выдающийся общественно – политический деятель 20–х годов//Е. В. Давлятова//Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: Востоковедение, История, Филология. – 1993. – №1-2 (29-30). – 109 с.
5. Д. Махмудов, Д. Ҳайдаров. «Бухорои шариф» – нахуст рӯзномаи тоҷикӣ/Д. Махмудов, Д. Ҳайдаров//Ҳафтаномаи таърихӣ – таҳқиқотии Самак, 2018. – № 44 (365). – 1 ноябр.
6. Қахрамони оянда кист? Назарпурсии Бежан Матин бо Шоири халқии Тоҷикистон Муъмин Қаноат//Минбари халқ. – 2006. – 19 июн. С.4.
7. Р. Масов, Ш. Султанов. Абдулкадыр Мухитдинов: «Вытянуть народ из тьмы средневековья»//Р. Масов, Ш. Султанов//Коммунист Таджикистана. – 1989. – 22 октября.
8. Ман он рози ниҳон будам, ки берун аз даҳон рафтам: Мусохибаи Умари Шерхон бо Ҷумъахон Наботов//Минбари халқ. – 2013. – 10 июл.
9. Р. Масов. История топорного разделения//Р. Масов. –Душанбе: Ирфон, 1991. –192 с.
10. А. Набавӣ. Масъалаҳои миллий дар маҷаллаи «Раҳбари дониш»//Садои Шарк/А. Набавӣ. –1990. – С. 96-97.
11. Э. Раҳмон. Суханронӣ дар маҷлиси ботантана ба ифтихори 110 – солагии зодрӯзи Шириншоҳ Шоҳтемур//Э. Раҳмон. Истиклолияти Тоҷикистон ва эҳёи миллат. – Душанбе: Ирфон, 2011. – Ҷ.10. – 576 с.
12. Ҷ. Наботов. Роли Абдуқодир Мухиддинов дар тарғиби забони тоҷикӣ//Ҷ. Наботов//Маводи Конференсияи илмӣ-амалии олимони ва мутахассисони ҷавони Тоҷикистон (13-14 апрели соли 1989). – Душанбе, 1990. – 152 с.
13. И. Усмонов, Ҷ. Наботов. «Абдуқодир Мухиддинов. Фикрҳои мо дар бораи забони адабии тоҷикӣ» (И. Усмонов, Ҷ. Наботов//Газетаи муаллимони», 1989. – 21 феврал.
14. Р. Фиш, Р. Хашим. Глазами совести. –Душанбе: Ирфон, 1978. -296 с.
15. Н. Б. Хотамов, Абдукадыр Мухиддинов. Судьба политика/Н.Б. Хотамов//Историк. – 2021. – №2 (26). – С. 177 с.
16. Б. Эргашев. Первый таджикский премьер/Б. Эргашев//Коммунист Таджикистана. – 1989. –№10. – 96 с.

ТАҲҚИҚОТИ ТАЪРИХНИГОРӢ ДАР БОРАИ ҲАЁТ ВА ФАЪОЛИЯТИ АБДУҚОДИР МУҲИДДИНОВ

Дар мақола суҳан дар бораи мақолаҳо, корҳо ва инчунин маълумоте, ки дар матбуоти даврӣ доир ба ҳаёт ва фаъолияти сиёсии Абдуқодир Муҳиддинов инъикос ёфтаанд меравад. Дар миёни бисёр шахсиятҳои таърихӣ дар аввали асри XX шахсе, ки барои пешрафти давлати тоҷик саҳми беандоза ва назаррас гузоштааст Абдуқодир Муҳиддинов ба ҳисоб меравад. Соли 1924 ҳангоми ташкил намудани Ҷумҳурии Автономии Тоҷикистон Абдуқодир Муҳиддинов муовини раиси Ревком интихоб гардида буд.

Калидвожаҳо: *Абдуқодир Муҳиддинов, давлати тоҷикон, фаъолияти сиёсӣ, асри XX.*

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИИ О ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ АБДУКОДИРА МУХИДДИНОВА

В статье обобщаются статьи, труды, а также информация из периодической печати о жизнедеятельности, особенно политической деятельности Абдукодира Мухиддинова. Среди многих исторических личностей первой четверти XX века, человеком имеющий большой вклад в образование и развитие таджикского государства, является Абдукоdir Мухиддинов. В 1924 году, когда была создана Таджикская Советская Социалистическая Автономная Республика, Абдукаdir Мухиддинов был назначен заместителем председателя Ревкома.

Ключевые слова: *Абдукоdir Мухиддинов, таджикское государство, политическая деятельность, XX век.*

HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE STUDY ON THE LIFE OF ABDUKODIR MUKHIDDINOV

The article summarizes articles, works, as well as information from the periodical press about the life, especially the political activity of Abdukodir Mukhiddinov. Among many historical figures of the first quarter of the 20th century, a person who has a great contribution to the education and development of the Tajik state is Abdukodir Mukhiddinov. In 1924, when the Autonomous Republic of Tajikistan was created, Abdukadir Mukhiddinov was appointed deputy chairman of the Revolutionary Committee.

Key words: *Abdukodir Mukhiddinov, Tajik state, political activity, XX centur.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Саидзода Исмоил - докторанти (PhD) Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. E-mail: ismoil90-1@bk.ru. Тел: 918-28-85-19.

About the author: Saidzoda Ismoil – PhD candidate at the Institute of History, Archaeology, and Ethnography named after Ahmad Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: ismoil90-1@bk.ru Тел: 918-28-85-19.

УДК 69.059(575.3)

ТАЪРИХИ ТАРМИМ ВА ТАҲКИМИ МЕРОСИ ТАЪРИХИЮ ФАРҲАНГИИ ТОҶИКИСТОН

ШАРИФЗОДА А., САИДЗОДА С.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ
ба номи А. Дониши АМИТ

Инсон аз замонҳои қадим ашӯ ва асбоби истехсолкардаи хешро, ки дар ҷараёни истифодабарӣ ба онҳо осеб мерасид ва ё манзилашро, ки аз ҳаводиси табиӣ зарар меид, ба ҳар роҳ ва дар сатҳи гуногун барқарор менамуд. Бо шаклгирии боварҳои ибтидоӣ, сипас бо ташаккули давлатҳо ва динҳои давлатӣ шумори ашӯ ва биноҳои муқаддас меафзуд ва ихлосмандонашон барои ҳифз ва барқарории онҳо чидду ҷаҳд менамуданд.

Чунин осори барқароршуда дар рафти таҳқиқоти бостоншиносии замони муосир кашф ва мавриди таҳқиқи алоҳида қарор мегиранд. Амали барқарорсозӣ ва ба шакли аввала баргардонидани осори таърихӣ акнун тармим, реставратсия ва мустаҳкамсозӣ дар шакли аслиаш ҳифз намудани мероси таърихро таҷдид ва ё консерватсия меноманд.

Ҳарчанд осори қадима ва асримиёнагии тармимшудаи аз Тоҷикистон кашфшуда далели қидмати таърихи барқарорсозии осори мухталиф мебошад, аммо оғози корҳои тармим (реставратсия) ва таҷдиди (консерватсия) илман асоснок ба маънои имрӯза ва дар сатҳи давлатӣ иҷрошаванда ба замони Шуравӣ рост меояд.

Бояд тазаққур дод, ки ба масъалаи ҳифзи ёдгориҳои бостоншиносӣ ва таъсиси осорхонаҳо дар Тоҷикистон, аллакай баъди солҳои 30-юми асри гузашта тавачҷух зоҳиргардида, як қатор қарорҳо ва қонунҳо қабул шуда буданд. Аз ҷумла, моҳи январ соли 1930 дар тамоми матбуоти даврии ҷумҳурӣ Муроҷиатномаи Комитети Иҷроияи Марказӣ ва Шурои Комиссариати Халқии Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон таҳти унвони «Бақайдгирӣ ва ҳифзу ҳимояи ёдгориҳои таърихӣ фарҳангӣ ва маводи антиқӣ ва табиӣ» ба таъъ расид [8]. Дар ин матлаб оид ба созишҳои шуъбаи назоратӣ доир ба қору фаъолияти осорхонаҳо ва ҳифзи ёдгориҳои таърихӣ ва маводи антиқии давлатӣ сухан мерафт.

Шурои Комиссарони Халқии Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон моҳи феврал соли 1937 қарори махсусро оид ба «Фаъолияти осорхонаҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» ба таъъ расонид [9]. Дар ин замина нахустин осорхонаҳо таъсис ёфтанд, ки дар фонди онҳо асосан ашӯҳои мардумшиносӣ ниҳадорӣ карда мешуданд. Ин дар ҳоле буд, ки бостоншиносон ва олимони шуруъ аз асри XIX ба ҷустуҷӯи ашӯҳои антиқӣ ва ёдгориҳои таърихӣ оғоз намуда буданд. Вале онҳо ҳуҷусияти илмӣ касбӣ надоштанд.

Бостоншиносӣ ҳамчун илм ва таҳқиқоти бостоншиносии касбӣ дар Тоҷикистон баъди солҳои 40-уми асри XX ба вучуд омад. Маҳз дар ҳамин давра гурӯҳҳои алоҳидаи экспедитсионӣ, барои таҳқиқи ёдгориҳо минтақаҳои гуногуни Тоҷикистон таъсис дода шуданд. Дар натиҷа шумораи зиёди ёдгориҳо кашф гардиданд, ки на

ҳамаи онҳоро бидуни тармимгарон кушодан ва гирифтани мумкин буд. Маҳз ҳамин омил боиси ҷалби тармимгарон дар қовишҳои бостоншиносӣ гардид. Масалан, хангоми қовишҳои бостоншиносӣ дар шаҳри бостонии Панҷакент муайян гардид, ки дар баъзе мавридҳо ҳунармандони асримиёнагӣ ранги саҳнаҳои тасвиршударо иваз намудаанд [6, 9].

Қайд кардан ба маврид аст, ки бори аввал тармимгарон ба ёдгории Панҷакенти қадим ҷалб гардиданд. Дар ин ёдгорӣ қовишҳои бостоншиносӣ аз соли 1946 бо сарвари Ю. Якубовский оғоз гардид, ки аллақай дар солҳои аввали қовишҳо, аз деворҳои биноҳо боқимондаҳои деворнигораҳо пайдо шуданд. Дар ибтидо бостоншиносон деворнигораҳоро баъди кашф кардан, дубора зеро ҳок мекарданд, то ки аз харобшавӣ эмин боқӣ монанд. Ин албатта, аввалин қадамҳо барои ҳифзи ёдгориҳои бостоншиносӣ буд ва он ҳамчун қорҳои таҳкими табиӣ маҳсуб мегардид. Деворнигораҳо тавассути рангҳои табиӣ дар болои ду қабат андоваи қоғазӣ тасвир шуда буданд. Мутахассисон барои тармим ва таҳкими деворнигораҳо аз тарзу усулҳои тармимгарони кишварҳои дигар, ба монанди А. Грюнвелд, Л. Стаут, Ф. Олденбург, М. Дудина ва дигарон истифода карда, тавассути маҳлулҳои поливинилатсетат (ПВА) ва поливинилбутирал (ПВБ) деворнигораҳоро таҳким намуда, барои тармим ва интиқол ба осорхонаҳо омода намудаанд [1,159]. Ин амалҳоро тармимгарони даъватгардида аз Эрмидажи Ленинград (Санкт-Петербург), аз ҷумла П. И. Костров ва Е. Г. Шейнина дар соли 1949 ба анҷом расонида буданд.

Онҳо аз ҷумлаи нахустин тармимгарон дар ёдгориҳои бостоншиносии Тоҷикистон ба шумор рафта, дар рушди минбаъдаи қорҳои тармимгарӣ ва таҳкимӣ саҳми назаррас гузошта, муддати 20 сол дар ёдгориҳои асримиёнагии Осиёи Миёна фаъолият намуда, асосан ба таҳким ва тармими деворнигораҳо ва муҷассамаҳо машғул гардиданд. Ин фаъолият аз як тараф таҷрибаи қалон барои ҳуди П. Костров ва дигар тармимгарон гардид. Аз тарафи дигар таҷрибаи онҳо дар фаъолияти ояндаи тармимгарон ба таври васеъ, аз ҷумла дар таҳкими муҷассамаи Буддо дар ҳоли нирвана мавриди истифода қарор гирифт, раванқ пайдо кард. Ҷунонҷӣ П. Костров аввалин шуда, дар таҳким намудани муҷассамаҳо ва деворнигораҳо аз маҳлули полибутилметакрилати (ПБМА) истифода мекунад.

Лозим ба тазаккур аст, ки муҷассамаи Буддо соли 1964 аз ҷайри буддоии Ачинатеппа кашф шуда буд. Барои таҳким ва интиқоли он ба осорхона тармимгарон аз Эрмидажи давлатӣ ва ду тармимгар-таҷрибаомӯз аз Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониш таҳти роҳбарии П. Костров ҷалб гардиданд. Онҳо қорҳои тармимгариро аз соли 1966 оғоз карданд.

Минбаъд таҳким ва тармими муҷассамаи Буддо якҷанд марҳаларо дар бар гирифт. Ҷи гунае ҳуди тармимгарон қайд намудаанд, дар марҳалаи аввал қори онҳо дар ёдгории Ачинатеппа хусусияти бостоншиносии саҳроӣ гирифта буд. Яъне вазифаи аввалиндараҷаи онҳо озод кардани муҷассамаи Буддо аз хоку ҷанг буд. Аз ин рӯ, онҳо ба ду гурӯҳ ҷудо шуданд. Гурӯҳи аввал қабати хокуро аз болои муҷассама тоза мекарданд. Гурӯҳи дуюм бошад, ба покқорӣ намудани муҷассама машғул гардиданд [2,85-87].

Марҳалаи дуюм ин таҳкими муҷассама барои интиқол ба осорхона буд. Тармимгарон барои мустаҳкамнамоеи муҷассама дар навбати аввал бо маҳлули полибутилметакрилати дар қсиллол якҷояшуда, 2 маротиба муҷассама роӣпӯш намуда буданд.

Дафъаи сеюм барои рӯйпӯш кардани мучассама аз маҳлули полибутилметакрилати дар атсетон яқояшуда истифода намуданд. Баъди мустаҳкамнамоӣ тармимгарон мучасса-маро ба 42 қисм тақсим карда, барои ҳар як қисм қуттии маҳсус сохта ва дохили онҳоро бо майдачӯбҳо (опилка) пур мекунад. Ин амал барои бехатарӣ ва ҳифзи қисмҳои мучассама дар вақти интиқол ба осорхона буд. Баъди як соли ҳафриёт пораҳои боқимондаи мучассамаи Буддо ва сари он аз хучраи дигар пайдо карда мешаванд ва дар маҷмуъ пораҳои мучассамаи Буддо ба 72 қисм мерасанд. Сар ва дигар пораҳои мучассама низ тавассути қуттиҳои маҳсус ба осорхона интиқол дода шуданд.

Баъд аз ин марҳалаи сеюм оғоз мегардад, ки он асосан аз барқароркунӣ ва тармими мучассама дар ташхисгоҳи Институти таърих иборат буд. Дар ин маврид Л. Новика мушаххасан мақола навишта зикр мекунад, ки новобаста аз хуб боқӣ мондани мучассама, дар навбати аввал тармимгаронро зарурат пеш омад, ки аналогҳои Буддуро чувстучӯ намоянд ва дар асоси рангҳо ва шакли қисмҳои овардашуда, онро азнавсозӣ кунанд [3,239].

Л. Новика якчанд маротиба барои барқарорнамоии мучассама тавассути ғач кӯшиш намуд. Аммо барқарор кардани мучассамаи Буддо дар осорхона дар шакли намоишӣ баъд аз 22 сол, яъне соли 2000 муяссар гардид, ки ин амалро В.А. Фоминих ба анҷом расонд [5,310].

Маврид ба зикр аст, ки гурӯҳи тармимгарони Эрмитаж аз ҷумла П. Костров, М. П. Винокурова, Р. М. Беляева, Г. И. Тер-Оганян, В. М. Соколовский, Е. Г. Шейнина ва баъдтар тармимгарони Институти таърих Л. Новикова, П. Страдомская, ки дар ибтидо таҷрибаомӯз буданд, аввалин шуда, мактаби тармимгарии Тоҷикистони замони Шуравиро таъсис ва ташаққул медиҳанд, ки дар ибтидо объекти асосии тармимгарии онҳо асосан деворнигораҳо, мучассамаҳо ва умуман ёдгориҳои бостоншиносии манқул буд. Аммо ин раванд охишта-охишта сабаби таъсисёбии аввалин муассисаҳо ва ташхисгоҳҳои тармимгарӣ мешавад.

Ин буд, ки соли 1964 дар Институти таърих озмоишгоҳи техникӣ ва тармимгарӣ ташкил гардид, ки дар он 8 нафар қору фаёолият мекарданд [4,20]. Гарчанде ки ташхисгоҳ соли 1964 таъсис дода шуда бошад ҳам, аммо фаёолияти тармимгарии онҳо аз соли 1968 оғоз гардид, ки он бо мучассамаи Буддо дар ҳоли нирван робитаи зич дошт.

Соли 1968 бошад, муассисаи маҳсус, ки маҳз ба таъмири ёдгориҳои бостонии ғайриманқул машғул буд, таъсис дода шуд, ки он «Устохонаи маҳсуси истеҳсолии илмӣ - тармимӣ» дар назди Вазорати маданияти РСС Тоҷикистон фаёолият мекард.

Аз рӯзҳои аввал ин муассиса баҳри эҳёи мероси ғайриманқули ниёгон қорҳои зиёдро ба анҷом расонидааст. Пеш аз ҳама ёдгориҳое, ки дар ҳолати садамавӣ қарор доштанд, ба қайди давлатӣ гирифта шуда, барои тармиму барқарорнамоии онҳо чораҳои зарурӣ андешида шуданд.

Бо қарори Шурои Вазирони РСС Тоҷикистон таҳти рақами 206 аз 13-уми сентябри соли 1990 муассисаи номбурда ба «Раёсати илмӣ-истеҳсолии давлатии республикавии Тоҷикистон оид ба муҳофизат, реставратсия ва истифодаи ёдгориҳои таърихӣ маданӣ бо принципҳои ҳисоби хоҷагӣ амалкунандаи назди Шурои Вазирони РСС Тоҷикистон (Тоҷик ГУОП)» табдил дода шуд [10].

Аммо таҷриба нишон дод, ки чунин тағйирот беасос ва бар зарари қор будааст. Аз ин лиҳоз, моҳи декабри соли 1991 «Тоҷик ГУОП» ба ихтиёри Вазорати фарҳанг, ҳамчун Муассисаи давлатии «Иттиҳодияи илмӣ-истеҳсолий оид ба муҳофизат ва таъмири барқарорсозии ёдгориҳои таърихӣ» гузаронида шуда, то имрӯз бо ҳамин ном фаёолият менамояд.

Маврид ба зикр аст, ки дар солҳои 60-уми асри гузашта ғайр аз ташхисгоҳҳо ва корхонаҳои давлатӣ ва илмӣ, ки ба тармиму таҳким ва ҳифзи мероси таърихию фарҳангӣ машғул буданд, боз якчанд ташкилоти ҷамъиятии ихтиёрӣ таъсис ёфта буданд. Яке аз чунин ташкилот ин «Ҷамъияти муҳофизати ёдгориҳои таърих ва маданияти Тоҷикистон» буд, ки он дар тамоми шаҳру ноҳияҳо ва шаҳракҳо ташкилоти ибтидоии худро дошт [7].

Ба ташкилоти мазкур, дар радифи шахсони калонсол ва кормандони давлатӣ, инчунин, шаҳрвандони синну солашон ба 16 нарасида, аз ҷумла мактаббачагон низ ҷалб гардиданд. Вазифаи асосии аъзои ин ҷамъият иштирок дар корҳои ҷамъиятӣ, таъмиру тармим ва барқарорнамоии ёдгориҳои таърихӣ, ва ҳамзамон баргузор намудани чорабиниҳои илмӣ ва оммавӣ буд.

Ҷамин тавр, маълум мешавад, ки таърихи тармим ва таҳкими илмии мероси таърихӣ, аз ҷумла объектҳои бостоншиносӣ дар Тоҷикистон бо барқароршавии сохти шуравӣ, таъсиси осорхонаҳо ва ташкили таҳқиқоти бостоншиносӣ алоқа-мандии зич дошта, дар натиҷаи фаъолияти марказҳои мухталифи илмӣ ва фарҳангии умумииттифок ва ҷумҳурӣ муҳимтарин мероси фарҳангӣ кашф, ҷамъо-варӣ ва ҳифз шуданд, ки имрӯз онҳо дар самтҳои мухталиф ба таври фароҳ истифода мешаванд.

АДАБИЁТ

1. Костров П.И. Техника живописи и консервация росписей древнего Пенджикента//П. И. Костров. – Москва, 1954. – 248 с.
2. Новикова Л.П. О консервации и извлечении глиняной статуи будды в нирване// АРТ//Л. П. Новикова. – Душанбе, 1975. – 267 с.
3. Новикова Л. П. Работа реставрационно-технологической лаборатории//АРТ//Л.П. Новикова. – Москва, 1973. – 362 с.
4. Мальцев Ю. С. Институти таърих ба номи Аҳмади Дониш/От. редактор Ю. С. Мальцев. – Душанбе, 1981. 69 с.
5. Фоминих В. А. Реконструкция монументальной глиняной скульптуры Будды в Нирване из Аджина-Тепе//АРТ/В.А. Фоминих. – Душанбе, 2003. – 326 с.
6. Якубовский Л. Ю. Вопросы изучения пянджикентской живописи//Живопись древнего Пянджикента//Л. Ю. Якубовский. – Москва, 1954. – 248 с.

Бойгонӣ

7. Бойгонии ҷорӣ Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон//Низомномаи ҷамъиятии ихтиёрии муҳофизати ёдгориҳои таърих ва маданияти Тоҷикистон//Бо қарори Совети Вазирони РСС Тоҷикистон аз 20.05. 1966, №178 тасдиқ гардидааст.
8. Об учете и охране памятников искусства старины и природы: Постановление ЦИК и СНК Таджикской ССР от 7 января 1930//Сов. Таджикистан. – 1930. – 18–19 января.
9. О работе Республиканского музея: Постановление СНК Таджикской ССР от 16 февраля 1937 года//Сов. Таджикистан. – 1937. – 27-28 февраля.
10. Бойгонии ҷорӣ Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон//Қарори Шурои Вазирони РСС Тоҷикистон/аз 13 сентябри соли 1990, № 206.

ТАЪРИХИ ТАРМИМ ВА ТАҲКИМИ МЕРОСИ ТАЪРИХИЮ ФАРҲАНГИИ ТОҶИКИСТОН

Дар мақолаи мазкур сухан дар бораи пайдоиши масъалаи тармим ва таҳкими ёдгориҳои бостоншиносӣ Тоҷикистон рафта, санадҳо ва меъёрҳои ҳуқуқие, ки нахустин маротиба дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои ҳифзи ёдгориҳо қабул гардидаанд, дарҷ шудаанд. Инчунин дар мақола зикр шудааст, ки яке аз сабабҳои асосии пайдоиши масъалаи тармим ва таҳкими ёдгориҳо дар Тоҷикистон, ин кашфиёти бозёфтҳои нодир мебошанд. Ин нукта дар мисоли кашфи деворнигораҳои Панҷакенти қадим ва мучассамаи Буддо дар нирвана инъикос шудааст.

Муаллифон дар мақолаи нахустин таҷрибаҳои тармимгариро дар ёдгориҳои бостоншиносӣ мавриди таҳлил қарор дода, метод ва усулҳои асосии тармим намудани ёдгориҳоро нишон дода аст. Инчунин, зикр мекунам, ки аввалин тармимгарон дар Тоҷикистон аз Эрмитаж буданд ва онҳо дар тармими ёдгориҳо бештар аз методи таҳлилӣ - муқоисавӣ истифода мекарданд.

Инчунин, дар мақола доир ба аввалин ташкилоти чамбиятӣ дар самти ҳифзи ёдгориҳо, ташкил намудани ташхисгоҳҳои тармимгарӣ ва аввалин муассисаҳои, ки ба тармим ва таҳкими ёдгориҳо машғул гардидаанд, маълумот оварда шудааст.

Калидвожаҳо: тармим, таҳким, муҷассама, ҳифз, ёдгориҳо, деворнигора, ташихисгоҳ, маҳлул, тармимгарон, Буддо.

ИСТОРИЯ РЕСТАВРАЦИИ И КОНСЕРВАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТАДЖИКИСТАНА

В данной статье впервые говорится о возникновении вопроса о реставрации и консервации археологических памятников Таджикистана, включены документы и правовые нормы, которые были приняты впервые в Республике Таджикистан по охране памятников. В то же время в статье указывается, что одной из основных причин постановки вопроса о реставрации и консервации памятников в Таджикистане является обнаружение редких находок. Это обстоятельство отражено на примере открытия древних пенджикентских настенных росписей и статуи Будды в нирване.

В своей статье авторы анализируют первые опыты реставрации археологических памятников и показывает основные методы и способы реставрации памятников. Также он упоминает, что первые реставраторы в Таджикистане были из Ленинградского Эрмитажа, и при реставрации памятников они использовали больше аналогический метод.

Также в статье приведены сведения о первых общественных организациях в области охраны памятников, создании реставрационных лабораторий и первых учреждениях, занимающихся реставрацией и консервацией памятников.

Ключевые слова: реставрация, консервация, статуя, памятники, росписи, лаборатория, клей, реставраторы, Будда.

HISTORY OF RESTORATION AND CONSERVATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF TAJIKISTAN

This article is the first to talk about the emergence of the issue of restoration and conservation of archaeological monuments in Tajikistan, and includes documents and legal norms that were adopted for the first time in the Republic of Tajikistan on the protection of monuments. At the same time, the article indicates that one of the main reasons for raising the issue of restoration and conservation of monuments in Tajikistan is the discovery of rare finds. This circumstance is reflected in the example of the discovery of ancient Penjikent wall paintings and a statue of Buddha in nirvana.

In his article, the author analyzes the first experiments in the restoration of archaeological monuments and shows the main methods and methods of restoration of monuments. He also mentions that the first restorers in Tajikistan were from the Hermitage, and when restoring monuments, they used a more analogous method.

The article also provides information about the first public organizations in the field of monument protection, the creation of restoration laboratories and the first institutions involved in the restoration and conservation of monuments.

Key words: restoration, conservation, statue, conservation, monuments, paintings, laboratory, glue, restorers, Buddha.

Сведения об авторах: Абдували Шарифзода – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Телефон: (+ 992) 900-55-75-75. E – mail: abduvali05@mail/ru

Саидзода Савриддини Сайдамир – докторант Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Тел: (+992) 918-58-68-04. E – mail: savriddin.saidzoda.98@mail.ru

Information about the authors: Abduvali Sharifzoda – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 900-55-75-75. E – mail: abduvali05@mail/ru

Saidzoda Savriddini Saidamir – doctoral student at the A. Donish Institute of history, archeology and ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 918-58-68-04. E – mail: savriddin.saidzoda.98@mail.ru

УДК 297.4:1(092)

МУҲАММАД ҒАЗЗОЛӢ ДАР ТАҲҚИҚИ
ФРАНТС АВГУСТ ШМӢЛДЕРС

Султонзода С. А.,

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Муҳаммад Ғаззолии Тӯсӣ новобаста аз он ки алайҳи фалсафаву илми дунявӣ муборизаи беамон бурдааст, вале аз замони зиндагиаш то ба имрӯз дар мамолики Шарқу Ғарб ҳамчун мутафаккири тезхуш, теологи беназир ва олими барҷаста шуҳрати беандоза дорад. Таъсири ин донишманди дин то имрӯз ба ҷомеаи мусулмонӣ, бахусус ба теологону диндорон бисёр назаррас аст. Имом Ғаззоли аз донишмандоне буд, ки дар асри XII намунаҳои осораш дар баробари осори Абубакри Розию Форобӣ ва Ибни Сино барин файласуфони забардаст ва донишмандони табиатшинос ба забони лотинӣ тарҷума гардида, мутафаккирону теологони аврупоии асримиёнагиро таҳти таъсири амики худ қарор дода буд.

Муҳаққиқи асри XX-и Фаронса хонум Амели Мари Гуашон дар асари худ «Фалсафаи Ибни Сино ва таъсири он ба Аврупои асрҳои миёна» ба ин маънӣ менависад, ки ҳангоми тарҷума кардани осори Ибни Сино ба забони лотинӣ хулоса ва андешаҳои Ғаззолиро роҷеъ ба «Китоб-уш-Шифо» низ ба забони лотинӣ тарҷума гардида, мардум Ғаззолиро на ҳамчун рақиби Ибни Сино, балки ҳамчун шогирди вафодори вай пазирuftа буданд [7, 16]. Хонум А. М. Гуашон номҳои мутарҷимони асри XII, ки осори мутафаккирони фавқуззикрро ба забони лотинӣ тарҷума кардаанд, ба таври зайл нишон додааст: «Барои осори Ибни Сино ман тарҷумаи асримиёнагиро бо матни арабӣ қиёс намудам, ҳарчанд дар он иштибоҳот зиёданд, вале ба натиҷаҳои ночизи ба даст омада қаноат қардан мумкин аст: мо медонем, ки Гундисалвӣ ё беҳтараш Гундиса-линуи тарҷумаи кастиляниро, ки барои вай яҳудии ба насронӣ гаравида Жан де Севил ё ба тарзи дигар Ёхан Испанус, Авендас ё Ибни Довуд омода карда буд, ба лотинӣ баргардон кард. Дар ин қор ба вай яҳудии дигар бо номи Саломон низ кумак расонидааст. Тарҷумаҳои осори Форобӣ, Ғаззоли, албатта, Ибни Сино ва аз ҳама бештар китобҳои илмиро роҷеъ ба риёзиёт, физика, таърихи табиат, китобҳои арабию юнонии Афлотун, инчунин Арастуру фаро мегирифтанд» [7, 93-94].

Файласуф ва муҳаққиқи нидерландӣ Лео Ж. Элдери (1926-2019), ки як қисми осораш ба забони франсавӣ таҳия шудааст, асаре дорад бо номи «Фомаи Аквинӣ ва моқаблони ӯ». Дар ҳамин асар новобаста аз он ки Фомаи Аквинӣ ба мисли Ғаззоли теолог буд, вале Лео Ж. Элдери менависад, ки Фома дар асарҳои ба мутакаллимун, яъне ба Киндӣ, Форобӣ, Ғаззоли ва Авемпас ниҳоят кам истинод кардааст, зеро дар хусуси онҳо дониши бисёр маҳдуд дошт. Вале барои Фома Ибни Сино ва Ибни Рушд мутафаккирони асосӣ ба шумор мерафтанд. Фома дар осораш аз Ибни Сино бештар аз 340 маротиба иқтибос овардааст [8, 318-319]. Ҷолиб он аст, ки Лео Ж. Элдери Киндию Форобиро дар қатори мутакаллимун гузоштааст. Ҳол он ки дигар

донишмандони шарқию Ғарбӣ ин мутафаккиронро ба мактаби машшоия мутааллик медонанд.

Бо ин маълумоти мухтасар иктифо намуда, ба сари масъалаи асосӣ меоем. Яке аз нахустин донишмандони аврупоие, ки дар хусуси Ғаззоли таҳқиқоти чашмрас анҷом додааст, донишманди олмонӣ Франтс Август Шмёлдерс (1809-1880) мебошад. Ин донишманд дар Париж таҳти таъсири донишмандону шарқшиносони маъруфи фаронсавӣ Силвестр де Сасси, Жозеф Туссен Рено ва Пийер Амеде Жобер қарор гирифта, яке аз таҳқиқоти худро бо номи «Очерк дар хусуси макотиби фалсафии араб ва хусусан таълимоти Ғаззоли» соли 1842 ба забони франсавӣ таҳия ва нашр кардааст [9]. Донишманди номбурдаи олмонӣ дар муқаддимаи асари худ пайдоиши афкори ратсионалистӣ ва илмию фал-сафино дар олами ислом баррасӣ карда, фалсафаи исломро ночизу ғайриори-гиналӣ, идомаи мактабҳо ва мутафаккирони ҷунонӣ мешуморад, ки иштибоҳи маҳзу ғарзнок ва аз мавқеи аврупогарой гуфта шудааст. Номбурда ҳатто Ибни Синоро дорои низоми хос ва алоҳидаи фалсафӣ намешуморад. Ба қавли ӯ таълимоти Ибни Сино, дар умум, дар таълимоти Форобӣ ҷой дорад [10, 11]. Форобӣ бошад дар навбати худ аз дигар мутафаккирон, хусусан ҷунониёни қадим баҳра бурдааст. Ба ҳамин монанд Муҳаммад Ғаззолиро низ соҳиби мактабе бо низоми хос ҳисоб намекунад ва мегӯяд, ки ақидаҳои Ғаззоли низ аз дигарон нусхабардорӣ шудаанд [10, 12]. Маврид ба зикри хос аст, ки ҷунин тарзи муносибати муғризон ба фалсафаи исломӣ аз файласуфи маъруфи олмонӣ Ф. Гегел шуруъ шуда, минбаъд дар эҷодиёти файласуф ва риёзидони англис Бертран Рассел ба авҷи ифрот расид, ки аз баррасии ин масъала феълан худдорӣ менамоем, зеро донишмандони маъруфи тоҷик, аз ҷумла, Мӯсо Раҷа-бов, Мӯсо Диноршоев, Ғаффор Ашӯров ва дигарон ба онҳо ҷавобҳои сазовор навиштаанд [1, 9-18].

Шмёлдерс Ғаззолиро на файласуф, балки душмани ошқори файласуфон ҳисобида, менависад, ки вай дар ниҳоятӣ қор дар суфизм қарор гирифт ва онро беҳтарин роҳ барои мусулмони комил шудан шуморида, дарёфти саодати зиндагиро на дар ин олам, балки дар олами дигар пешкаш намуд. Бо вучуди ин, Ғаззоли дигар мактабҳои интиқод карда, ба ин восита аз сатҳи донишу илми замонаш дарак медиҳад, менависад Шмёлдерс. Ба навиштаи Шмёлдерс дар интиқодҳои Ғаззоли мо аз як тараф, ҳаёти илми арабҳои дар равандҳои мухталиф бо ҳама заъфу иштибоҳоташ мебинем ва аз тарафи дигар ба андешаҳои фалсафии ҳуди Ғаззоли ошноӣ пайдо мекунем [10, 13].

Бояд гуфт, ки олими олмонӣ Ғаззолиро ҳамчун араб нишон додааст, ки мусаламан иштибоҳ аст. Бояд гуфт, ки то нимаи дуюми асри ХХ тамоми шарқшиносони аврупоӣ қулли мутафаккирони олами исломро новобаста ба миллат мутафаккири араб қаламдод мекарданд ва араб буданро муродифи мусулмон будан мешумориданд, ки хатоӣ маҳз аст.

Ба навиштаи Шмёлдерс дар байни мутафаккирони араб, ки осори фалсафӣ доранд, ба истиснои Ибни Сино ва Ибни Рушд, қасе дар шуҳратӣ будан дар Аврупо ба Ҳамид Ғаззоли баробар нест [10, 214]. Ба таъкиди Шмёлдерс ягон таъкираи таърихи фалсафе нест, ки ҷандин саҳифаро ба Ғаззоли набахшида бошад. Бинобар ин, сарчашмаҳои, ки роҷеъ ба Ғаззоли маълумот медиҳанд дар Аврупо хеле зиёданд ва онҳо имкон медиҳанд, ки мавқеи ӯро дар байни файласуфон муқаррар намоем.

Тавре мебинем, навиштаҳои муҳаққиқи олмонӣ хилофи ҳамдигаранд. Вай дар боло кайд мекунад, ки Ғаззоли мактаб ва афкори хосаи худро надорад, вале дар поён ибраз медорад, ки ягон тазкираи таърихи фалсафае нест, ки чандин саҳифаро ба Ғаззоли набахшида бошад. Савол ба миён меояд, ки агар Ғаззоли андешаи фардии худро дар илму фалсафа намедошт, чи гуна аврупоиён дар тӯли қарнҳои мадид дар тамоми тазкираҳо чандин саҳифаро ба вай мебахшиданд? Нуфузи чандинасраи Ғаззоли дар байни теологону файласуфони аврупоӣ худ гувоҳи дорои мактаби бузург ва афкори бикр будани Ғаззолист.

Шмёлдерс менависад, ки байни таълимоти фалсафии Ғаззоли ва инкори фалсафа аз чониби ӯ, муқаррар намудани робита мушкул аст. Ба ҳар ҳол, ба назари Шмёлдерс дар «Таҳофуту-л-фалосифа» [3] Ғаззоли қасди инкори фай-ласуфонро надорад ва ба воситаи далоили аз фалсафаи хоси худ бар хилофи онҳо намебарояд, балки нақдҳои мухталифи дигаронро гирдоварӣ намуда, нишон медиҳад, ки андешаи як файласуф ба андешаи дигар файласуф ихтилоф дорад. Бинобар ин, Ғаззоли муътақид аст, ки байни фалосифа ихтилофи доимӣ ҳукмфармоист [10, 215]. Олими олмонӣ бовар дорад, ки қариб тамоми далелҳои дар «Таҳофуту-л-фалосифа» овардаи Ғаззоли аз догматикҳои иқтибос шудаанд, ки хеле қабл аз вай ба инкори файласуфон нигаронида шуда будаанд. Ғаззоли онҳоро танҳо бо низом ва усули хоса пешкаш гардонидаст.

Шмёлдерс савол мегузорад, ки мавқеи Ғаззоли дар байни мутафаккирони ҳамнажоди ӯ то кучост ва аз рӯи кадом меъёр мо метавонем ҷойи ӯро дар байни файласуфон муқаррар намоем? Барои посух ёфтан ба ин савол, шарқшинос масъалаҳои ахлоқӣ, динӣ, тасаввуфӣ ва фалсафии осори Ғаззолиро матраҳ менамояд.

Ба назари Шмёлдерс Ғаззоли шахси ниҳоят диндор буда, тамоми кӯшиши вай ба он равона гардида буд, ки исломро аз фосид шудан раҳонад, онро аз таҳочуми фирқаҳои бидъатқору хурофотпараст дифоъ кунад. Чунин ақидаи олими олмониро дигар муҳаққиқону донишмандон низ тасдиқ менамоянд, аз ҷумла донишманди эронии муқими ИМА С. Ҳ. Наср [4, 334]. Шмёлдерс аз осори Ғаззоли ба «Эҳё улум-ад-дин» баҳои баланд дода менависад, ки аз рӯи навиштаи баъзе тазкиранависон ҳамин гуна фикр роиҷ аст, ки «агар ислом билкул ба нестӣ равад ҳам, бо назардошти он ки ин асар боқӣ монда бошад, талафот ночиз хоҳад буд» [10, 216].

Пас аз омӯзишу баррасиҳои зиёд олими олмонӣ ба хулосае меояд, ки осори фалсафии Ғаззоли хусусияти динӣ дошта, худи вай аз эътиқодмандони шадид ба шумор меравад. Ба навиштаи Шмёлдерс фалсафа ва динро омехта накарда, Ғаззоли ба ҳақиқати қонуни муҳаммадӣ мутлақан муътақид буда, бо садои баланд эълон менамояд, ки берун аз ин қонун на ҳақиқат аст ва на роҳи наҷот [10, 216-217]. Ба назари Ғаззоли ваҳй набояд зери шубҳа қарор гирад. Ваҳй амалест, ки хурдтарин шубҳа дар он шахсро ба анафема (куфр) мебарад. Ба гуфтаи Шмёлдерс чунин эътиқоди динӣ якҷоя бо талқини хулқи наку ва аз чониби ҳаммаслақон дастгирӣ ёфтани руҳбаланд гардидан, Ғаззолиро беихтиёр ба сӯи тасаввуф бурдаанд. Дар хусуси ба тасаввуф рӯй овардан ва сабабҳои он худи Ғаззоли дар асараш «Ал-Мунқиз мина-з-зиллол» маълумот додааст [2, 16-19].

Ба навиштаи Шмёлдерс, Ғаззоли далоили ратсионалистиро сарфи назар карда, дар тасаввуф паноҳ бурд ва эҳсосоти мубҳаму асрорангезро ҳақиқати ягона ҳисобид, ки дар он нафси дорои имон комил мегардад. Яке аз ҳадафҳои асосии Ғаззоли он

буд, ки мекӯшид имкони ваҳйро нишон диҳад ва нишон диҳад, ки далоили ваҳй, харчанд аз ҷониби ақлгароён инкор шуда бошанд ҳам, вале сафсата нестанд [10, 218]. Дарки воқеияти ваҳй чун интуитсияи ҳақиқат на имконнопазир ва на қобили дарк барои ақл аст, ба ҳамин тариқ Ғаззоли ба як навъ паёмбаршиносие рафта мерасад, ки бо тарчеҳи хоса пешкаш кардааст. Бо ин роҳ, вай ба масъалаи зухуроти физиологияю психологияе таваҷҷуҳ зоҳир мекунад, ки дигар фалосифаи араб накардаанд.

Вале ба навиштаи Шмёлдерс Ғаззоли дар масъалаи метафизика аслияти камтар дорад [10, 219]. Харчанд Ғаззоли теолог буд ва байни теологияю метафизика робитаи қавӣ мавҷуд аст, вале бо ин ҳама олими олмонӣ Ғаззолиро дар дарку баррасии масъалаҳои метафизикӣ нотавон нишон медиҳад. Чизи дигаре, ки Ғаззолиро аз дигар файласуфони ҳамқававш фарқ мекунонад, илми ахлоқ мебошад, илме, ки аз ҷониби мактаби араб нисбат ба он хеле зиёд безътиной шудааст [10, 219]. Ба ин фикри олими олмонӣ розӣ шудан мушкил аст. Зеро аксар мутафаккирони олами исломи асрҳои миёна ба масъалаҳои ахлоқӣ таваҷҷуҳ кардаанд ва дар ин самт Ғаззоли дастӣ хеле қавӣ дорад.

Шмёлдерс мантиқи Ғаззолиро баррасӣ карда, онро роҳи пайдо кардани ҳақиқат, фарқ кардани рост аз кизб шуморида, воситаи қавитарини комил намудани нафс қаламдод мекунад. Ба назари Шмёлдерс мантиқи Ғаззоли бо андаке фарқият дар самти ахлоқ, дигар аз мантиқи Ибни Сино тафовуте надорад. Пас аз Ғаззоли арабҳо дар самти илми мантиқ дигар донишманде, ки ба Ғаззоли баробар шуда тавонад, надоранд [10, 221].

Ба навиштаи Шмёлдерс Ғаззоли дар омӯзиши масъалаҳои фалсафӣ нисбат ба фалосифа усули дигарро ба кор бурдааст. Вай мисли файласуфон омӯзиши масъаларо на аз физика, балки якбора аз масъалаҳои мушкилтарин, аз ҳастӣ шуруъ мекунад ва мегӯяд, ки физикаро пас аз онтология хоҳад омӯхт [10, 223]. Шмёлдерс дар ин хусус мисолҳои зиёд оварда, баъдан таъкид мекунад, ки Ғаззоли то кадом андоза ба мактаби машшоияи араб содиқ ва пайрав будааст. Дар ҳар ҷое, ки вай аз ин мактаб дур меравад, ба догматикҳо наздик мешавад [10, 234], яъне ба мутакаллимун.

Шмёлдерс маъалаҳои ҳастӣ, эманатсия, ҳисмҳо ва ғайраро аз назари Ғаззоли баррасӣ карда, ба масъалаи нафс рӯй меорад. Ба назари олими олмонӣ Ғаззоли дар ҳалли масъалаи нафс низ, харчанд мушоҳидаҳои зиёди худро ба он илова кардааст, асосан пайравӣ ба Арасту, Форобӣ ва Ибни Сино дорад [10, 239]. Ба назари Ғаззоли «нафс на ба ҳисм пайваст ва на аз он ҷудост, ба маънои моддӣ вай на дар дохил ҳисм ва на дар беруни он аст, вай барои рушди худ аз организми ҳисмонӣ истифода мебарад ва ҳисро идора карда, ба воситаи он тамоми амалҳои ӯро мекунад. Майна ва қалб қароргоҳи нафс нестанд...» [10, 240]. Тавре мебинем, олими олмонӣ ҳатто «майна» ва «қалб»-ро, ки узвҳои асосӣ ба шумор мераванд, дар таълимоти Ғаззоли ҷойгоҳи нафс намешуморад. Бояд таъкид намоем, ки ба назари аҳли тасаввуф ва қалом нафс ҷон нест. Зеро ҷонро набототу ҳайвонот ва ҳамчунин инсон низ дорад. Ҷон боиси ҳаракати ҳисм аст, на ҷавҳари шиносандаи зоти худ. Аммо нафс ҷавҳарест, ки танҳо ҳоси инсон аст ва қобил ба шинохти зоти худ аст. Вай «ҷон», «майна», «қалб» ва дигар узвҳои ҳисмониро барои расидан ба ҳадафи худ истифода мекунад. Масъалаи нафс ва «ман» дар таълимоти Ғаззоли дар мақолаи

«Исботи ҳастӣ тавассути «ман» дар таълимоти Ибни Сино, Ғаззоли ва Декарт» [5, 100-106] хеле ба тафсил баррасӣ гардидаанд.

Тавре мебинем, ҳарчанд Ғаззоли душмани ошкор ва рӯйрошти фалсафа буда, дар осораш, бахусус «Таҳафоту-л-фалосифа» файласуфон, хусусан Ибни Синоро саҳт маҳқум ва рад менамояд, вале новобаста ба ин, аз таҳқиқоти олими олмонӣ метавон ба ин хулоса расид, ки Ғаззоли дар дарку ҳалли бештари масъалаҳои фалсафӣ аз усули андешаи Арасту ва дигар юнионӣ қадим, баъдан Форобию Ибни Сино фаровон истифода бурдааст, ки онҳо аксаран намояндагони мактаби машшоия мебошанд. Ба мактаби машшоия қаробат доштани Ғаззолиро баъдан дигар шарқшиносон, аз ҷумла А. Корбен низ пай бурда, ӯро дар асари машҳури худ «Таърихи фалсафаи исломӣ» на дар қатори мутакаллимон, на сӯфиёну ишроқиёну илмоилиён ва ғайраҳо, балки маҳз дар қатори машшоиён ҷой додааст [6, 253-262]. Шмёлдерс Ғаззолиро соҳиби андешаҳои хосаи худ нашуморида, таълимоти ӯро натиҷаи пайравӣ ба дигар таълимоти мутафаккирон меҳисобад, ки ин андеша ҷойи баҳс дорад. Маврид ба зикр аст, ки андешаҳои Ф. А. Шмёлдерс роҷеъ ба Муҳаммад Ғаззоли дар мақолаи мазкур интиҳобан ва ба таври мухтасар баррасӣ гардидаанд. Омӯзиши муфассал ва ҳамҷониба дар пажӯҳишҳои минбаъда рӯйи кор хоҳад омад.

АДАБИЁТ

1. Ашуров Г., Диноршоев М. Средневековая ирано-арабская философия в оценке Гегеля//Известия АН Таджики. ССР. Отдел. обществ. наук. -№2. 1979. - С. 9-18.
2. Ал-Газали. Книга, избавляющая от заблуждения. – М.: Ансар, 2010. – 150 с.
3. Газзали Абу Хамид Муҳаммад. Опровержение философов. – Душанбе: Дониш, 2008. – 554 с.
4. Наср С.Х. Илм ва тамаддун дар ислом. Тарҷумаи А. Ором. - Техрон, 1384. – 412 с.
5. Султонов С. А. Исботи ҳастӣ тавассути «Ман» дар таълимоти Ибни Сино, Ғаззоли ва Декарт//Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (Силсилаи илмҳои ҷомеашиносӣ), -№3/9(184). –Душанбе: Сонӣ, 2015. С.100-106.
6. Corbin H. Histoire de la philosophie islamique. Gallimard, 1986. – 546 p.
7. Goichon A.M. La philosophie d'Avicenne et son influence en Europe Médiévale. Deuxième éd. Paris: Adrien Maisonnneuve, 1984. – 137 p.
8. Leo J. Elders. Thomas d'Aquin et ses prédécesseurs. La présence des grands philosophes et Pères de l'Eglise dans les oeuvres de Thomas d'Aquin. Paris : Les Presses universitaires de l'IPC, 2015. – 414 p.
9. Schmölders F.A. Essai sur les écoles philosophiques chez les Arabes et notamment sur la doctrine d'Algazzali. Paris, 2018. – 336 p.
10. Schmölders A. Essai sur les écoles philosophiques chez les Arabes et notamment sur la doctrine d'Algazzali. Paris: Typographie de Firmin Didot Frères, 1842 // Islamic philosophy. Volume 49, Institute for the History of Arabic-Islamic Science at the Johann Wolfgang Goethe University, Frankfurt am Main, 1999. – 254 p.

МУҲАММАД ҒАЗЗОЛИ ДАР ТАҲҚИҚИ ФРАНТС АВГУСТ ШМЁЛДЕРС

Дар мақолаи мазкур суҳан дар хусуси андешаҳои Муҳаммад Ғаззоли дар таҳқиқи олими олмонии асри XIX Франтс Август Шмёлдерс меравад. Муаллифи мақола ошкор менамояд, ки шарқшиноси олмонӣ таҳти таъсири ховаршиносони фаронсавӣ тарбият ёфта, дар хусуси афкори динию фалсафии Муҳаммад Ғаззоли таҳқиқоти назаррас анҷом додааст. Номбурда дар Аврупо ва Олмон аз аввалин муҳаққиқоне аст, ки ба омӯзиш ва таҳқиқи осори имом Ғаззоли тавачҷух зоҳир кардааст. Вале ба андешаи муаллифи мақола муҳаққиқи олмонӣ ба он назар аст, ки Ғаззоли ва ҳамчунин дигар мутафаккирони бузурги олами ислом, ҳатто Ибни Сино низ дорои таълимоти мукаммалу муназзами илмӣ - фалсафӣ нестанд. Муаллифи мақола бар хилофи чунин ақидаҳои ховаршиноси олмонӣ баромада, бепоя будан ва дар навиштаҳои Шмёлдерс мавҷуд будани ихтилофи назарро ошкор менамояд ва онҳоро қотеона рад мекунад. Олими олмонӣ Ғаззолиро на фақат дар масоили фалсафӣ, балки дар дарку ҳалли масъалаҳои метафизикӣ низ ноухдабаро нишон додааст, ки қобили қабул нест. Ба назари муаллифи мақола ягонаи ҷизи муҳимме, ки дар таҳқиқоти Шмёлдерс ҷой дорад, он аст, ки Ғаззоли новобаста ба он ки теолог буда, бар хилофи таълимоти фалсафӣ муборизаи шадид мебард, вале худ аз усули фалсафӣ истифода бурда, дар бисёр маврид на пайрави мактаби

калому тасаввуф, балки пайрави мактаби машшоия мебошад. Ба назари Шмёлдерс хусусан дар дарки масоили мантикӣ, нафсу тан ва ғайра Ғаззоли ба Ибни Сино пайравӣ мекунад.

Калидвожаҳо: шарқшинос, оломонӣ, фаронсавӣ, ислом, фалсафа, метафизика, теолог, калом, тасаввуф, машшоия, нафс, майна, қалб.

МУХАММАД АЛЬ-ҒАЗАЛИ В ИССЛЕДОВАНИИ ФРАНЦА АВГУСТА ШМЁЛДЕРСА

В данной статье речь идет о мыслях Мухаммада аль-Газали в исследовании немецкого учёного XIX века Франца Августа Шмёлдерса. Автор статьи показывает, что немецкий востоковед воспитывался под влиянием французских востоковедов и провел значительные исследования религиозно-философских мыслей Мухаммада аль-Газали. Он является одним из первых исследователей в Германии и Европе в целом, обративших внимание на изучение и исследование произведений имама аль-Газали. Однако, по мнению автора статьи, немецкий исследователь считает, что аль-Газали, как и другие великие мыслители исламского мира, даже Ибн Сина, не имеют полных и систематических научно-философских учений. Автор статьи не согласен с такими взглядами немецкого востоковеда, вскрывает их необоснованность и наличие разногласий в трудах самого Шмёлдерса и категорически отвергает их. Немецкий учёный показывает неумелость аль-Газали не только в понимании философских вопросов, но и в понимании и решении метафизических вопросов, что недопустимо. По мнению автора статьи, единственное важное в исследованиях Шмёлдерса состоит в том, что аль-Газали, несмотря на то, что он был богословом, яростно боролся с философскими учениями, но сам пользовался философским методом и во многих случаях не был последователем школы калама и суфизма, а наоборот является последователем школы перипатетизма. По мнению Шмёлдерса, аль-Газали следует за Ибн Синой, особенно в понимании вопросов логики, связи души и тела и т. д.

Ключевые слова: востоковед, немец, француз, ислам, философия, метафизика, богослов, калам, суфизм, мистика, душа, мозг, сердце.

MUHAMMAD AL-GHAZALI IN THE STUDY OF FRANZ AUGUST SCHMÖLDERS

This article deals with the thoughts of Muhammad al-Ghazali in the study of the XIXth century German scientist Franz August Schmölders. The author of the article shows that the German orientalist was brought up under the influence of French orientalists and conducted significant research into the religious and philosophical thoughts of Muhammad al-Ghazali. He is one of the first researchers in Germany and Europe in general to pay attention to the study and research of the works of Imam al-Ghazali. However, according to the author of the article, the German researcher believes that al-Ghazali, like other great thinkers of the Islamic world, even Ibn Sina, do not have complete and systematic scientific and philosophical teachings. The author of the article does not agree with such views of the German orientalist, reveals their groundlessness and the presence of disagreements in the works of Schmölders himself and categorically rejects them. The German scientist shows al-Ghazali's ineptitude not only in understanding philosophical issues, but also in understanding and solving metaphysical issues, which is unacceptable. According to the author of the article, the only important thing in Schmölders' research is that al-Ghazali, despite the fact that he was a theologian, fiercely fought against philosophical teachings, but he himself used the philosophical method and in many cases was not a follower of the school of Kalam and Sufism, but on the contrary is a follower of the school of Peripatetism. According to Schmölders, al-Ghazali follows Ibn Sina, especially in understanding issues of logic, the connection between soul and body, etc.

Key words: orientalist, German, French, Islam, philosophy, metaphysics, theologian, Kalam, Sufism, mysticism, soul, brain, heart.

Сведения об авторе: Султонзода Соки Аслон – доктор философских наук, профессор кафедры философии, заведующий кафедрой французского языка Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни. Тел.: (+992) 93 814 86 39. E-mail: sultonzoda83@mail.ru

About the author: Sultonzoda Soqi Aslon - doctor of philosophic sciences, professor of philosophy chair, head of French language chair of the Tajik State Pedagogical University by name S. Ayni. Tel.: (+992) 93 814 86 39. E-mail: sultonzoda83@mail.ru

УДК 930. 271 (575.3)

МИКРОБАЗЫ И АЛТАРИ С АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ
ДАНГАРИНСКОГО РАЙОНА¹

ЯКУБОВ Ю.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В результате археологического исследования на памятниках греко-бактрийского и кушанского периодов, на территории Дангаринского района обнаружены десятки типов каменных микробаз и переносных алтарей-миджмар. Микробазы и алтари в основном являются случайными находками о назначении, которых исследователи молчат. В 1982 г. аспирант Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша М. Азизов посетил городище Чортов, расположенного на территории сел. Торбулок (Чашмаитор) Дангаринского района. В отдел археологии он сообщил о имеющихся там каменной ступке и каменных базах. В 1983г. сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана Е. Денисов, повторно обследовал территорию разрушенного памятника в селение Торбулок и собрал более 8 каменных баз, и микробаз (3,279-281). (рис.1 табл.)

Полное описание находок Е. Денисова не сохранилось. Имеется только таблица, в которую он включил не только микро, но и большие каменные базы. Но масштабы баз не соответствуют описаниям Г. Линдстрем и Т. Филимоновой сделанных в последние годы.

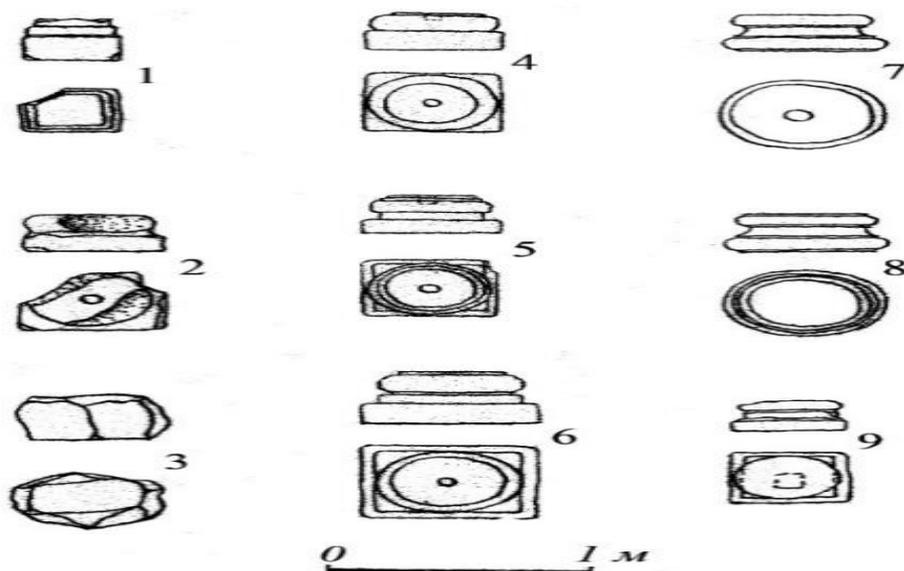

Рис.1. Таблица каменных баз с памятников Дангаринского района, составлен Е. Денисовым для археологической карты района.

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа», раздел «Археология Таджикистана (от каменного века до позднего средневековья)». Государственный регистрационный номер РБ0121ТJ1212.

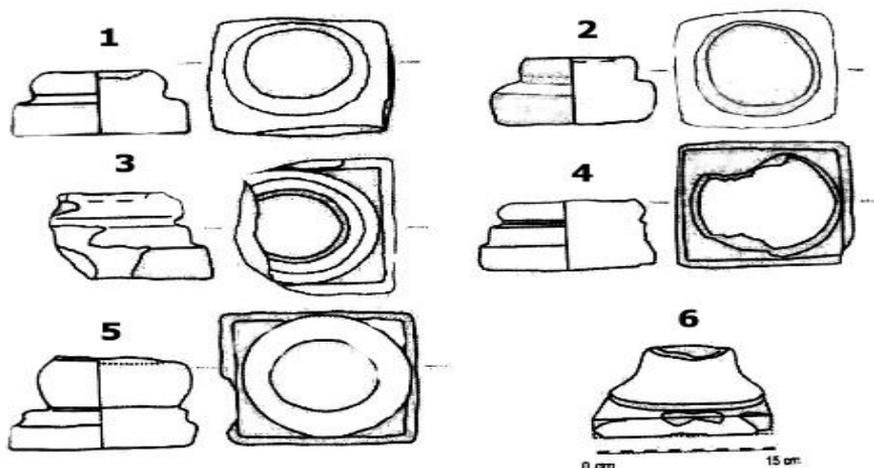

Рис.2. Таблица микробаз из Торбулока, составлена Т. Филимоновой и Г. Лингстрем

Рис. 3. Микробаза (заготовка) и алтари из храма огня Торбулока (фото Ю. Якубова)

В 2013 г. в Торбулоке работала совместная Таджикско-Германская археологическая экспедиция. При осмотре школьного музея, сотрудниками экспедиции были обнаружены 6 микробаз, но их первоначальное точное местонахождение они установить не смогли. Только известно, что они были найдены на территории селения. Г. Линдстрем и Т. Филимонова пишут, что микробазы двух типов: 1) с одним плинтом, со сторонами 14x14 см и валиками диаметром 10,5 см, высотой 8 см (рис. 2, 1-2) Надо отметить, что валик первой базы сильно поврежден, у второй базы он целый, его расположение на плинте не симметрично, сдвинуто в одну сторону.

Второй тип: двухступенчатые базы – 3 экз. Они имеют одинаковые размеры. Нижний плинт 16x16 см, верхний - 13,9 x13,9 см (рис. 2.3-5). Одна сохранилась хорошо, у одной разрушен валик, третья повреждена достаточно сильно. Она имеет не один валик, а два. На верхнем валике имеется углубление для установки деревянной колонки. Валики имеют разную толщину: 3-2-6 см. Общая высота баз 11 см. Микробазы изготовлены из местного известняка (4, 101, рис.2, 1-6). Надо отметить, что не все названные микробазы являются таковыми, например, микробазы рис. 3 справа налево 1-2 являются переносными алтарями. Они имеют хорошо обработанную чашу для разведения в них ритуального огня и установки свечей.

Выделяется шестая микробаза необычной формы (рис.2, б). Возможно, это колонка вместо базы от алтарной ниши. Аналогичная микробаза происходит из дома жителя села Коре́з Файзуллоева Абдурахмона. Он нашел две микробазы на распаханном городище к северу от крепости Золи Зард. Первая база с остатками ствола целиком изготовлена из синеватого камня. Ширина сторон квадратного основания 28x27см, высота - 5 см, диаметр колонки -12 см, переход от базы к стволу выделен круглым валиком. Общая высота – 20 см. Конусообразная часть ствола украшена 15 вертикальными желобками (рис.4).

Рис. 4. Каменная микробаза из дома Ф. Абдурахмона села Коре́з

Микробаза из Торбулока, названной Е. Денисовым, является переносным алтарем (рис. 5,2) имеющая не плоское основание, а выемчатое.

Это специально сделано для уменьшения веса, за счет чего образовались четыре ножки. Размеры плинта 20x20 см, имеет два валика, первый диаметром 18 см, второй - 15 см. Верхний валик диаметром – 10 см имеет чашеобразное углубление для разведения ритуального огня. Общая высота алтаря – 15 см (рис. 5,2). Верхняя часть сильно пострадала. Аналогичный алтарь найден в Булёни Поён.

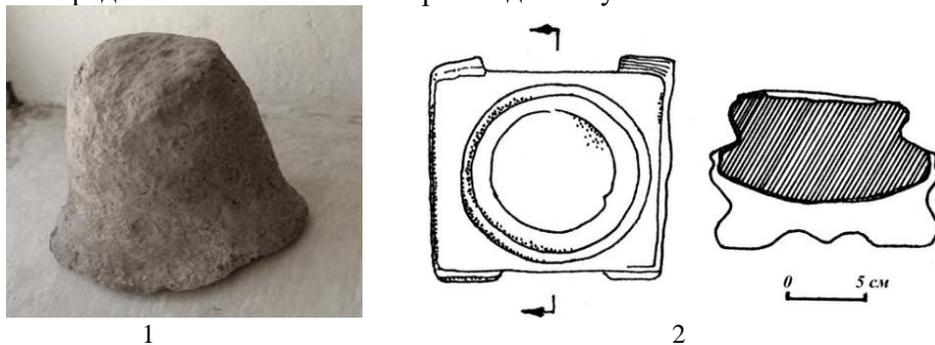

Рис. 5. Торбулок: 1 - база или колонка; 2 - алтарь с четырьмя «ножками» (рис. Е. Денисова).

В 2015 г. по приглашению Т. Г. Филимоновой, на месте находок микробаз побывал автор этих трок. Я увидел, что из большой каменной ступки хозяин соседнего дома кормит собаку. Я объяснил хозяину собаки историческое значение этой ступки

и забрал ее. Так же я увидел в сайте, проходящем по селению, брошенную большую каменную чашу. Я объяснил, что эти находки относятся к зороастрийскому храму огня.

Выяснилось, что каменные микробазы, а также большая ритуальная каменная чаша (тавад) и ступка (ховун), были найдены строителями при возведении школы, в центре селения Торбулок. Эти сосуды использовались в ритуальных обрядах зороастрийцев. Ступка служила для приготовления хаумы - зороастрийского ритуального сока из плодов эфедры (кустарник хаума) с добавлениями сока граната и сливок. Сок священной хаумы раздавали участникам намаза перед молитвой. Тавад – табак (чаша) служил для приготовления теста (хамир) и лепёшки - порхун. Порхун тоже давали вместе с хаумой перед намазом.

Обследование места находок каменных баз показало, что школа построена на месте древнего зороастрийского храма огня, а микробазы относятся к колонкам алтарной ниши - михрабу аташдон. Тавад - чаша и ступка привезены в музей Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ.

Два каменных алтаря происходят из селения Булэни Поён. Они также найдены случайно, в настоящее время хранятся в Дангаринском музее. Ранее на территории Булэни Поён была найдена керамика ахеменидско периода и греко-бактрийские монеты. Эти алтари также говорят о древности этого селения. Оба изготовлены из белого известняка и хорошо обработаны. Размеры плинта первой (инв. № Фа 44) 13x13 см, высота–12 см. Плинт имеет 2 см толщину, и имеет четыре ножки, высотой 4см. По середине плинта проходит не совсем ровная углубленная линия, что придает ему двухступенчатый вид. На плинте два валика, разделенных довольно широким и глубоким желобком. Диаметр нижнего валика -10 см, толщина –2 см. Диаметр верхнего валика – 9 см, толщина – 3 см. Верхний валик поврежден, на поверхности имеются два углубления (рис. 6).

Вторая с выемчатой нижней частью, с выделением четырех ножек. Размеры базы по основанию 13,2x13,2 см. По плинту проходит горизонтальная бороздка, разделяющая его на две ступени. База имеет три валика. Диаметр первого валика 13 см, толщина 1 см, диаметр второго - 12 см, толщина – 2 см, третьего соответственно - 10 см и 3 см. На поверхности имеется углубление диаметром 8 см - место для установки деревянной колонки (рис.7).

Рис.6. Микробазы из Булени Поён

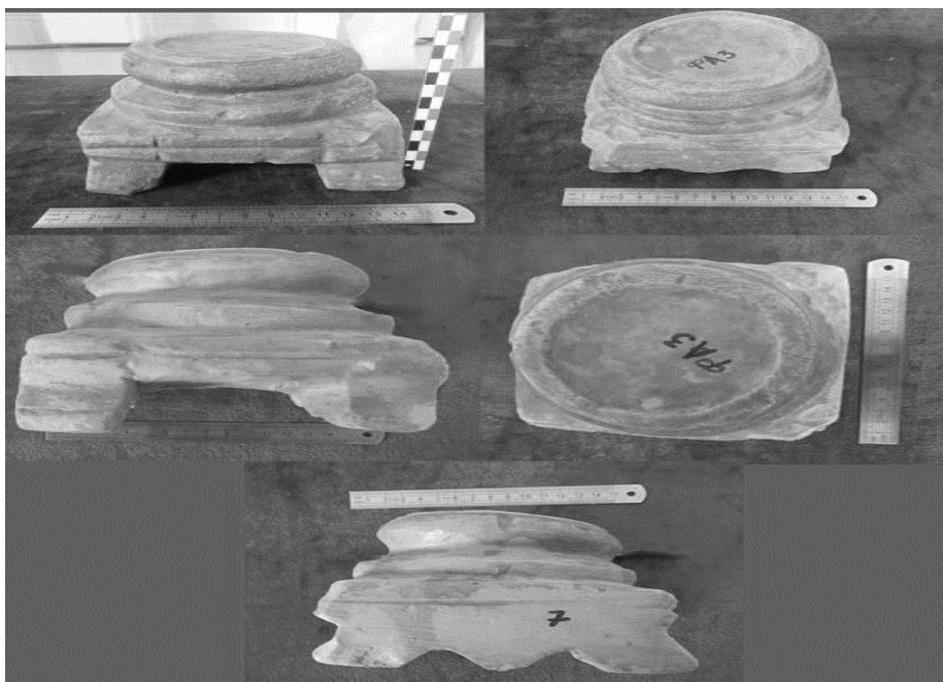

Рис.7. Алтари из Бул'ни Боло

В северной части Дангаринской долины возвышается крепость Золи Зард, вокруг которой, вероятно, располагалось обширное городище. В настоящее время в административном отношении – это селение Чоркул. Примерно, в 500 метрах к северу от Золи Зарда находится еще одна крепость, на вершине которой стоит мавзолей Мавлоно Тоджидин, известного суфия XI-V-XV вв. н.э. Пока остается не ясным, это были два разных городища, или они составляли одно целое. Во всяком случае в кушанский период они существовали одновременно. На распаханном городище между этими двумя крепостями местными жителями найдено несколько каменных алтарей различных конструкций. Сохранность алтарей очень хорошая, изготовлены из светло-серого известняка. У первого алтаря основание оформлено с трех сторон прямоугольными выемками, образовавшими две ножки – вероятно это лицевая сторона. Четвертая сторона глухая. С «лицевой стороны» ножки рельефные, по высоте разделены горизонтальными валиками. Алтарь квадратный, стоит на четырех ножках. Стороны размером 15x15 см, высота – 15 см, высота ножек 5 см, толщина 4 см. Стоит из двух постаментов и круглого валика. Размеры алтарей одинаковы: постаменты 15x15 см, диаметры валиков – 10 см, высота – 6 см. На валике имеется углубление для установления переносного алтаря и ритуального огня (рис. 8).

Рис.8. Алтари из городища к северу от крепости Золи Зард

Еще одну микробазу нашел на поле селения Корез Фазли Абдурахмон. Она изготовлена из серого известняка. База трехступенчатая с одним валиком. Размеры: нижней ступеньки 11x11 см, толщина 2 см, второй - ширина – 10 см, толщина – 2 см, третья шириной - 6, толщиной - 1,5 см. Это база миниатюрная и аналогов не имеет. По его рассказам, кроме этой базы, найдена еще одна во время полевых работ на полях селения Корез. (рис. 9)

В доме Ф. Абдурахмона находится еще миниатюрный керамический миджмар - светильник, который его мать использовала как подсвечник. Этот миджмар тоже нашли на распаханном поле. Нижняя половина миджмара пустотельная. Размеры: диаметр дна – 10 см, толщина стенки – 2 см, внутренний диаметр – 6 см. Миджмар с трехступенчатым валиком. Первый валик расположен на ножке высотой 2 см, его диаметр 7 см, толщина 1 см. Резервуар, диаметром 4,5 см, толщиной 2 см, тоже имеет два валика, общая высота миджмара – 8 см (рис. 10).

Рис. 9. Микробазы из дома Ф. Абдурахмона

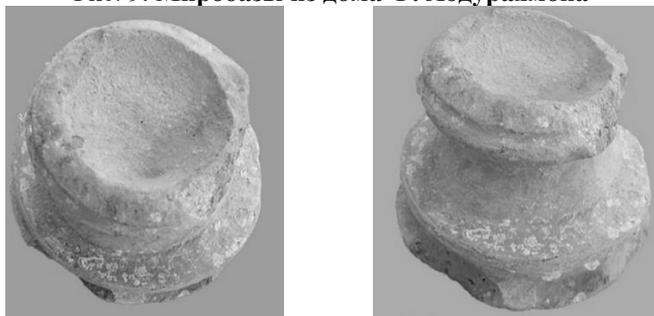

Рис.10. Керамический алтарь из дома Ф. Абдурахмона

Еще одна микробаза происходит из селения Гиджовак, расположенного в 5 км к северу от Золи Зарда, у подножия хребта Гулизиндан. На территории этого селения, найдены красивые кремневые наконечники стрел эпохи бронзы, кера-мика ахеменидского, греко-бактрийского и кушанского периодов, указывающая на существование древнейшего городища, функционировавшего длительное время. Найденная микробаза, от колонки ниши алтаря огня показывает, что городище имело свое святилище. В отличие от предыдущих, эта база изготовлена не из известняка, а из красной глины от руки. База сильно пострадала, сохранилась только ее половина. Основание базы квадратное, трехступенчатое. Размеры первой ступени 15x15 см, высота 2,2 см, второй – 13x13 см, высота 1,5 см, третьей 9x9 см, высота 1,5 см (рис.11).

Рис.11. Керамический алтарь из Гиджовака

На самом известном памятнике греко-бактрийского и кушанского времени - Тахти Сангине найдено несколько микробаз. Среди них микробаза (инв. № 2545) происходит из центрального зала, на уровне нижнего пола) с двухступенчатым плинтом, на который посажен тор, отделенный от постамента скоцией. Постамент в плане не квадратный, а трапециевидный (162x138-172 мм). Высота нижней ступени – 54 мм, верхней – 26 мм. Диаметр сильно разрушенного вала – 130 мм, высота – 42 мм. Общая высота базы – 126 мм. Плинт и тор вырезаны в одном блоке (рис.12).

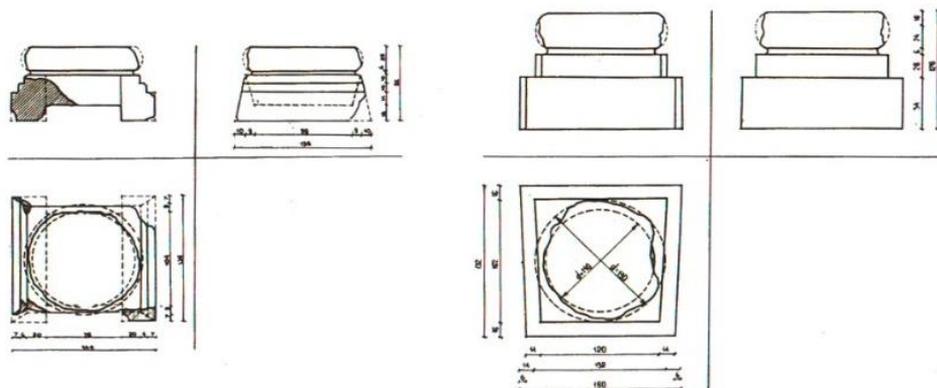

Рис. 12. Таблица алтарей из Тахти Сангина

Другая микробаза (инв. №8025, найдена в алтарном помещении №3, северный аташгах) состоит из трехступенчатого плинта и тора, также вырезанных в одном блоке. Плинт на двух ножках – полочках высотой 23 мм, шириной 34 мм. (сохранилась половина базы с одной ножкой). С фасада и торца поверх ножки два валика общей высотой 20 мм, разделенные скоцией. Центральная часть базы гладкая. Тор имеет вдавленный диск в центре для установки фуста колонки (диаметр диска 85 мм, общий диаметр тора 115 мм). Тор посажен по центру плинта, размер сторон, которого около 120 мм. Микробазы этого типа были известны в Средней Азии и раньше. А. П. Франкфор выделил найденные в Айхонум базы такого типа в группу В – микробазы, напоминающие греческий табурет. Кроме этого, целого экземпляра в храме Окса найдено несколько фрагментов микробаз (5, 143).

Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикиян ничего не говорят о назначении этих микробаз, хотя вторая микробаза найдена в аташгахе в помещении 3, на месте приготовления и хранения огня, т.е. на месте, где должен быть расположен алтарь огня. Хотя первая микробаза на ножке явно является переносным алтарем. Еще одна микробаза найдена в 1999 г. и под номером ТС-99,1С000 находится в музее Древности Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. База изготовлена из белого известняка, состоит из квадратной плиты и валика с чашей. Размеры плинта - 12x12 см и толщиной 2 см. Диаметр валика – 12 см и толщиной, диаметр чаши – 9 см (рис. 13)

Из храма Тахти Сангин происходит колонообразный алтарь, изготовленный из белого известняка. Состоит из трехступенчатого трапециобразного плинта, двухчастного ствола и трех разноразмерных валиков. Первая ступенька плинта квадратная размерами 20x20 см, высота 6 см; размеры второй ступеньки у основания 18 см, на верху 17 см, высота 2 см; размеры третьей ступеньки, внизу 17 см, на верху 13 см, высота 2 см. Ствол круглый диаметром по нижней части 13 см, по верхней 10 см, высота 6, 4 см, размеры верхней половины, диаметр по низу 10 см, по верху 13 см, ствол разделен валиком шириной 8 мм. Верхняя рабочая часть украшена тремя разноразмерными валиками. Верхний валик имеет чашу для разведения огня благовоения и установления свечи. Чаша по середине имеет вырезанное углубление размерами 2x2 см и глубиной 2,5 см для установления чего то, возможно, свечей.

Рис. 14. Переносный алтарь из храма Тахти Сангин

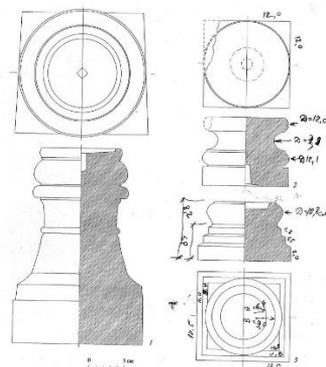

Рис. 15. Переносный алтарь из храма Тахти Сангин

Рис. 16. Переносные алтари из Тахти Сангин

Две микробазы находятся в Республиканском музее Хульбук, они найдены на территории античного города Хулбаг. Обе изготовлены из серого известняка. Одна из них состоит из одного плинта и одного валика. Размеры: плинт квадратный 14x14 см, высота 4 см, диаметр валика 10 см, толщина его 2 см, диаметр место колонки 8 см. Общая высота 7 см.

Вторая с фасадной стороны имеет две ножки толщиной и высотой 3 см, с тыльной стороны ножки не выделены. Плинт квадратный со сторонами 14x14 см, высота плинта 4 см. Имеет два валика, диаметр первого 10 см, высота 3 см, диаметр второго валика 8 см, высота 1 см. Общая высота 8 см. Место колонки не выделено. Микробазы хорошо обработаны.

Теперь рассмотрим алтари более позднего - раннесредневекового периода, где сохранились базы-плинты с колонками по бокам алтарной ниши. В храме огня Наврузшах 2 имеется святилище с хорошо сохранившейся алтарной нишей. Святилище представляет собой прямоугольное в плане помещение, вытянутое севера на юг, размером 4,7х3,3 м. Вдоль северной и южной стен тянутся суфы шириной 1х1,1 м и высотой 20 см. У южной суфы построена тамбурая стена. Стены суф и пол гладко отштукатурены. В центре восточной стены сооружен алтарь огня (рис.17). Он состоит из трех частей. Верх представлял собой прямоугольный глиняный щит, приставленный к стене, от которого сохранилась нижняя часть шириной 1,3 м, толщиной 3 см. На щите имеется многоступенчатый знак, похожий на солярный. Вторая, средняя часть, состоит из арочной ниши, углублённой в стену (ширина устья 80 см, глубина 27 см, высота 70 см). Ее стенки аккуратно обмазаны и обожжены от длительного пользования огнём. Щит опирается на рельефно выступающие миниатюрные колонны, расположенные по сторонам ниши. Колонки стоят на четырёхугольных пирамидообразных глиняных базах. Размеры баз: ширина основания 25 см, по верху – 14 см, общая высота – 14 см, ширина колонок – 10 см, высота ствола левой колонки – 40 см, правой – 47 см ширина капители - 25 см, высота – 10 см, толщина – 3 см. Общая высота колонки вместе с базой и капителью – 77 см.

Третья нижняя часть – это прямоугольная суфа шириной 130 см, длиной 80 см, высотой 15 см. Перед алтарной нишей имеется подковообразное сооружение - таштак с невысокими бортами, где горел огонь. Внутри таштака у стены алтарной ниши стоит канук в виде небольшого выступа высотой 20 см и шириной 22 см, на нем ставили свечи (9, 51-52). Храм огня Наврузшах 11 относится к V-VI вв. н.э. Аналогичные алтари обнаружены в святилищах древнего Пенджикенте, Гардани Хисоре, Куме и др. памятниках раннесредневекового периода (1,193-200; 2,67-72; 8,151-153;9,11-31; 10, 11-20, рис. 2-6).

Таким образом, ордер микробазы из Дангары и других памятников более древнего периода, украшали аналогичные алтари в святилищах огня при храмах. Традиции алтарных ниш восходят к глубокой древности: уже в неолитических жилищах 5 тысячелетия до н.э. делался пристанный выступ с нишей для священного огня, а в бронзовом веке алтарная ниша имеется в храме Алтынтепе (6,80;7, 170) существовали разнообразные переносные каменные, керамические алтари, которые играли роль алтарной ниши при намазах и ритуалах вне храмах.

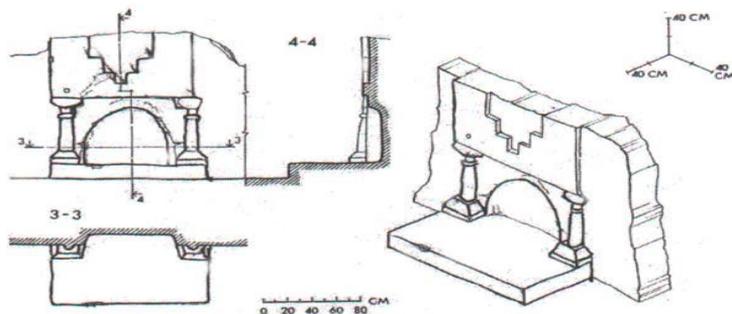

Рис.17. Алтарная ниша в святилище Наврузшох 2

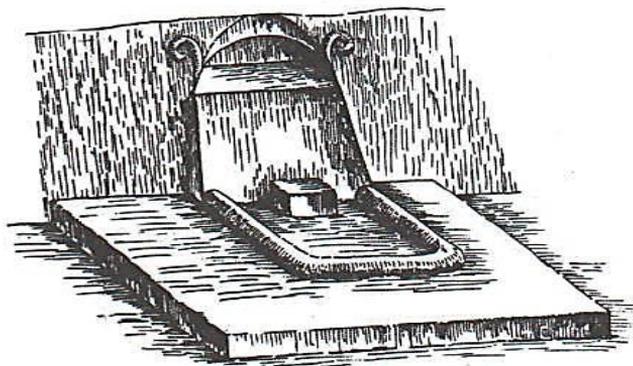

Рис. 18. Алтарь огня в оборонительной стене Наврузшох 2

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента. МИА. - №37. - Ленинград. 1958. -314 с.
2. Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954-1959 гг.) МИА, 124. – Москва, 1964. Ленинград. -298 с.
3. Денисов Е. П. Изучение памятников античного времени на территории Дангаринского района (работы 1976 г.)//АРТ. Вып. XVI. - Душанбе. 1982. - С.273-282.
4. Г. Линдстрём, Филимонова Т.Г. Отчет об археологических исследованиях 2013 года в селении Торбулок (Южный Таджикистан). - АРТ. - Вып. XXXIX. - Душанбе, 2017. -330 с.
5. Литвинский Б.А., Пичикиян И.Р. Эллинистический храм Окса. - Т.1. Москва, 2000. - 504 с.
6. Массон В. М. Альтын-депе. – Ленинград, 1982. -174 с.
7. Массон В.М. Первые цивилизации. - Ленинград, 1989. -272 с.
8. Якубов Ю. Сельские поселения Горного Согда. Путешествие в Согдиану. - Душанбе, 1982. -134 с.
9. Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения Горного Согда. - Душанбе, 1988. -286 с.
10. Якубов Ю. Религия древнего Согда. - Душанбе, 1996. -192 с.

МИКРОБАЗЫ И АЛТАРИ С АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДАНГАРИНСКОГО РАЙОНА

В результате археологического исследования античных памятников на территории Дангаринского района обнаружены десятки типов каменных микробаз, о назначении которых исследователи молчат. В статье отмечается, что микробазы относятся к колонкам алтарной ниши святилища огня. Однако, не все микробазы такие. Некоторые из них являлись переносными алтарями.

Ключевые слова: каменные микробазы, переносные алтари, миджмар, Дангара, Торбулок, Булёни Поён, храм огня, Тахти-Сангин, Наврузшох.

МИКРОЗЕРСУТУН ВА МИЧМАРҶО АЗ ЁДГОРИҶОИ АНТИҶАИ НОҶИЯИ ДАНҒАРА

Дар натиҷаи таҳқиқоти археологӣ дар ёдгориҳои антиқаи ноҷияи Данғара дахҳо намуд микрозерсутунҳои сангӣ, гили пухта ёфт шуданд, ки аз таъйиноти онҳо олимони хомӯш буданд. Дар мақолаи онҳо зерсутунҳои меҳроби оташқадаҳо номида шудаанд. Қайд мешавад, ки на ҳамаи онҳо зерсутунҳои меҳроб мебошанд. Баъзе аз онҳо мичмари дастӣ буда, дар маъбадҳо дар рӯзҳои маросимӣ оташ меафрӯхтаанд.

Калидвожаҳо: микрозерсутун, мичмар, меҳроб, оташқада, маъбад, Дангара, Булёни Боло, Тахти Сангин, Наврузшоҳ.

MICROBASES AND ALTARS FROM ANCIENT SITES OF THE DANGARA DISTRICT

As a result of archaeological exploration of ancient sites on the territory of Dangara district dozens of types of stone microbases were found, about the purpose of which researchers are silent. The article notes that the microbases refer to the columns of the altar niche of the fire sanctuary. However, not all microbases are like this. Some of them were portable altars.

Key words: stone microbases, portable altars, mijmar, Dangara, Torbulok, Bulyoni Poyon, fire temple, Takhti Sangin, Navruzshoh.

Маълумот дар бораи муаллиф: Юсуфшо Якубов - доктори илми таърих, узви пайвастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, сарҳодими илмии шуъбаи бостоншиносии Институти таърих, бостоншиносии ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Телефон: (+992) 938-77-56-22.

Сведения об авторе: Юсуфшо Якубов – доктор исторических наук, академик Национальной академии наук Таджикистана, главный научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Телефон: (+992) 938-77-56-22.

Information about the author: Yusufsho Yakubov – Doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Head of the Archeology Department of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after. A. Donisha NAST. Phone: (+992) 938-77-56-22.

УДК 739. 2:904 (575.3)

САМОЦВЕТЫ В ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ БАКТРИИ - ТОХАРИСТАНА¹

КАЛАНДАРОВА О. И.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Археологические коллекции памятников II в. до н. э. – VI в. н. э. открытые на территории Таджикистана предоставили уникальную коллекцию ювелирных украшений из самоцветов. Исследование этой категории украшений до настоящего времени остаются не изученными. Существующие публикации рассматривались фрагментировано в контексте изучения других вопросов [7, 234, 9, 56-59, 17, 110-118, 26, 123, 28, 115-123].

Ценным источником для нашего исследования послужил известный трактат Абу Райхана Беруни «Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)» [7, 234].

Рассматриваемые самоцветы ювелирных украшений позволили выявить, что изделия представлены следующими категориями: бусы, подвески, вставки для серег, вставки для броши и фибул, вставки для перстней.

Самоцветы в погребальном инвентаре прослеживаются в следующем порядке: артефакты расположены при костяке так, как носили при жизни. Они могли быть нашиты на одежду, входили в состав головного убора, располагались в области шеи, груди, пояса и рук.

При исследовании ювелирных украшений из самоцветов установлено, что основная часть изделий местного производства. Древние ювелиры Бактрии-Тохаристана владели высокими техническими навыками в обработке камня, известными на то время.

Нужно отметить, что самыми популярными самоцветами в Бактрии-Тохаристане был сердолик, бирюза, халцедон, лазурит, жемчуг, горный хрусталь, коралл, янтарь, редко встречается рубин и гранат, которые относятся к драгоценным камням.

Группа I. Сердолик. Изделия из сердолика являются самыми распространенными самоцветами в Бактрии - Тохаристане использовавшие в нагрудных и ручных украшениях.

Категория. 1. Бусы являются многочисленной и выразительной категорией погребального инвентаря. Изобилие бус диктовалось не только декоративными причинами,

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа», раздел «Археология Таджикистана (от каменного века до позднего средневековья)», государственный регистрационный номер 0121 ТЈ 1212.

им приписывались магические свойства. Сердоликовые бусы имели массовое распространение в Бактрии -Тохаристане. Бусы происходят главным образом из женских погребений.

Коллекции бус представлены следующими вариациями:

1 тип. Округлая форма пропорционально и поперечно сжатая (могильник Ксиров I в. до н. э. – II в. н. э., городища Гаравкала II-III вв., могильник Тупхона I-III вв.). Аналогичные бусы зафиксированы в могильниках Старого Мерва [15,258].

2 тип. Шарообразная форма широко представлена в могильнике (Тупхона I-III вв., Бешентском могильнике V I-II вв. н. э., могильнике Харкуш VII-VIII вв.). Данный тип бус встречается на территории Средней Азии II в. до н.э. – IV в. н.э. [31,35].

3 тип. Граненая форма, грань выражена не четко (могильник Туп-хона I-III вв., могильник Иттифок I-III вв., могильник Байтудашт IV-V вв. до н.э.). Подобные изделия обнаружены в могильниках Западной Ферганы [24,123].

4 тип. Бочковидная форма (Тулхарский могильник II в. до н.э. – I в. н. э.). Аналогичные бусы обнаружены в городище Навекет [4,234].

5 тип. Ромбовидная форма (городище Тахти Сангин III в. до н. э. – IV в. н. э.). Аналогичные бусы имеются в могильниках Западной Ферганы [24,67].

В погребальном инвентаре Тулхарского могильника зафиксированы сердоликовые бусы с орнаментом. В женском погребении обнаружены бусы с орнаментом в виде белых линий, образующих пятиугольники, внутри которых – трехлопастные элементы [кп. 245. №1345]. В разные исторические периоды древние мастера создавали разные типы орнаментации.

Сердолик часто использовался в ожерельях Бактрии - Тахористана. В материалах могильника Туп-хоны в женских погребениях обнаружены сосредоточения бус, которые можно интерпретировать, как ожерелье, основанием этому служит их расположение в погребении. В погребении 16 ожерелье состояло из 53 бусин сферической и многогранной формы, из них 15 бусин сердоликовые, остальные 16 из горного хрусталя, 10 из лазурита и 12 из стекла. Сердоликовые бусы составляют основную часть ожерелья (рис.1.) [23,134].

Из этого же могильника происходит ещё одно ожерелье. Ожерелье состоит из 4 сердоликовых бусин сфероконической формы, кроме того, в ожерелье входит 20 стеклянных бусин многогранной формы с внутренним и внешним золочением (рис.2) [23,136]. Обнаруженные ожерелья из могильника Туп-хоны указывают на имущественное положение погребенных.

Категория 2. Вставки. Население Бактрии-Тахористана сердолик использовали в перстнях-печатях. С городища Гаравкала происходит бронзовый перстень с сердоликовой вставкой. На вставке изображение стоящего орла, тело передано Г – образным углублением, ноги тонкими штрихами (рис.3) [16,139]. У населения Бактрии-Тахористана образ орла ассоциировался с силами природы и с солнцем. В зороастрийской мифологии орел связан также с Вэртагной, богом войны и победы, дающий силу и отвагу [18,26].

Ещё один бронзовый перстень с сердоликовой вставкой обнаружен в могильнике Туп-хона. В кургане 6 найден бронзовый перстень с овальным щитком, соединенный плавным переходом с плоско-выпуклым в поперечном сечении кольцом. На щитке овальное гнездо из сердолика [23,123].

Перстни с сердоликом получают распространение в средние века, на них гравировались изречения из Корана. Омар Хайям пишет: «Кто носит в перстне сердолик, тот

непрестанно пребывает в благоденствии и радости. Носите перстень с сердоликом, ибо воистину он изгоняет бедность» [36,199].

В таджикских женских украшениях XIX-XX вв. сохраняется сакральное отношение к перстням с сердоликом. На территории Южного Таджикистана женщины не снимают перстни даже при выполнении домашней работы. Такой перстень переходил из поколения в поколение. Существовало поверье, что пищу женщина обязана готовить с серебряным кольцом, иначе её руки считались не чистыми [37,136].

В материалах могильника Ляхш II (III-VI вв.) на груди погребенного мужчины была обнаружена золотая брошь с сердоликовой вставкой, обрамлённой по краю зернью. На тыльной стороне остатки железной булавки (рис.4) [38,234]. Судя по расположению броши, она видимо скрепляла концы плаща, вероятно, воинского облачения. Вероятно, золотая брошь была амулетом и собственностью воина [17,112].

Сердолик считался одним из самых популярных камней Востока. По представлениям таджиков сердолик «хакык» (с таджикского – «истина» одно из имен бога) успокаивал и прекращал сильный гнев. Сердолик – камень здоровья. Считают, что сердолик был камнем пророка Мухаммада, но популярность этого камня на территории Таджикистана предшествовала исламу, о чем говорят археологические материалы [17,115].

Следует подчеркнуть, что сердолик применялся в таджикских женских украшениях XIX-XX вв. (рис. 5) [37,135].

Сердолик у горных таджиков Южного Таджикистана применялся в похоронном обряде. По сообщению Н. С. Бабаевой: «Камень нужен был тем умершим, которые долго болели, мучились и тяжело отходили, что по народным представлениям является признаком греховности [3,36]. Их якобы, допрашивали англы Мункар и Накир, а наличие сердолика, как определение словом «хак» – истина, свидетельствует о правдивости их ответов.

Приверженцы ислама называли сердолик камнем Мекки, выполняющим желания. Бируни подтверждает, что «сердолику присваивалось значение и раньше – при завоевании Мекки была разбита статуя языческого бога Хубала из сердолика» [7,267].

Этнографические материалы, собранные исследователями, дают основание заявлять о важной роли сердолика в любовной магии. Существует мнение, что самоцвет считается оберегом любовных отношений. Он содействует пробуждению любви и вместе с тем оберегает от назойливой любовной магии, защищает супружеское счастье и верность.

Хотелось бы отметить, что во время Великой Отечественной войны у горных таджиков было поверье, матери, отправлявшие сыновей на фронт, надевали украшение с сердоликом себе на грудь, полагая, что это оградит сына от ранений.

Сердолик с давних пор в представлении народов Центральной Азии обладал лечебными качествами. Считалось, что для быстрого заживления ран нужно прикладывать нагретые кусочки сердолика. По древним поверьям самоцвет лечит зубную боль, малокровие, болезни сердца, сосудистую систему, печень. По преданиям, для облегчения родов женщины брали в рот сердолик [21,42]. Камень повышает иммунитет, лечит эндокринную систему человека, чистит кровь и лимфу. Научное объяснение использования сердолика в медицине ещё впереди, между тем, кое-что уже сделано. Спектральный анализ подтвердил, что сердолик содержит в себе слабую радиоактивность, что позволяет применять его при лечении кожных заболеваний [8,34].

Группа 2. Бирюза. Особенно хочется отметить бирюзу, которую использовали в качестве материала для ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана.

Категория 1. Бусы из бирюзы в Бактрии - Тахористане составляют небольшую группу. Бусы представлены бочковидной (могильник Ксиров, могильник Тупхона, Бешкентский могильник V) и усечено-конической формы (поселение Ак-тепа II, могильник Ксиров).

Категория 2. Подвески. Одну из категорий украшений из бирюзы составляют подвески. Подвески в виде центральной бусины входили в состав ожерелий. К примеру, в женском погребении могильника Ксиров встречается подвеска в виде фаллоса из бирюзы наружная сторона выпуклая, а противоположная – плоская. В верхней части подвески сделано отверстие для подвешивания. Хотелось бы отметить, что у древнего населения Бактрии-Тохаристана фаллос считался символом продолжения жизни, мужественности, источником плодородия, изобилия, творческой энергии и силы в размножении чувственных и разумных существ, благоденствия и продолжение рода и племени (рис.6.) [8, 28].

Категория 3. Вставки вставлялись в серьги, перстни, фибулы и бляшки. Вставки из бирюзы в Бактрии - Тахористане многочисленны.

В ювелирном искусстве Бактрии -Тахористана имеются уникальные образцы золотых серег с бирюзовыми вставками. Встречаются многообразные вариации вставок: а) ложной округлой формы, нижние концы заострены из Тулхарского могильника (рис.7), б) плоские круглые окаймленные зернью открытые в Бешкентском могильнике V (рис.8.), в) плоские овальные обнаруженные в могильнике Иттифок и могильнике Ксиров (рис.9.).

Особым спросом среди населения Бактрии-Тахористана пользовались кольца и перстни. В женском погребении Бешкентского могильника VII обнаружено золотое кольцо с гнездом сердцевидной формы, в которое вставлена бирюза (рис.10.) [35,46].

Бирюзе вставленную в перстень приписывалась необъяснимая сила и способность влиять на судьбы людей. Возникшее повреждение на камне или утрата цвета трактовалось как плохой знак. Ценную информацию, об этом мы почерпнули из знаменитого трактата Омара Хайяма «Наврузнаме». Так, в источнике сообщается, что «Йездегерд III Шахрияр (последний сасанидский шахиншах) однажды сидел в беседке в дворцовом саду; на пальце у него был перстень с бирюзой. Прилетела стрела и ударила в камень перстня. (Камень) сломался, выскочил из оправы и упал на землю. Никто не знал, откуда прилетела эта стрела... Ездигер, задумался об этом, мол, что это значит. Когда спросил он об этом у своих мудрецов и приближенных, никто не знал. Что это означает, а тот, кто знал, не осмелился сказать. После этого не прошло мало времени, как он умер, и ушло царство от его потомков» [36,201]. Предания, связанные с перстнем из бирюзы, сохранились так же в армянских источниках XVII века: В источнике мы читаем: «Кто носит на пальце бирюзу, тот не испытывает недостатка в деньгах, слова его встречают внимание. Но он не должен слишком полагаться, на то, что у него бирюза и не должен говорить неприличных речей» [29,48].

Нечастой находкой для Бактрии - Тахористана являются золотые фибулы с самоцветами. Так, из Бешкентского могильника VII происходит фибула со вставками бирюзы (рис.11). Как археологический источник фибула была показателем статуса и материального положения своего владельца.

Чрезмерный интерес для нашего исследования представляет золотая бляшка с городища Тахти Сангина, в декоре которой вставки из бирюзы. Бляшка с изображением трёх

пантер. Шествующие друг за другом хищники вцепились зубами в прогиб хребта. Миндалевидными вставками переданы глаза и лапы, полукруглыми вставками уши (рис.12.) [25,234].

У таджиков бирюза пользуется особой популярностью. Самоцвет происходит от таджикского слова «фируз» победа, победитель. Его называют камнем счастья. Бирюза символ чистоты и непорочности. Во время свадебной церемонии на невесте Северного Таджикистана обязательно должно присутствовать украшение из бирюзы. Настоящая бирюза сейчас встречается редко, но когда-то это, видимо, был довольно распространенный элемент украшений, особенно в налобных украшениях «коштилло» XIX-XX вв. применялось много вставок голубых бусин, имитирующих бирюзу (рис.13).

Считалось, что бирюза приносит счастье, удачу в делах. Согласно преданиям, которые известны нашим предкам, бирюза появилась из костей людей умерших от любви.

Группа 2. Халцедон. В коллекциях ювелирных украшений из самоцветов Бактрии-Тохаристане присутствует небольшое количество украшений из халцедона.

Категория 1. Бусы. В археологических памятниках встречаются бусы бочковидной формы, усеченные с двух сторон (поселение Теппаи шах) и полусферической формы (могильник Тупхона).

Как правило, украшения из халцедона элемент преимущественно женских погребений. Тем не менее, в могильнике Тупхона имеются халцедоновые бусы в мужских погребениях. Бусы крупные шаровидной формы зафиксированы в области бедер и пояса. Мужское население Бактрии-Тохаристана каменные крупные бусы иногда использовали в составе портупейных ремней, на которых подвешивали ножи. В этом месте они могли быть не только украшением оружия, но и выполняли функцию закрепителя ножен или разделителя движения меча по портупейному ремню. Интерпретация о применении бусин в качестве фиксажа оружия на портупейном ремне четко заметна на живописи Пенджикента. На фреске показаны одетые в изысканные одежды воины с парадным оружием, узкими обильно украшенными мечами и кинжалами. К оружию от ремней ювелирно натянуты тонкие нити, на которых нанизаны бусины.

В археологических материалах есть примеры, указывающие на то, что бусы у мужчин не всегда использовались как украшения одежды. Так, в могильнике Ксиров крупная каменная бусина была зафиксирована на шее погребенного, вероятно, она выполняла функцию амулета.

Категория 2. Подвески. С городища Тахти Сангин происходит подвеска в виде неправильной усеченной конической пирамидки со сквозным отверстием.

По поверьям у таджиков самоцвет принято считать камнем любви, который привлекал к женщине мужчин. Халцедон оказывает значительную роль в лечебной магии. Считается, что камень лечит заболевания дыхательных путей, позвоночник, желудочно-кишечные заболевания.

Группа 4. Лазурит. Надо отметить, что в археологических памятниках Таджикистана большое количество лазуритовых украшений.

Категория 1. Бусы. Лазуритовых бус в коллекциях Бактрии-Тохаристана невелико, но весьма разнообразно.

1 тип. Округлые поперечно сжатые, сверление одностороннее, канал отверстия узкий (городище Гаравкала, могильник Ксиров). Данный тип происходит из могильников Западной Ферганы [24,49].

2 тип. Шаровидные, сверление одностороннее, места начала сверления отмечено бороздками (Бешкентский могильник IV, могильник Тупхона). Аналогичные бусы представлены в Северном Причерноморье [2,45].

3 тип. «Яйцевидной» формы сверление одностороннее, место сверления подмечено бороздками (поселение Актешпа, городище Кафыркала). Аналогичные бусы представлены в Северном Причерноморье [2,56].

4 тип. Шестиугольные (7 экз.) хорошо отшлифованы, но не полированы. Канал цилиндрический с четкими горизонтальными царапинами (могильник Иттифок, городище Тахти Сангин).

5 тип. Усечено-конической формы (4 экз.). Минерал с кольцевым чередованием белых прожилок. Сверление двустороннее, канал отверстия широкий (городище Гаравкала, могильник Тупхона).

6 тип. Кольцевидные, боковые грани плоские и округлые, кольца неправильной огранки (поселение Теппаи шах) [26,156].

7 тип. Уплощенно-бипирамидальной формы (7 экз.) со слабо выраженными гранями и ребрами в поперечном сечении четырехугольника (поселение Тепаишах).

В Бактрии -Тохаристане были распространены ожерелья из лазурита. Ожерелье было одним из почитаемых и популярных форм украшений. Из могильника Иттифок I-III вв. происходит ожерелье (78 экз.), которое составлено из цилиндрических сердоликовых бусин, сферических пастовых с внутренним и внешним золочением, лазуритовых биконических, мозаичных, а также подвесок из окаменелых раковин [16,139].

Категория 2. Подвеска. С городища Кафыркала происходит лазуритовая подвеска треугольной формы. Известно, что в прошлом символом женского начала у наших предков считался треугольник. Чаще всего, треугольник трактуется как женский и лунный символ, олицетворяющий Великую Мать, воду, плодovitость.

Сакральное отношение к числу три наблюдалось у зороастрийцев. Они свято чтити землю, огонь и воду. Третичная структура мира по зороастризму (огонь, вода, земля) трансформировалась в виде древа жизни горизонтальной структуры. Треугольник основан на числе три, триединстве жизни, а также на основных трех принципах идеологии зороастризма – благие мысли, благие слова, благие дела (рис.1.13). Очевидно, что такая подвеска являлась предметом религиозного поклонения древнего Бактрии-Тохаристана.

Категория 3. Вставки. Внимание для нашего исследования представляет бронзовый перстень с лазуритовой вставкой, овальной формы, на котором выгравировано изображение оленя. Перстень обнаружен в мужском погребении Джалисай Vв. [24,67]. Образ оленя благожелательный символ, отождествляемый с Солнцем, восходом, чистотой, обновлением, пробуждением, сотворением и духовностью [18, 29].

В материалах городища Кафыркала VI в. имеется вставка для бронзового перстня. Она искусно отполирована, имеет круглую форму. На лицевой стороне вставки вырезано «аль-мульк» (на арабском языке) т.е. владычество.

Лазурит самоцвет с многолетней историей, возникший от арабского слова «азул» - небо, синева. По древним поверьям, если лазурит носить на руке, то он стимулирует кровообращение, воздействует на деятельность щитовидной железы, множит физические силы, лечит радикулит, астму и бессонницу.

Группа 5. Жемчуг. Среди самоцветов в качестве декора ювелирных украшений применялся жемчуг.

Категория 1. Бусы. В могильнике Ксиров обнаружены бусы сферической формы (23экз.) [14,137]. В коллекции городища Тахти Сангин присутствуют бусы округлой формы (39экз), размеры от 2-3мм.

Категория 2. Подвески из жемчуга в Бактрии -Тохаристане чаще всего применялись в серьгах. Особый интерес представляют сложносоставные золотые серьги с жемчужными подвесками из Тулхарского могильника (рис.14), Бешкентского могильника IV (рис.15), городища Тахти Сангин (рис.16). Серьги одинаковые по конструкции, но отличающиеся формами жемчужин.

Следующий экземпляр золотой серьги происходит из поселения Тепаишах. Проволочная серьга четырех угольно-скрученной формы, на нижней стороне – вертикально поперечное ребро. На отходящий от кольца вниз тонкий штырек насажена сферическая бусина.

Среди рассмотренных украшений с особой изысканностью представлены золотые серьги в виде петушков из могильника Ксиров (рис.17) [19,112]. Предки таджиков ещё с древних пор считали петуха священной птицей. Они относили его к «солнечной птице» и связывали с плодородием [19,114].

Исследования вещественного материала из погребального инвентаря доказывает, нам, что золотые серьги являлись украшением элитной прослойки общества. Совершенно очевидно, что золотые серьги с жемчугом считались статусными предметами, а лица, носившие, эти украшения выполняли определенные социальные функции.

Из ювелирных украшений Бешкентского могильника IV заслуживает внимание золотая подвеска, на которой нанизаны две бусины – большая черная сферической формы, заключенная в золотую сетку и маленькая жемчужина уплощенной формы (рис.18).

С жемчугом связано немало сказок и преданий. Согласно легендам, жемчуг возник из-за слез несчастной возлюбленной красавицы. Верили, что жемчуг оберегает человека от злых сил и спасает ему жизнь. Самоцвету приписывалась лечебная сила. В этой связи «жемчужную эссенцию» применяли как средство от разных болезней.

Группа 5. Горный хрусталь. В женский набор ювелирных украшений входят изделия из горного хрусталя.

Категория 1. Бусы. В погребальном инвентаре могильника Туп-хона обнаружено ожерелье из горного хрусталя из шестигранной и усечено-пирамидальной формы.

Категория 2. Подвески. Две подвески из горного хрусталя зафиксированы на поселение Тепаи шах. Одна подвеска чечевицеобразной формы с полукруглым уплощенным выступом для отверстия, отделенным с двух сторон наклонными бороздками. В верхней части выступа также две сходящиеся концами бороздки. Другая подвеска округлой формы с полукруглым уплощенным выступом для отверстия, отделенным небольшим перехватом.

Принято считать, что если носить перстень с горным хрусталем, то он оградит человека от опасности [11,1106]. Горный хрусталь используют в лечебных целях. Так, например, если носить самоцвет на животе, то он улучшает работу желчного пузыря. Раздробленный горный хрусталь используется в качестве средства, которым посыпают раны и удаляют с зубов камень.

Группа 6. Коралл. Ювелирные украшения из коралла известны в Бактрии-Тохаристане.

Категория 1. Бусы. Анализируемые бусы представлены по форме:

1тип. Бусина в виде неправильной трубочки, вместо отверстия имеет интересное устройство – колпачок из бронзы, насаженный на один конец коралловой подвески –

палочки. Колпачок с металлической петелькой для подвешивания (могильник Тупхона, могильник Ляхш II).

2 тип. Бусы исполнены в форме естественных веточек (могильник Иттифок, городище Тамошотеппа, городище Гаравкала) (рис.19). Аналогичные бусы происходят из древнего городища Пенджикента [6,34].

3 тип. Бусина, в поперечном сечении близка к овалу (Бешкентский могильник V, городище Аджинатеппа).

Коралловые бусы и теперь являются популярным видом украшений у таджиков. Коралловые бусины «марджон» известны в таджикских нагрудных украшениях Южного Таджикистана.

Категория 2. Вставки. Особый интерес приобретает использование коралла для вставок в ушные украшения. Таких изделий очень мало. Среди них золотые серьги с «амфоровидными» подвесками из городища Тахти Сангин. Серьги парные, кольцо из тонкой проволоки. Средняя часть «амфоры» состояла из коралла, верхняя и нижняя жемчужина. Амфоровидные ручки представлены в виде стилизованной рыбы. На конце стержня подвески – жемчужина и пирамидка из зерни (рис.20) [20,156].

Категория 3. Подвески. Коралл не редко служил материалом для изготовления подвесок. На городище Тахти Сангин была обнаружена сложносоставная золотая серьга с диском и коралловой подвеской.

В этнографических украшениях XIX-XX вв. широко распространены серьги с подвесками «баргак». В состав подвесок входил коралл.

Особое внимание привлекает коралловая подвеска, в виде гранатового плода из могильника Ксиров. Изделие состоит из круглой части (плод) и зубчатого цветочного окончания. Лепестки цветка переданы мелкими косыми надрезами. В этой части отверстие оформлено кружком в виде ободка. Аналогичная подвеска обнаружена в замке Чильхуджра [32,102].

Еще одна подвеска из коралла, декорированная в виде головы животного, может быть коня или джейрана обнаружена на поселении Тепаи-Шах (рис. 21).

Бусы, подвески и вставки из коралла свидетельствуют о высоком мастерстве ювелиров, которые в то время могли, умело придавать самоцвету уникальные образцы ювелирного искусства.

По поверьям у таджиков коралл символ бессмертия и счастья. Бытует мнение, что коралл делает человека мудрым, отстраняет беду, останавливает кровь, понижает жар. Магические свойства придавались перстням, сделанным из золота и серебра со вставками коралла. Широко известно, что кто носит подобный перстень, тот не будет страдать эпилепсией и что обладатель такого перстня никогда не будет подвержен какому-либо горю.

Группа I. Янтарь. Ювелирные украшения из янтаря в Бактрии-Тохаристане встречаются редко.

Категория 1. Бусы. Бусы из янтаря обнаружены в Тулхарском могильнике. В ходе археологических работ в женском погребении 3 Тулхарского могильника было обнаружено 11 бусин: 9 эллипсоидно-призматических, 1 плоско ромбическая, 1 плоско квадратная форма.

На поселении Актеппа II известно ожерелье из янтаря. Украшение состоит из 78 крупных бусин, 5 подвесок, кроме того, в состав ожерелья входила раковина.

Янтарь является древнейшим драгоценным камнем. По мнению М.А. Бубновой янтарные изделия выполняли не только эстетическую функцию, но и считались сакрально-магическими украшениями [9,128].

Сообщение о янтаре встречаются в античных источниках Платона и Аристотеля. В древнегреческой мифологии есть предание о происхождении янтара, в нем сообщается: «Фазтон сын бога солнца Гелиоса убедил отца позволить ему один день управлять огненной колесницей, запряженной четверкой коней. Но он не справился с вожжами. И солнце опалило землю, загорелись леса и пересохли реки. Чтобы не позволить гибели земли, Зевс сразил Фазтона молнией, и он упал в реку Эридан. Сестры Фазтона Гелиады горько оплакивали брата, за что и были обращены в тополя. Смола – слезы тополей падали в Эридан и превращались в янтарь» [34,238].

Ценные сведения о магическом значении янтара мы извлекли из трактата Абу Рай Хана Бируни «Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)», в котором Бируни дает не только описание янтара, но добавляет свои собственные наблюдения и рассказы, собранные им среди знатоков камней и ремесленников ювелиров [7, 239].

О лечебных свойствах янтара пишет Абуали ибн Сино (980-1037). Авиценна считал, самоцвет полезным при кровотечениях, перебоих сердца, лечит глаза [1,9].

Группа I. Гранат. Ювелирные украшения из граната в Бактрии-Тохаристане встречаются крайне редко.

Категория 1. Вставки. Вставки из граната представлены на золотых перстнях из могильника Ляхш I. Вставки имеют овальную форму, гнездо для вставки изготовлены отдельно, а затем были прикреплены на основу кольца. На одном перстне сделана гравировка (рис.22-23).

Особый интерес вызывает золотая серьга из мужского погребения могильника Ксиров представляющая собой пластину с двумя вставками, к которой припаяна проволока, образующая простой замок. Нижняя вставка маленькая круглой формы из граната, а над ней – большая представляющая собой «огурец» из бирюзы с коротким опущенным к низу хвостиком. С наружных сторон обе обоймы украшены зернью (рис. 24) [13,87].

Гранату издревле придавались магические и лечебные свойства. Самоцвет рождал в обладателе безумные неудержимые желания. Зачастую это оборачивалось вопреки желанию владельца самоцвета. Считается, что на руке владельца, страстно увлеченного, он ярче блестит, так как наливаются кровью. Камень обладает чудесным свойством сохранять человеку здоровье.

По поверьям гранат лечит раны, воспаления, головные боли, сердечные заболевания, улучшает память.

Группа I. Рубин. Среди бус Бактрии - Тохаристана встречался рубин. На поселении Теппай Шах присутствуют две рубиновые бусы, четырехугольно-бипирамидальные, усеченные с двух сторон, основания пирамидок прямоугольные.

На Востоке рубин признают «королем драгоценных камней». С древних времен рубин был наделен мистическими свойствами и использовался как талисман. Самоцвет – камень власти, блеска и тщеславия. Его считали символом красоты, верности, достоинства, мужества и храбрости.

В древности бытовало поверье, что рубин наделен особыми свойствами, положительно воздействующими на здоровье человека. Так, согласно этим поверьям, рубин помогает лечить пищеварительную систему, суставы, почки, печень, позвоночник.

В результате изучения самоцветов в ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристане установлено, что изделия чаще всего обнаружены в районе черепа, шеи, верхней части грудной клетки, а в четырех случаях в районе левой руки.

Анализ ювелирных украшений из самоцветов показал, что артефакты обнаружены в 30 женских погребениях, в 2 мужских. В рассмотренной коллекции отмечается преобладание по количеству сердолика и лазурита над остальными самоцветами.

Подводя итоги, отметим, что самоцветы в ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана являлись престижно - статусными предметами и одновременно были связаны с идеологическими представлениями.

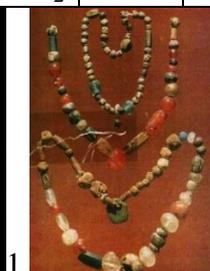
ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. В 5-и книгах. Пер. с арабского М. А. Салье, У.И. Каримова, А. Расулова. - Ташкент: Фан. 1979-1982. – 54 с.
2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья/Е. М. Алексеева//САИ Г1-12. – М.: Наука, 1982. – 104 с.
3. Бабаева Н. С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX в. – начала XX в.), - Душанбе. Дониш, 1993. – 143 с.
- Байпаков К. М., Тернова Г. А., Горячева В. Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI-XIII вв.) – Алма-Ата, 2009. – 334 с.
4. Баймусаева Б. Ш. Национальная специфика восприятия цвета казахами – жителей степей //Этнокультурные образования в современном мире. – Саратов, 2017. – С.40-44.
5. Беленицкий А.М. Археологические работы в Пенджикенте//КСИА. – Вып.55. – 1960. – С.31-47.
6. Бируни Абу Рейхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Пер. А.М. Беленицкого. – М.: Изд. АН СССР, 1963. –519 с.
7. Бланк С. Минералы исцеляют/С. Бланк – СПб.Невский проспект, 2003. – 123 с.
8. Бубнова М.А. Половникова И.А. Янтарь в Средней Азии/М.А. Бубнова//Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Наука, 2001. – С.124-135.
9. Бубнова М.А. Месторождения сердолика в Индии (по материалам Б.А. Литвинского). – Мероси Ниёгон. – №16. – 2013. – С.56-59.
10. Бурцев А. К., Гуськова Т. В./А. К. Бурцев Драгоценные камни: Красота и долговечность, редкость, магия, легенды, жизнь. – М.: Примат, 1992. –128 с.
11. Гарустович Г. Н. Мужские культовые фигурки эпохи раннего средневековья на Южном Урале//Проблемы востоковедения. – 2015/3 (63), – С.53-60.
12. Денисов Е. П. Работы в Ленинградском и Дангаринском районах//АРТ. -1983. -Вып. XVII (1977г.). -С. 86-95.
13. Денисов Е. П. Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 году//АРТ. -Вып. XVIII, 1978. - С. 131-139.
14. Дресвянская Г. Я. Каменные бусы с городища Старого Мерва//Труды Таш. ГУ им. В. И. Ленина 1966. - Вып. 293. – С. 256-264.
15. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Каталог выставки. -Душанбе: Дониш, –1985. – 234 с.
16. Каландарова О. И. Золотая брошь с сердоликом из Ляхша II//Проблемы археологии и истории Таджикистана. К 80-летию со дня рождения Академика АН Республики Таджикистан Ю. Я. Якубова. – Душанбе: Дониш, 2017. – 204 с.
17. Каландарова О. И. Семантика сюжетов на ювелирных украшениях Бактрии - Тохаристана и Согда: Автореф. канд. ист. наук: 07.00.06. – Душанбе, 2021. – 33 с.
18. Каландарова О. И. Золотые серьги с могильника Ксиров//Муаррих. – 2021. –№3 (27). –С. 112-121.
19. Каландарова О. И. Золотые украшения Бактрии-Тохаристана (диадемы и серьги) О. И. Каландарова//Муаррих. – 2023. – №3(35). – С.155-162.
20. Канакова Ф. Ю. Камень солнца – сердолик в ювелирных украшениях ногайцев//Культура. Древность. Общество. – Новосибирск, 2015. – №26. – С.40-44.

21. Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. -М.: Гос. Учеб. -пед. изд-во. – 1954. – С.72-73.
22. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. Наука, 1983. – 256 с.
23. Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы/Б. А. Литвинский, -М.: Наука, 1973. – 145 с.
24. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Открытие шедевров бактрийского искусства/Б. А. Литвинский//Памятники культуры. Письменность. Искусство. Археология. Л., Изд. Наука: –1985. –С.234-245.
25. Литвинский Б. А., Седов А. В. Теппай шах. культура и связи Кушанской Бактрии. -М.: -Наука, Гл. редакция Вост. лит., 1983. – 234 с.
26. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию//МИА. – М.-Л.: Наука, 1966. – Вып. 136. – С.123. – (Тр. ТАЭ Ин-та археологии АН СССР, Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. V).
27. Медведская И. Н. Раскопки в Шаартузе в 1974 г//АРТ. – Душанбе: Дониш, 1980. – Вып. XV (1975 г.). – С.115-123,
28. Патканов К. П. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII веке. – СПб.: Типогр. Импер. АН – 1873. –92 с.
29. Писарчик А. К., Широкова З.А. Музей археологии и этнографии им. М.С. Андреева//Изв. АН Тадж. ССР. 1962. -Вып. 6.-С.45-56.
30. Полубояринова М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой орды. – М.: Наука. – 1991. – 112 с.
31. Пулатов У. П. Чильхуджра (материальная культура Уструшаны вып.3). – Душанбе. Дониш, – 1975. – 134 с.
32. Россиус А. А. Теофраст о камнях//Вестник древней истории –2005. –№3(254). - С.306-331.
33. Современный словарь-справочник: Античный мир. Сост. М. И. Умнов. М.: Олимп: 2000. 480 с.
34. Седов А. В. Кабодиан на пороге раннего средневековья//Москва: Наука, 1986. – 217 с.
35. Хайям О. Наврузнаме. Трактаты. Пер. Б. А. Розенфельд. – М.: Наука, 1965. –199 с.
36. Чவர் Л. А. Таджикские ювелирные украшения (материалы к историко-культурному районированию Таджикистана). - М.: ГРВЛ, 1977. – 144 с.
37. Якубов Ю. Я. Исследования Каратегинского отряда/Ю.Я. Якубова АО М.: Наука, –1979. –234 с.

Таб.1. Использование минералов по категориям изделий

№ П/п	Материал изделий	Бусы	Ожерелья	Подвески	Вставки в серьги	Вставки в броши и фибулы	Вставки в перстни бляшки	Итого
1	Сердолик	113	15			1	2	131
2	Бирюза	56		1	3	1	2	63
3	Халцедон	19		1				20
4	Лазурит	23	88	1			2	114
5	Жемчуг	62		1	9			72
6	Горный хрусталь	16	16	3				35
7	Коралл	19		2	2			23
8	Янтарь	22	83					105
9	Гранат				1		2	3
10	Рубин	2						2

1.

2.

3.

4.

5.

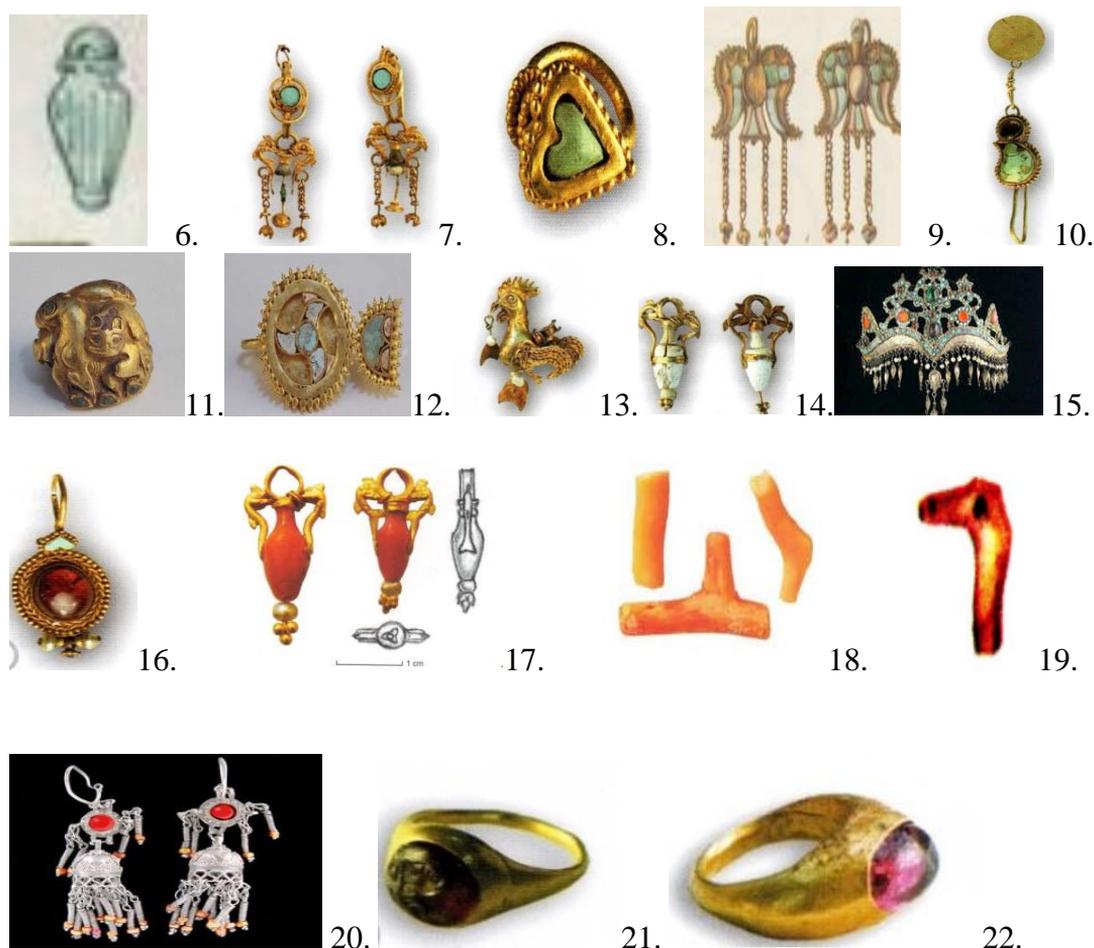

Рис.1-2. Ожерелья могильник Тупхона, 3. Городище Гаравкала, 4. Могильник Ляхи II, 5. Серьги XIX-XX вв., 6-7-8. Бешкентский могильник V, 9. Тулхарский могильник, 10. Могильник Ксиров, 11. Городище Тахти Сангин, 12. Бешкентский могильник VII, 13. Могильник Ксиров, 14. Тулхарский могильник, 15. Налобное украшение XIX-XX вв., 16. Бешкентский могильник V, 17. Городище Тахти Сангин, 18. Городище Тамошотеппа, 19. Поселение Теннаи шах, 20. Серьги XIX-XX вв., 21-22. Могильник Ляхи II.

САМОЦВЕТЫ В ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА

Археологические коллекции памятников II в. до н.э. – VI в. н.э. открытые на территории Южного Таджикистана предоставили уникальную коллекцию ювелирных украшений из самоцветов. Самыми популярными самоцветами в погребальном инвентаре были сердолик, бирюза, халцедон, лазурит, жемчуг, горный хрусталь, коралл, янтарь, редко встречаются рубин и гранат. Рассматриваемые самоцветы ювелирных украшений позволили выявить, что изделия представ-

лены следующими категориями: бусы, подвески, вставки для серег, вставки для броши и фибул, вставки для перстней. Самоцветы в погребальном инвентаре прослеживаются в следующем порядке: артефакты расположены при костяке так, как носили при жизни. Они могли быть нашиты на одежду, входили в состав головного убора, располагались в области шеи, груди, пояса и рук. При исследовании ювелирных украшений установлено, что основная часть изделий местного производства. Самоцветы в ювелирных украшениях Бактрии - Тохаристана являлись престижно-статусными предметами и одновременно были связаны с идеологическими представлениями.

Ключевые слова: *Ювелирные украшения, самоцветы, категории, вставки, Бактрия-Тохаристан, серьги, кольца, погребальный инвентарь.*

ГАВҲАРҶО ДАР ЗЕВАРҶОИ БОҲТАР – ТАҲОРИСТОН

Коллексияҳои бостоншиносии ёдгориҳои асри II пеш аз мелод – асри VI, ки дар қаламрави Тоҷикистони Ҷанубӣ кашф шудааст, коллексияи нодири маснуоти заргарӣ аз сангҳои нимқиматбахоро ироа мекунад. Дар аҷноси дафншуда маъруфтарин зеварҳо карнелиан, фирӯза, халтседон, лочувард, марворид, булӯри сангӣ, марҷон, қахрабо буда, лаълу гранат нисбатан камтар вомеранд.

Ҷавохироти ба назар гирифта шуда маълум кард, ки маҳсулот аз рӯйи навъҳои зерин нишон дода мешаванд: муҳраҳо, овезаҳо, дурчи ғушвораҳо, дурҷ барои ҷавохирот, дурҷ барои ангуштарихо.

Ҷавохироти мавҷуд дар феҳристи дафнро метавон ба тартиби зерин радбабандӣ кард: осори бостонии дар наздикии скелет ҷойгир шуда, зеро онҳо дар давоми ҳаёт пушида шудаанд. Онҳоро метавон дар рӯйи либос дӯхт, як баҳши рӯйсарӣ бошанд дар гардан, сина, камар ва дастҳо ҷойгир шудаанд. Дар омӯзиши ҷавохирот маълум гардид, ки баҳши умдае аз маҳсулот дар маҳалҳо истехсол мешуданд. Гавҳарҳои заргарии Бохтару Тахористон баёнгари ашӯи эътибору мақоми ашрофзодагон буда, дар айни замон бо андешаҳои идеологӣ бештар алоқаманданд.

Калидвожаҳо: *ҷавохирот, гавҳарҳо, дараҷаҳо, замимаҳо, Бохтар - Тахористон, ғушворҳо, ҳалқаҳо, молҳои қабр.*

GEMS IN JEWELRY OF BACTRIA - TOCHARISTAN

Archaeological collections of monuments of the 2 nd century BC. – VI century AD opened on the territory of Southern Tajikistan provided a unique collection of jewelry made from semi-precious stones. The most popular gems in burial goods were carnelian, turquoise, chalcedony, lapis lazuli, pearls, rock crystal, coral, amber, and garnet are rare.

The considered gemstones of jewelry revealed that the products are represented by the following categories: beads, pendants, inserts for brooches, inserts for brooches, inserts for rings. Gems in the grave goods can be traced in the following order: the artifacts are located near the skeleton as they were worn during life. They could be sewn onto clothing, be part of a headdress, and located in the neck, chest, belt and arms. When studying jewelry, it was found that the bulk of the products are locally produced.

Gems in the jewelry of Bactria - Tokharistan were objects of prestige and at the same time were associated with ideological ideas.

Key words: *Jewelry, gems, categories, inserts, Bactria-Tokharistan, earrings, rings, grave goods.*

Сведения об авторе: **Каландарова Олия Искандаровна** – к.и.н. старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. Тел.: + (992) 93-462 -94 -21, E-mail: lola-kalandar@bk.ru.

Information about the author: **Kalandaouova Oliya iskandarovna** – candidate of historical Donish institute of history, archeology and ethnography. Dushanbe Rudaki street 33. Tel. + (992) 93 -462-94 -21, E-mail: lola-kalandar@bk.ru.

ТАЪРИХИ РОБИТАҲОИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ВА СИЁСАТИ ХОРИҶӢ - ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ - HISTORY OF
INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

УДК 327 (574/578): 061.1

ТАЪРИХИ БАРҚАРОРИИ РАВОБИТИ ДИПЛОМАТИЮ СИЁСИИ
ДАВЛАТҲОИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ
БО СОЗМОНИ ҲАМКОРИҲОИ ИСЛОМӢ

ИБРОГИМОВА Г. С.,

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Дар шароити муосири рушди муносибатҳои байналмилалӣ давлатҳои тозаистиклоли Осиеи Марказӣ ҳамчун субъекти мустақил дар низоми муносибатҳои байналмилалӣ шинохта шуда, ҳамоҳангии фаъолияти онҳо дар доираи ҳамкориҳо бо созмонҳои байналмилалӣ ва минтақавӣ боиси боло рафтани мақом ва нақши онҳо дар сиёсати ҷаҳонӣ гардидааст.

Аз ин лиҳоз, яке аз созмонҳои, ки доираи ҳамкориҳои кишварҳои Осиеи Марказиро бо ҳамдигар наздик месозад, Созмони ҳамкориҳои исломӣ (СҲИ) мебошад, ки дар айни замон дар ҳалли масоили ҷаҳонӣ мавқеи пешсафро касб мекунад.

Агар ба таърихи пайдоиши созмонҳои исломӣ рӯй оварем, маълум мешавад, ки пас аз Ҷанги якуми ҷаҳон дар низоми кишварҳои исломӣ дигаргуниҳои кулӣ ба амал омада, барои пайдоиши созмонҳои хусусияти динӣ дошта шароит фароҳам омад. Аз тарафи дигар фурупошии Империяи Усмонӣ (1918), таъсиси Лигаи миллатҳо (1919) ва барҳам хӯрдани Хилофати турк (1924) боиси авҷ гирифтани тундгароии динӣ дар минтақа гардид. Аз ин лиҳоз, равишҳои тундгароӣ тақозо мекард истиқлол дар доираи марзҳои миллии ба вучуд оварда шуда, мустақкамшавии давлат барои аҳолии мусулмон дар заминаи созмони ягонаи сиёсиву иқтисодӣ бо ҳам оварда шавад.

Бо назардошти таҳаввулоти ба вучуд омада, Абдулазиз ибн - Сауд, (асосгузори давлати Арабистони Саудӣ) моҳи июни соли 1926 сарваронии ҷаҳони исломро ба Конгресси умумиҷаҳонии исломӣ ба шаҳри Макка даъват намуд, ки инро метавон қадамҳои амалӣ дар сатҳи байналхалқӣ дар масири ҳамгироии ҷаҳони ислом номид. Инчунин бояд зикр кард, ки чунин равишҳо солҳои 20-уми асри гузашта дар Шимоли Африко ба вуқӯ пайваста буд ва маркази ҳаракат барои барқарорӣ ваҳдати сиёсӣ дар ҷаҳони мусулмонӣ шаҳри Қоҳира шинохта мешуд.

Моҳи майи соли 1926 дар Қоҳира Конгресси намоёндагони давлатҳои исломӣ доир гардида, ба ҳамаи давлатҳои мусулмонӣ барои нигоҳ доштани хилофат муруҷиат карда шуд. Аммо қори Конгресс натиҷаҳои дилхоҳ надод. Инро бо он шарҳ медиҳанд, ки хоҳиши ҳукуматҳои миллии давлатҳои мухталифи олами ислом, ки пас аз Ҷанги якуми ҷаҳон дар он замон ба вучуд омада буданд, на ҳамгироӣ, балки бештар барои ба даст овардани истиқлоли сиёсӣ нигаронида шуда буд [17].

Дар ин замина солҳои 1949 ва 1951 иҷлосияҳои 3 ва 4-уми Конгресси умумиҷаҳонии исломӣ баргузор гардид ва идораи марказии он шаҳри Қарочии Покистон

қарор гирифт. Дар кори он Оинномаи созмон таҳия ва изҳорот дар бораи даъвати кишварҳои ҷаҳон дар бораи даҳолат накардан ба қорҳои Конгресси умумиҷаҳонии исломӣ баррасӣ гардид.

Ба ин тартиб, бо мавқеъ пайдо кардани кишварҳои исломӣ дар сиёсати ҷаҳонӣ, соли 1969 барои эҷоди механизми нави муттаҳидсозии давлатҳои арзишҳои умумии динӣ дошта як нуқтаи гардиш ба вучуд омад. Яке аз сабабҳои он бори сеюм ба оташ кашидани макони мазҳабӣ ва муқаддаси тамоми мусалмонон, масҷиди Ал-Ақсо дар Байтулмуқаддас аз ҷониби як ифротии исроилӣ, тамоми ҷаҳони исломро ба таҳлука овард ва боиси эътирози шадиди мардуми мусулмон гардид.

Ҷаҳор рӯз пас аз ин ҳодиса, дар таърихи 25 августи соли 1969 вазирони қорҳои хориҷии ҷаҳордаҳ кишварҳои арабӣ барои тасмимгирӣ дар мавриди баргузории нишастии сарони кишварҳои исломӣ ба хотири ҳифзи муқаддасоти мусулмонон дар Қоҳира ҷамъ омаданд. Дар натиҷаи ҷамоҳангсозӣ ва мавқеъгирии кишварҳои Шарқи мусулмон соли 1969 конфаронсҳои I ва II-юми вазирони қорҳои хориҷӣ дар Қидда ва Қарочӣ доир шуда, масъалаи таъсиси Маркази байнидавлатии ҷамоҳангсозӣ - Конференсияи исломӣ ба расмӣ дароварда шуд.

Дар ин ҷамоиш Котиби генералии созмон ва роҳбари он интиҳоб ва шаҳри Қиддаи Арабистони Саудӣ (то озод шудани Иерусалим) муваққатан ба ҳайси маркази Созмони конфронси исломӣ (минбаъд СҶИ) пазируфта шуд [5, 11-27].

Меъёрҳои асосии СҶИ, ки дар Оинномаи созмон нишон дода шудааст, баробарҳуқуқии комил, эҳтироми ҳуқуқии ҳар як халқ барои худмуайянкунӣ, даҳолат накардан ба қорҳои дохилӣ, эҳтироми соҳибхитиёрӣ, истиқлол ва тамомияти арзии давлатҳо, бо роҳи осоишта ҳалли баҳсҳои байни давлатҳои аъзои Созмони ҳамкории исломӣ, гуфтушунид, миёнаравӣ ё ҳакамӣ, истифода накардани қувва ё таҳдиди истифодаи он мебошад, ки ҳамаи онҳо ба меъёрҳои байналмилалӣ, пеш аз ҳама Созмони Милали Муттаҳид қомилан мувофиқ мебошанд [15].

Аз ин лиҳоз, Созмони ҳамкории исломӣ ҳамчун созмони мушаххаси байниҳуқуматӣ агарчи давлатҳоро аз рӯйи мансубияти динӣ бо ҳам муттаҳид мекунад, вале он созмони динӣ нест ва пас аз Созмони Милали Муттаҳид дувумин созмони бузурги минтақавии байналмилалӣ ба ҳисоб рафта, 57 давлат аъзои созмони мазкур мебошанд. Ба сифати нозир дар кори созмон Босния, Ҷерсоговина, Руссия (аз соли 2005), Тайланд, Кипри Шимолии Ҷумҳурии Туркия (аз ҷониби умум эътироф нашудааст), Ҷумҳурии Африқои Марказӣ, инчунин як қатор созмон ва иттиҳодияҳои байнидавлатӣ, аз қабилӣ СММ, Ҷунбиши ҳамроҳнашавӣ, Лигаи давлатҳои Араб, Иттифоқи африқоӣ, Созмони ҳамкории иқтисодӣ, Иттифоқи парламенти давлатҳои аъзои СҶИ ва Ҷабҳаи озодхонии миллии моро ширкат менамоянд, ки ин аз мақом ва мавқеи СҶИ дар масири бо ҳам овардани кишварҳо дар ҳалли масъалаҳои муҳими ҷаҳонӣ ва минтақавӣ, аз қабилӣ масъалаи сулҳу амният, кумак расонидан, ҳамкории дар бахшҳои мухталиф миёни кишварҳои аъзо ва ҳоказоро нишон медиҳад.

Ба андешаи муҳаққиқи шинохта В. Мораветский «Созмон (СҶИ) барандаи манфиатҳои муайяни умумист ва барои ҳифзи онҳо даъват карда мешавад, ки дар натиҷаи он худмухториеро соҳиб гардид, ки он аз маҷмуи иродаҳои давлатҳои узв фарқ мекунад. Ин ирода дар раванди амалӣ гардидани шахсияти ҳуқуқӣ ифодаи худро пайдо мекунад» [7,102].

Дар пасманзари ин агар ба раванди ҳамроҳшавии кишварҳои пасошуравӣ - Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил (ИДМ) бо СҶИ назар андозем, чуноне аз усули ҳамроҳшавӣ ба узвияти созмон бармеояд, пас аз пошхӯрии Иттиҳоди абаркудрати Шуравӣ барои баъзе ҷумҳуриҳо имкониятҳои мусоид ҷиҳати пайдо кардани шарикони нав дар ҷомеаи ҷаҳонӣ фароҳам омад ки он онро метавон марҳалаи ташаккули ҳамкориҳои кишварҳои тозаистиклоли Осиёи Марказӣ бо Созмони ҳамкориҳои исломӣ номид [14].

Дар ин радиф Ҷумҳурии Тоҷикистон рӯзи 1 - декабри соли 1992 дар ҷаласаи шашуми ғайринавбатии вазирони корҳои хориҷии созмон ба узвияти ин созмони бонуфуз қабул гардид ва дар ин росто соли 2007 ба узвияти Иттиҳодияи парлумонии созмони мазкур пазируфта шуд ва 8 декабри соли 2009 аз ҷониби Парлумони Тоҷикистон ба расмият дароварда шуд. Ҳамзамон солҳои 2010-2011 Ҷумҳурии Тоҷикистон Раисии Шурои вазирони корҳои хориҷии СҶИ-ро ба уҳда дошт [11, 34]; Ҷумҳурии Қирғизистон 1- декабри соли 1992 [16]; Ҷумҳурии Қазоқистон дар сессияи 23-уми СҶИ, ки аз 9 то 12 - декабри соли 1992 дар Конакри (Ҷумҳурии Гвинея) баргузор шуда ба узвияти СҶИ пазируфта шуд, солҳои 2011-2012 роҳбарии Шурои вазирони корҳои хориҷии СҶИ-ро ба уҳда дошт [13, 87]; Ҷумҳурии Ўзбекистон моҳи октябри соли 1995 ба унвони нозир ва аз 2 октябри соли 1996 ба ҳайси узви комилҳуқуқи СҶИ пазируфта шуд [12].

Бо таваҷҷуҳ ба равобити кишварҳои Осиёи Марказӣ бо СҶИ бояд зикр кард, ки яке аз масъалаҳои асосие, ки пайваста дар маркази таваҷҷуҳи созмон қарор дорад, таъмини сулҳ ва амният, ҳуқуқи инсон, иқтисод ва ғайраҳо мебошанд. Аз ин лиҳоз, яке аз бахшҳои муҳимми ҳамкориҳои кишварҳои Осиёи Марказӣ дар доираи Созмони ҳамкориҳои исломӣ ин баррасии масъалаҳои мубрам, ба монанди низои Ҳинду Покистон, низоҳои дохилии Афғонистон, хусусан бухрони Шарқи Наздик мебошад, ки пайваста дар маркази таваҷҷуҳи давлатҳои Осиёи Марказӣ қарор дорад ва дар ин замина барқарор кардани ҳуқуқҳои миллии фаластиниҳоро дар марзҳои худ аз шартҳои муҳим дар низои Шарқи Наздик медонанд ва ҷонибдорӣ бо роҳи ошошта ҳал шудани низои арабу Исроилро пайгирӣ мекунанд.

Кишварҳои Осиёи Марказӣ равобити Созмони ҳамкориҳои исломиро бо Созмони Милали Муттаҳид дар самти пешгирии низоҳо, таҳкими эътимод, посдории сулҳ, ҳалли низоҳо ва барқарорсозии пас аз низо, аз ҷумла, вазъияти низо, ки ба кишварҳои мусулмоннишин таъсир мерасонад, ҳамаҷониба дастгирӣ мекунанд. Қарорҳои мухталифи қабулкардаи ҳарду ҷонибро дар мавриди идомаи ҳамкорӣ дар самти пешгирӣ ва ҳалли низоҳо, ҳифзи сулҳу ошоштагӣ, дипломатияи пешгирикунанда, мубориза бо терроризми байналмилалӣ, инчунин мубориза бо ифротгарой, муқовимат ба таҳаммулнопазирии динӣ, ҳифз ва озодиҳои баробар баҳри ҳамаи инсонҳо, расонидани ёрии башардӯстона ва баланд бардоштани иқтидори расонидани кӯмак дар бораи такмил додани механизми пайгирӣ, ҳамкориҳои зичи СММ бо СҶИ дар самти барқарорсозӣ ва рушди кишварҳои ҷангзадаю ноором ба мисли Афғонистон, Сомалӣ, Босния ва Ҳерсеговина ва Серра-Леоне далели ҳамкориҳои судманду боэътимод барои сулҳу суботи тамоми миллатҳо ва кишварҳои ҷаҳонро ҷонибдор мебошад.

Яке аз бахшҳои муҳим дар равобити кишварҳои Осиёи Марказӣ бо Созмони ҳамкории исломӣ, ҳамкории иқтисодӣ мебошад. Дар ин маврид муҳаққиқ Ф. Куйсинова ба самаранокии фаъолияти ниҳодҳои молиявӣ иқтисодии СҶИ ишора намуда, зикр кардаанд: «Созмони ҳамкории исломӣ дар низоми равобити байналмилалӣ яке аз омилҳои муҳимми таҳкими ҳамкории мазҳабӣ, фарҳангӣ, сиёсӣ, иҷтимоӣ, башардӯстона ва иқтисодии кишварҳои мусулмон маҳсуб мешавад. Самаранокии фаъолияти созмон дар соҳаи иқтисодӣ боло мебошад, ки он барои рушди муносибатҳои иқтисодии байни давлатҳо заминаи институционалиро фароҳам овардааст» [6, 73-77].

Дар ин замина дар доираи ҳамкории иқтисодӣ аз 7 то 9 - июни соли 2011 дар шаҳри Остонаи Ҷумҳурии Қазоқистон Форуми VII Иқтисодии ҷаҳонии исломӣ - Саммити ҳарсолаи иқтисодӣ ва ё ба истилоҳ «Давоси исломӣ» дар мавзӯи «Рушди иқтисодии ҷаҳонӣ: муносибатҳо, рақобат, ҳамкории», рӯзҳои 28-30- июни соли 2011 дар шаҳри Алмаато (Қазоқистон) ҷаласаи дуҷуми гурӯҳи машваратӣ оид ба «Таъсиси стратегияи обии СҶИ» ва дар пайи он рӯзҳои 7-9 - сентябр Конфронси илмӣ - амалӣ дар мавзӯи «Нақши ислом дар кишварҳои ИДМ» (дар Остона), аз 29 - сентябр то дуҷуми октябри соли 2011 ҷаласаи сеҷуми вазирони тандурустии кишварҳои узви СҶИ дар (Остона) ва ғайраҳо далели амалӣ гардидани ҳамкории СҶИ бо кишварҳои аъзо, аз ҷумла бо кишварҳои Осиёи Марказӣ мебошад.

Аз ин рӯ, ҷумҳуриҳои Осиёи Марказӣ фаъолияти босамари институтҳои молиявии исломиро дар қонунгузории худ муқаррар намуданд, ки ин боиси қушода шудани ширкатҳои молиявии исломӣ, аз ҷумла Ширкати суғуртаи исломии «Ҷамъияти суғуртаи мутақобилаи ҳалол «Тақафул», «Бонки исломии Al Hilal», Ҳазинаи исломии сармоягузории «АИФРИ Ҳаҷ Фонд Қазоқистон», маблағгузориҳои исломӣ бошад ба Бонки фонди миллии «Самрук-Казина», ширкатҳои миллии «Атамекен», бо соҳибқорони инфиродӣ ва ғайраҳо дар кишварҳои Осиёи Марказӣ мебошад [4].

Лозим ба таваққуф аст, ки дар раванди тараққиёти динамикии СҶИ нақши бузург ва пешбарро дар сохтори молиявии созмон Бонки исломии рушд (БИР) мебошад. Бонки исломии рушд аз рӯйи ҳаҷми даромад ва фаъолияти молиявӣ қарзии худ яке аз бузургтарин бонкҳои ҷаҳонӣ маҳсуб ёфта, дорои захираҳои бузурги нақдӣ мебошад.

Фаъолияти ниҳоди БИР аз эълomia барои таъсиси он аз 18 - уми декабри соли 1973 дар Конфронси вазирони молияи кишварҳои мусулмонӣ ба имзо расида буд. Қароргоҳаш шаҳри Ҷиддаи Арабистони Саудӣ мебошад. Саҳмдорони асосии БИР аз рӯйи саҳм ба сармояи оинномавии он (2019), Шохигарии Арабистони Саудӣ 23,5%, давлати Ливия 9,4%, Ҷумҳурии исломии Эрон 8,3%, Нигерия 7,7%, Аморати муттаҳидаи Араб 7,5%, Қатар 7,2%, Ҷумҳурии Мисри Араб 7,1%, Кувейт 6,9%, Ҷумҳурии Туркия 6,5 %, Покистон 6,5% ва дигар давлатҳои аъзои СҶИ мебошанд [1].

Тавре маълум аст, самти асосии фаъолияти БИР қарз додани лоиҳаҳои муҳим дар соҳаҳои илмию техникаӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва гуманитарӣ миёни кишварҳои узви СҶИ мебошад. Тибқи ҳисобҳои тахминӣ, тақрибан 30 ҷисади захираҳои қарзии Бонки исломии рушд барои рушди инфрасохтори иҷтимоӣ, 22,4%, 14,4 % ва 22,3 % - ҷисади захираҳои молиявӣ ба рушди соҳаи нақлиёт ва кишоварзӣ равона карда шудааст.

Хусусияти хос ва фарқкунандаи БИР аз дигар созмонҳои байналмилалии бонкӣ дар он аст, ки Бонки исломии рушд аз қарздиҳии ғоизӣ ба таври кулӣ даст кашадааст, ки ин ба қонунҳои дини ислом комилан мувофиқ ва мутобиқ мебошад. Дар иртибот бо ҳамкориҳои, ки миёни кишварҳои Осиёи Марказӣ бо Бонки исломии рушд ба роҳ монда шудааст, дар асоси қарордоди қарзие, ки соли 2010 миёни намоёндагони Ҷумҳурии Қирғизистон ва БИР ба имзо расид, ба андозаи 9,5 млн дол. барои азнавсозии фурудгоҳи Оши Ҷумҳурии Қирғизистон чудо карда шуд. Инчунин ташрифи ҳайатҳои СҶИ ва БИР бо роҳбарии муовини котиби генералии СҶИ Абдул Муиз Бухорӣ дар масъалаи тадбирҳои андешидан дар низои соли 2010 - и Қирғизистон ва чудо кардани маблағ ба миқдори 250 ҳазор доллари амрикоӣ ба аҳолии зарардида аз ҷониби БИР ва БҶИ (Бунёди ҳамбастагии исломӣ) ва ғайраҳо далели қўмакҳо ва ҳамкориҳои СҶИ ва ниҳодҳои он бо кишварҳои ОМ мебошад.

Бо таъкид ба равобити кишварҳои Осиёи Марказӣ бо Созмони ҳамкориҳои исломӣ, яке аз рӯйдодҳои муҳим дар фаъолияти СҶИ ин иҷлосияи 38-уми Шурои вазирони қорҳои хориҷии созмонро метавон ишора кард, ки он соли 2011 дар шаҳри Остонаи Ҷумҳурии Қазоқистон баргузор гардида буд ва дар ин ҷаласа қарор дар бораи табдили номи Созмони конфронси исломӣ ба Созмони ҳамкориҳои исломӣ ва таъсиси Комиссияи доимии ҳуқуқи башар воқеан як фазои навро дар фаъолияти СҶИ ба миён овард. Иштироккунандагони мулоқот майлу хоҳиши худро барои гузаштан аз минбарҳои машваратӣ ба ҳамкориҳои васеи мутақобилан судманд, муайян кардани роҳи нави рушд ва таҷдиди СҶИ-ро мавриду таҳлилу баррасӣ қарор доданд. Ҳамзамон дар ин ҷаласа тадбирҳои мушаххас барои густариш додани фаъолияти Созмони исломии маориф, илм ва фарҳанг (ISESCO) дар ҷумҳуриҳои Осиёи Марказӣ баррасӣ гардид, ки дар татбиқи бахшҳои илмӣ ва технология он нақши Саммити 1-уми СҶИ дар шаҳри Остона (Қазоқистон) дар рӯзҳои 10-11 сентябри соли 2017 аҳаммияти хосаи худро дорад [10].

Дар асоси муҳтавои Эълумияи Остона чанд самти ҳамкориҳои барои амалӣ кардани барномаҳо дар бахшҳои илм, технология, инноватсия ба хоҳири азнавсозии ҷаҳони ислом дар асри XXI, аз қабилӣ Барномаи рушди илм, технология ва инноватсияи Созмони ҳамкориҳои исломӣ то соли 2026 тавассути татбиқи як силсила ташаббусҳо ва барномаҳо дар соҳаи маориф, малакаҳои касбӣ, илмҳои бунёдӣ ва амалӣ, давлатҳои манфиатдори аъзои СҶИ-ро водор сохт барои таҳияи барномаи «Бузург»- и илмӣ, ки хусусияти байнисоҳавиро доро мебошад, роҳандозӣ карда шуд. Ҳамзамон кишварҳои аъзои СҶИ барномаҳои муштараки таҳқиқотиро дар соҳаи кишоварзӣ, амнияти озуқаворӣ, ҳифзи самтҳои экологӣ, аз ҷумла мубориза бо хушксолӣ, идоракунии самараноки захираҳои об, ҳифзи амнияти рақамӣ тавассути омӯхтан ва ҷамоҳангсозии қонунҳо, сиёсат ва посухҳои мавҷуда вобаста ба амнияти киберӣ дар кишварҳои узв бо дарназардошти оқибатҳои амиқи он, пайгирӣ карда шуд.

Барои татбиқи амалии барномаҳои зикргардида рӯзҳои 16-18- январӣ соли 2024 дар шаҳри Ҷидда иҷлосияи 44-уми Шурои иҷроияи созмони маориф, илм ва фарҳанги исломӣ (ISESCO) ва ҷаласаи дуҷуми машваратии котибони масъули комиссияҳои миллии ISESCO баргузор гардид. Дар ҷараёни ин мулоқот ташаббусҳо ва дастовардҳои муносири ISESCO баррасӣ шуд ва дар ин замина чанд ёдгории таърихӣ

фарҳангии Тоҷикистон ба Феҳристи мероси модии фарҳангии ISESCO ва ду ёдгории дигар – «Боғи миллӣ» ва «Саразм» ба Феҳристи маҳсули ин созмон шомил шуданд, ки ин аз боло рафтани мавқеи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар СҶИ дарак медиҳад [9].

Агар ба таърихи ҳамкориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон бо СҶИ назар андозем, гардиши муҳим дар муносибатҳо миёни Ҷумҳурии Тоҷикистон ва СҶИ дар солҳои 1994, 1997, 2000, 2005, 2008, 2015, 2019 ва 2020 дар соҳаҳои савдо, иқтисод, маориф, илм, энергетика ва ғайраҳо маҳсуб меёбад.

Бо таъкид бо мавқеъ ва нақши Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ҳамкорӣ бо Созмони ҳамкориҳои исломӣ, яке аз рӯйдодҳои муҳимме, ки дар рушди муносибатҳои на танҳо Тоҷикистон, балки кишварҳои Осиёи Марказӣ бо Созмони ҳамкориҳои исломӣ тақони нав бахшид, 37-умин иҷлосияи Шурои вазирони қорҳои хориҷии созмон маҳсуб меёбад, ки он аз 18 то 20 майи соли 2010 дар шаҳри Душанбе доир гардида буд ва гуфтан мумкин аст, ки аввалин баргузори иҷлосия дар кишварҳои ОМ мебошад. Дар ин маврид муҳаққиқи қазоқ Молдахмед Бидас чунин гуфтааст: «Тоҷикистон дар замоне, ки Қазоқистон дар сохтори Амнияти Аврупо - САҶА раисӣ мекард, кишвари мизбони ин чорабинии муҳим гардид. Ин ду ҳодиса дар Осиёи Марказӣ далели афзоиши нақши минтақа дар муносибатҳои байналмилалӣ чаҳонӣ мебошад» [8, 107].

Дар ҷаласаи мазкур қарорҳои зиёде ба тасвиб расид, ки дар онҳо ташаббусҳои Тоҷикистон дар мубориза алайҳи истехсол ва фурӯши ғайриқонунии маводи муҳаддир ва қочоқи маводи муҳаддир аз Афғонистон, барқарорсозии минтақаҳои собиқ озмоишгоҳи низомии Семипалатин ва баҳри Арал мавриди таҳдил ва қабули қори ҷаласа қарор дода шуданд.

Аз ин лиҳоз, Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун узви ҷомеаи Осиёи Марказӣ дар ҷаҳорҷӯби СҶИ бо тамоми кишварҳои узв барои ноил шудан ба ҳадафҳои бунёдӣ, аз қабилӣ: таҳкими ҳамкориҳои байни кишварҳои узв, решақан қардани ҳама гуна намуди таъбиз, андешидани чораҳо барои муҳофизат аз сулҳу суботи саросарӣ, ёрӣ расонидан барои барқарор қардани ҳуқуқи озодиҳои мардуми Фаластин, муҳайё қардани шароити зарурӣ барои мустаҳкам намудани ҳамкорӣ ва ҳамфикрии байни кишварҳои аъзо ва кишварҳои дигар талош мекунад, ки онро метавон аз нақш ва саҳми Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои муаззамии миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар рушди муносибатҳои кишвар бо Созмони ҳамкориҳои исломӣ донист. Аз ҷумла, Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон зимни суҳанронии хеш бо роҳбарони шӯъбаҳои сиёсати хориҷии кишварҳои узви СҶИ иброз намуданд, ки модернизатсия ва ислоҳот асоси рушди ҷаҳони ислом дар ҳазорсолаи ҷорӣ мебошад, ки он ба эълонии нави ин созмон замина гузошт [3].

Бо таваҷҷуҳ ба раванди ҳамкориҳои давлатҳои Осиёи Марказӣ бо Созмони ҳамкориҳои исломӣ метавон чунин натиҷагирӣ намуд: а) СҶИ ҳамчун созмони мушаххаси байнидавлатии минтақавӣ, ки кишварҳоро аз рӯйи мансубиятҳои динӣ муттаҳид мекунад, ба вучуд омадани консепсияи он ҳамчун формулаи муносиби ҳамкориҳои байнидавлатӣ шинохта шудааст ва зарурияти он дар доираи иттиҳодияҳои ягонагии конфессионалӣ аз талаботи муҳимми замони мебошад б) таҳия ва татбиқи стратегияи сиёсати хориҷии кишварҳои Осиёи Марказӣ аз он гувоҳӣ медиҳад, ки муносибатҳои кишварҳои фавқуззикр бо ин созмони бонуфузи байнидавлатӣ дар

чаҳорҷӯбаи Консепсияи ҳамкориҳо дар бахшҳои иқтисод, масъалаҳои иҷтимоӣ сиёсӣ, илм, маориф, технология, амният, мубориза бо терроризм ва ғайраҳо ба роҳ монда шудааст, ки он аз боло рафтани нақш ва мавқеи кишварҳои Осиёи Марказӣ дар ҳамкорӣ бо СҲИ гувоҳӣ медиҳад в) Созмони ҳамкориҳои исломӣ дар баробари дигар созмонҳои бузурги ҷаҳонӣ ва минтақавӣ барои рушди кишварҳои минтақаи Осиёи Марказӣ аҳамияти махсусро пайдо кардааст.

Давлатҳои мазкур аз замони шомил шудан ба СҲИ равобитаи худро бо Котиботи генералии СҲИ, ниҳодҳои ёрирасон ва мақомоти ин созмон тадриҷан инкишоф дода истодаанд. Ҳайатҳои вакилони кишварҳои Осиёи Марказӣ дар тамоми чорабиниҳои асосии СҲИ, инчунин дар ҷаласаҳои солонаи Ҳамоҳангсозии вазирони қорҳои хориҷии СҲИ дар доираи Ассамблеяи Генералии СММ иштирок намуданд.

АДАБИЁТ

1. Андрианов В. Д. Исламский банк развития и особенности исламского банкинга// cyberleninka.ru.
2. Ш. И. Асанова. К вопросу об истории создания Организации исламского сотрудничества/Ш. И. Асанова//Современная молодежь и духовные ценности народов России: сб. материалов VI Респ. студенч. науч.-практ. конф. Казань, 27 мая 2021 г./Духов. упр. мусульман Респ. Татарстан, Рос. ислам. ин-т, Казан. ислам. ун-т; науч. ред.: Р.М. Мухаметшин; отв. ред.: Р. Р. Закиров. –Казань, 2021.
3. 2010//http://
4. Исламский банк развития. Документ Национального Банка Таджикистана. Душанбе, 2004. 40 с.
5. Косач Г. Г. Организация Исламская конференция: региональное объединение в современном мире//Региональные организации: современные тенденции развития: сб. ст./Моск. гос. ун-т, Ин-т стран Азии и Африки. – М., 2003. 178 с.
6. Куйсинова Ф. О. Организация исламского сотрудничества как фактор политического сотрудничества мусульманских стран//Актуальные вопросы современного образования: материалы междунар. науч. практ. конф. 12 нояб. 2020 г. Санкт-Петербург. 2020. – 130 с.
7. Моравецкий, В. Функции международной организации. М. 2006. 383 с.
8. Молдахмет Бидас. Организация исламского сотрудничества и Казахстан: состояние и перспективы сотрудничества (политический анализ) дис.канд. полит, наук. Алматы. 2013. 122 с.
9. Официальные страницы Министерства иностранных дел Республики Таджикистан в социальных сетях. [www.twitter.com /MID Tajikistan](http://www.twitter.com/MID_Tajikistan). (Дата обраш. 03. 02. 2024.).
10. Официальный сайт ОИС. (Дата обраш. 25. 10. 2022.)
11. Саидзода З. Тоҷикистон дар ҳавзаи ҷаҳонӣ ислом. -Душанбе, 2001. 208 с.
12. Сотрудничество Республики Узбекистан с международными организациями//Министерство иностранных дел Республики Узбекистан//http://m fa.uz / rus / mej _sotr /uzb_m ejdorg/(Дата обраш. 25.12. 2021.).
13. Султанов В. К. Казахстан и Организация Исламская конференция - Алматы: Казахстанский ин-т стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан; Аспект, 2010. 268 с.
14. Правила процедуры получения полного членства в ОИК//Документ ОИК. XXVII Конференция министров иностранных дел государств –членов ОИК. Резолюция № 67/ 27
15. Устав ОИС, OIC Charter//Информационный портал ОИС - Режим доступа: www.oic-osi.org. (Дата обраш. 18.25. 2019 г.).
16. Усубалиев Э. Кыргызстан и мусульманский мир: некоторые аспекты внешнеполитического планирования//<http://www. analitika. org/kyrgyzstan/kg-foreign-affairs/89-20100-30715321716.hunl>. (Дата обраш. 12.04.2020.).

17. Хасанов Р. Организация Исламская Конференция и мусульманские государства СНГ//Центральная Азия и Кавказ, №11, 199// [электронный ресурс]. http://www.ca-c.org/iJournal/1-1997/st_03_hasanov.shtml (дата обраш. 16.09.2021).

ТАЪРИХИ БАҶҚАРОРИИ РАВОБИТИ ДИПЛОМАТИЮ СИЁСИИ ДАВЛАТҲОИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ БО СОЗМОНИ ҲАМКОРИҲОИ ИСЛОМӢ

Мақолаи мазкур ба омӯзиш ва муайян намудани хусусиятҳои муносибатҳои байни давлатҳои соҳибистиқлоли Осиеи Марказӣ (ИДМ ОМ) ва Созмони ҳамкории исломӣ бахшида шудааст. Муаллиф самтҳои асосии ҳамкории кишварҳои Осиеи Марказӣ ва СҲИ-ро мавриди таҳлилу баррасӣ қарор додааст.

Бо дарназардошти мубрамияти масъалаи мазкур гуфтан мумкин аст, ки иштироки фаъолонаи кишвари Осиеи Марказӣ дар фаъолияти СҲИ вобаста ба масъалаҳои ҷалби таваччуҳи ҷомеаи ҷаҳонӣ ба мушкилоти сершумори минтақаи Осиеи Марказӣ равона гардидааст. Таҳия ва татбиқи лоиҳаҳои марбут ба таҳкими ҳамкории тичоратию иқтисодии кишварҳои узви СҲИ бо Осиеи Марказӣ, аз тарафи кишварҳои манфиатдори аъзои СҲИ ба имзо расондани Меморандуми умумии муносибатҳо оид ба инкишофи робитаҳои нақлиётӣ; густариши муносибатҳо байни муассисаҳои таълимӣ; илм, техника, нигоҳ доштани мероси фарҳангию таърихи гузашта мебошад.

Кишварҳои Осиеи Марказӣ ҳамчун субъекти мустақил дар муносибатҳои байнал-милалӣ раванди ҷаҳониеро, ки ба рушди муқоламаи байни тамаддунҳо нигаронида шудааст, ҷамаҷониба дастгирӣ намуда, дар доираи ҳамкории бо Созмони ҳамкории исломӣ принсипҳои мусоидат ба муқоламаи созанда дар муносибатҳоро қатъиян риоя мекунад, қувваи ҳарбӣ дар соҳаи амниятро қатъиян рад мекунад ва барои таъмини татбиқи ташаббусҳои минтақавӣ ва ҷаҳонӣ ва дарёфти механизми нави ҳамкории судманд миёни кишварҳои аъзо ва дигар кишварҳои ҷаҳон талош қарда истодаанд.

Калидвожаҳо: *самти муносибатҳо, созишнома, ҳамкорӣ, мубориза бо терроризм, ҷамба-стагӣ, муносибат, сиёсат, иқтисод, маориф.*

ИСТОРИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ИСЛАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Данная статья посвящена исследованию и выявлению особенностей отношения Новых Независимых Государств Центральной Азии (ННГ ЦА) и Организации исламского сотрудничества. Автор проанализировал базовые направления сотрудничества между странами Центральной Азии и ОИС. Важным показателем активное участие стран Центральной Азии в деятельности ОИС связан с вопросами привлечение внимания мирового сообщества к многочисленным проблемам региона Центральной Азии; участие в разработке проектов, связанных с укреплением торгово-экономического сотрудничества государств-членов ОИС с Центральной Азией; подписание заинтересованными странами - членами ОИС Общего меморандума о взаимоотношении по развитию транспортных связей; расширению связей между учебными заведениями; сохранения культурного наследия прошлого.

Страны Центральной Азии как светские правовые государства, полностью поддерживают глобальный процесс, направленный на развитие диалога между цивилизациями и религиями и в своей деятельности в составе Организация исламского сотрудничества твердо придерживаются принципов содействия конструктивному диалогу в отношениях, поисков возможного консенсуса

и неприменения военной силы в сфере безопасности. Исходя из указанного, преимущества и перспектив участия ННГ ЦА в ОИС видят для реализации своих региональных интересов; противостоять угрозе и вызову современности; обеспечить реализации региональных и глобальных инициатив и др.

Ключевые слова: *направление взаимоотношение, соглашение, сотрудничество, борьба с терроризмом, солидарность, отношения, политика, экономика, образование.*

HISTORY OF THE RESTORATION OF DIPLOMATIC AND POLITICAL RELATIONS OF THE CENTRAL ASIAN STATES WITH THE ORGANIZATION OF ISLAMIC COOPERATION

This academic article delves into the dynamics of the relationship between the Newly Independent States of Central Asia (NIS CA) and the Organization of Islamic Cooperation (OIC). It provides a comprehensive analysis of the key areas of collaboration between the Central Asian countries and the OIC. Noteworthy indicators of the active engagement of Central Asian nations within the OIC involve drawing international attention to the multifaceted issues of the region, joint efforts towards enhancing trade and economic ties between OIC member states and Central Asia, endorsement of the General Memorandum of Relationship by concerned OIC members to foster transport connectivity, academic institutions' partnerships, and preservation of cultural heritage.

The Central Asian countries, as secular legal entities, staunchly support global endeavors fostering dialogue among civilizations and religions. Within the framework of the OIC, they consistently uphold principles conducive to promoting constructive dialogues, seeking consensus, and advocating for non-military security approaches. Consequently, the participation of NIS CA within the OIC is perceived as instrumental in advancing regional interests, mitigating contemporary threats and challenges, and realizing both regional and global initiatives.

This study underscores the significance of NIS CA's involvement in the OIC towards achieving their strategic regional objectives, countering emerging threats, and championing regional and global initiatives.

Key word: *direction relationship, agreement, cooperation, fight against terrorism, solidarity, relations, politics, economics, education.*

Сведения об авторе: **Ибрагимова Гавхар Саймуудиновна** - Таджикский национальный университет, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17. E-mail: gavharibrogimova@mail.ru (+ 992) 918 – 94 – 02 -54.

Information about the author: **Ibragimova Gavhar Saimuddinova** – Tajik National University, candidate of historical sciences, associate professor, head of the Department of modern and contemporary history of foreign countries. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 17. E-mail: gavharibrogimova@mail.ru (+ 992) 918 - 94 - 02 - 54.

БА ТАВАЧҚУҶИ МУАЛЛИФОН

Маҷаллаи «Муаррих» нашрияти илмӣ - назариявии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, маводи соҳаи илмҳои таърихро дар бар мегирад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори омма» ба нашр омода мешавад.

ҲАДАФҶОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМИИ ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

– инъикоси саривақтии натиҷаҳои фаъолияти таҳқиқотии олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин олимони мамӯлики хориҷии наздику дур, аз рӯи соҳаҳои зерини илм: таърихшиносӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг, фалсафа.

– инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаҳои таърихшиносӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

– ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони нашри натиҷаҳои ҷустуҷӯӣҳои илмӣ;

– инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори илмҳои таърихшиносӣ;

– ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

– тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмию таҳқиқотии олимони институт, инчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои соҳаи илму маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ШАРТҶОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

– ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, тавзеҳҳои илмии қаблан дар нашрияҳои ҷопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию ҷоп қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаю дастовардҳои таҳқиқоти бунёдии назарию амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар илми таърихшиносӣ дар бар гиранд;

– қарор дар бораи нашр ё радди ҷоп дар асоси муҳимият, навоарӣ ва аҳамияти илмии маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

– муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмии пешниҳодгардида ва ҳамаи маълумотеро, ки мақола, тавзеҳ ва тақризҳоро дар бар мегиранд, ба зиммадоранд;

– ҳамаи маводи ба идораи маҷалла воридгардида ҳатман дар сомонии *antiplagiat.ru* мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир, муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақризгоҳ мекунад;

– ҳамаи мақола, тавзеҳ ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонии *antiplagiat.ru* бо мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;

– мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонии маҷалла: <https://istorik.tarena.tj/ru> зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;

– агар дар тақриз оид ба ислоҳу такмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои такмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;

– муаллиф маводи такмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро яқҷоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад;

– ҳайати таҳририя ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмии он ҳақ дорад. Хатоҳои имлоию техникаӣ ва услубиро мусаҳҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон)

ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифон) мувофиқа карда мешаванд;

– нусхаи барои такмил ба муаллиф (ҳаммуаллифон) фиристода бояд дар муҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва чопӣ бояд ба идора баргардонида шавад;

– мақолаҳои, ки ба чоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргардонида намешаванд. Дар мавриди радди чопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) раддияи асоснок ирсол мекунад;

– тибқи дархости шуроҳои коршиносии ҚОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон идораи маҷалла ба онҳо тақризҳои пешниҳод мекунад.

**ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛАҲО
(ТАВЗЕҲҲО, ТАҚРИЗҲО), КИ БА МАҶАЛЛАИ ИЛМИЮ НАЗАРИЯВИИ
«МУАРРИХ» -И ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ
БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
БАРОИ ЧОП ИРСОЛ МЕГАРДАНД:**

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва тавзеҳҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ 5.6.1. Таърихи дохилӣ; 5.6.2. Таърихи умумӣ; 5.6.3. Бостоншиносӣ; 5.6.4. Этнология, антропология ва этнография; 5.6.5. Таърихнигорӣ, маъхазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таърихӣ; 5.6.6. Таърихи илм ва технология; 5.6.7. Таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, ки қаблан дар ҳеч ҷой чоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

– матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ба таври имконият бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар мактуби роҳнамо бо имзои ректор (ноиб ректор) ё роҳбари муассиса ва ё ин ки ташкилот ба шакли ҷопии он муаллиф (ҳаммуаллифон) имзо гузоштаанд;

– тақризи доктор ё номзади илм, ки онро мудири шуъбаи кадрҳои ҷойи қори муқаррарӣ муҳр ва имзо гузоштааст;

– маълумотнома аз ҷойи таҳсил (барои аспирантҳою магистрантҳо);

– шакли ҷопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғи зерин ирсол мешавад: 734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, бинои асосӣ, ошонаи 1, ҳуҷраи 21, телефон: (+992) 221-37-42.

– шакли электронии мақоларо ба почтаи электронии istorik.tarena.tj@yandex.ru ирсол намоед. Тел: (+992 37) 221-37-42; суроғи сомонаи маҷалла: <https://istorik.tarena.tj/ru>

**ТИБҚИ ТАЛАБОТИ КОА НАЗДИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
МАҚОЛА БОЯД УНСУРҲОИ ЗЕРИНРО ДАР БАР ГИРАД:**

- индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);
- индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);
- ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- унвони илмӣ, дараҷаи илмӣ муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯӣ), ки таҳқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- аспирантон, унвонҷӯён, омӯзгорон, докторантҳо номи муассисаи илмиро (магист-рантҳо самти тайёриро) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ зикр мекунанд;
- зикри мансаб, ҷойи кор, шаҳру мамлакат ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ;
- e-mail ва телефони робитавии муаллиф ва ё ҳаммуаллифон барои тамос;
- номи мақола бо забонҳои тоҷикию русию англисӣ бо ҳарфҳои калон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тароз дар марказ);
- фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ ҳуруфи Times New Roman 14, аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари кор ва хулосаҳои асосие, ки навоҳари илмӣ корро дар бар мегирад;
- калидвожаҳо ба забонҳои русию англисӣ оварда мешаванд, 5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад; ҳуруфи Times New Roman 14, тарҳаш - курсив, тароз дар бар, вожаҳо ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд);
- мақола ҳатман бояд номгӯӣ адабиёти истифодашударо бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар бар гирад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд ҳатман риоя карда шаванд;
- иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо қайди рақами адабиёт мутобиқи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд, масалан: [5, 25] ё [5, 25; 6, 77];
- Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой маҳсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат пурра орий (тоза) бошад.
- Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.
- Масъулияти салоҳият, бозғатимодии асноди муҳтавои мақолот ба зиммаи муаллифон ва муқарризон вогузор карда мешавад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Историк» – научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, который публикует материалы по историческим наукам в соответствии с законодательством Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

**ЦЕЛЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:**

- Оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья в следующих отраслях науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;
- Развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;
- Предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;
- Освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;
- Поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;
- Пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

- редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, рецензии, научные обзоры и отзывы, которые ранее не были опубликованы в печатных и электронных изданиях. Эти материалы должны содержать научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии.
- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов.
- авторы (соавторы) несут полную ответственность за достоверность представленной научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях.
- все материалы, представленные в редакцию журнала, обязательно проходят проверку на сайте antiplagiat.ru. После этого редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о принятии материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования.
- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии, в случае положительного решения после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензирование с целью экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки.
- статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном

соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям на сайте журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>.

– Если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала.

– Доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

– редколлегия вправе редактировать статьи без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами).

– вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде.

– статьи, не принятые к опубликованию, не возвращаются автору (авторам). В случае отказа от публикации материала, редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ.

– по запросу экспертных советов ВАК при Президенте Республики Таджикистан, редакция журнала предоставляет им рецензии.

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ),
ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А.
ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА**

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и технологий; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

- текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;
- рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;
- справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: istorik.tarena.tj@yandex.ru Телефон для справок: (+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>

**В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ, СТАТЬЯ
ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:**

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты - направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;
- название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
- ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);
- статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.
- ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст, присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мавод ва маълумоти саҳеҳ муаллифон масъуланд. Истинод ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

Мусахҳеҳ: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Муҳаррири техникӣ: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**
Саҳифабанд ва ороишгар: **Турахӯҷаи ТОХИРЗОДА**

Ба матбаа 25. 06. 2024 сол тахвил шуд. Ба чопаш 28. 06. 2024 имзо шуд.
Андозаи 70x100¹/₈. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Чузби чопӣ 11.
Адади нашр 100 нусха. Супориши

Дар нашриёти ҚДММ «Ганчи хирад» ба таъб расидааст.
734025, шаҳри Душанбе, Бофанда 5/1. Тел: 227-71-01

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обязательна.

Корректор: **Манзура ХАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Технический редактор: **Мухбирҷон КЕНДЖАЕВ**
Дизайн и верстка: **Турахуджаи ТОХИРЗОДА**

Сдано в типографию 25. 06. 2024 г. Подписано в печать 28. 06. 2024 г.
Формат 70x100¹/₈. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11.
Тираж 100 экземпляра. Заказ--

Отпечатано в типографии ООО «Ганчи хирад»
734025, г. Душанбе, улица Бофанда 5/1. Тел: 227-71-01